Ханну Райаниеми
ФРАКТАЛЬНЫЙ ПРИНЦ
fanzon

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Постсингулярное будущее. Солнечная система освоена, а обитатели, живые и искусственные, принадлежат к разным враждующим фракциям. Величайшая из них, Соборность, строит новую вселенную для воскрешения всех мертвых. Жан ле Фламбер отправляется на постапокалиптическую Землю, где в пустынях обитают джинны – самомодифицирующиеся вирусы дикого кода, чтобы взломать разум Основателя Соборности, который находится или не находится в ларце Шредингера. Продолжение экстраординарного «Квантового вора» укрепляет позиции Ханну Райаниеми как одного из самых захватывающих авторов научной фантастики XXI века. «Ошеломляюще и увлекательно, как снятый после Сингулярности фильм о налете, вдохновленный теорией струн и искусственными интеллектами из-за пределов нашего пространства-времени». – Чарльз Стросс «Вдумчивый, жесткий, глубоко продуманный и очень нешаблонный. В современной научной фантастике нет ничего подобного». – The Guardian «Энергичность, дальновидность и широкий взгляд на посмертие – наши рекомендации!» – Fantasy and Science Fiction Magazine «"1000 и одна ночь" в антураже постчеловеческой Земли. Роман, от которого оторваться практически невозможно». – Fantlab.ru «ФРАКТАЛЬНЫЙ ПРИНЦ своим поразительным концептуальным и стилистическим блеском оправдывает наши ожидания». – Пол Ди Филиппо «Великое достоинство заключено в самой странности романа». – SFX Magazine

- Ханну Райаниеми
  - ○
  - ○
  - ○ Пролог
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11

- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- Эпилог
- Благодарности

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22

- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33

Ханну Райаниеми
Фрактальный принц

© И. Савельева, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2022

Томи, живущему в наших историях

Его портрет? Как мог бы я его изобразить? Я видел Арсена Люпена раз двадцать, и двадцать раз передо мной представал другой человек… либо, скорее, всё тот же, от которого двадцать разных зеркал донесли до меня столько же искажённых отражений.

МОРИС ЛЕБЛАН

Арест Арсена Люпена.

Когда мы смотрим на фрактал, мы должны вглядываться в одно зеркало, не обращая внимания на второе, стоящее где-то далеко позади.

КРИСТИАН БЕК

Кристаллография.

Пролог
Спящий принц

Этой ночью Матчек ускользает из своего сна, чтобы снова навестить вора.

Во сне он видит себя в книжном магазине. Это тёмное неприбранное помещение с низким потолком и ветхой лесенкой, ведущей к небольшой мансарде. Полки прогибаются под тяжестью запылившихся фолиантов. Из дальней комнаты тянется пьянящий аромат благовоний, смешиваясь с запахами пыли и плесени.

Прищурившись в тусклом свете, Матчек разглядывает рукописные указатели на полках. Они немного изменились с прошлого раза, как изменился и список эзотерических тем. «Огнеглотатели». «Человек-ядро». «Невосприимчивые к ядам». «Езда по стенам». «Чудеса разума». «Освобождение от оков».

Он тянется к небольшому томику, название которого, выведенное округлыми золотыми буквами, гласит: «Тайная история пушки Заккини», и его пульс заметно учащается. Эти истории в снах нравятся Матчеку, хотя после пробуждения он не может их вспомнить. Он открывает книгу и принимается за чтение.

«Человек-ядро никогда не любил её, несмотря на то что говорил о любви не один раз. Единственной его любовью оставалось ощущение полёта, когда его выбрасывало из огромной железной пушки, которую его дед изготовил из металла, по преданию, добытого из упавшего с неба камня. Человек-ядро хотел обзавестись женой, поскольку так было принято и это помогло бы ему поддерживать в рабочем состоянии великолепный механизм, образуемый им самим и пушкой, но назвать это любовью было бы неправильно…»

Матчек моргает. Это не та история. Она не приведёт его к вору.

От неожиданного кашля за спиной Матчек вздрагивает и резко захлопывает книгу. Если он обернётся, то увидит сидящего за прилавком тощего владельца магазина, который неодобрительно посматривает в его сторону безумными глазами, увидит седые волосы на его груди, пробивающиеся сквозь петли грязной рубашки, увидит небритое злое лицо и проснётся.

Матчек качает головой. Сегодня он не просто смотрит сон. Он здесь по делу. Он осторожно ставит книгу обратно на полку и начинает подниматься по ступенькам лесенки.

Дерево отзывается скрипом на каждый его шаг. Матчек чувствует себя неуклюжим. Перила под его рукой внезапно становятся мягкими. Стоит допустить оплошность, и он рискует провалиться в другой, более глубокий сон. Но вот среди серых фолиантов, сверху на крайней полке, где заканчивается лестница, он видит голубой проблеск.

Хозяин магазина внизу заходится отрывистым влажным кашлем.

Матчек поднимается на цыпочки и кончиками пальцев тянется к голубому переплёту. Книга падает с полки, а вместе с ней вываливается целый каскад других томов. Пыль мгновенно забивает глаза и горло. Он начинает кашлять.

– Что ты делаешь там, наверху, парень? – раздаётся скрипучий голос, сопровождаемый шаркающими шагами и стоном половиц.

Матчек опускается на колени, разбрасывает книги о блошиных цирках и поющих мышах и отыскивает голубой томик. Сквозь царапины и потёртости на обложке проглядывает коричневый картон, но серебряные минареты, звёзды и месяц остались всё такими же яркими.

По лестнице поднимается нечто, пахнущее благовониями и пылью, но это не хозяин магазина, а что-то намного хуже, что-то сухое и старое, как пергамент…

Не сводя глаз с книги, Матчек резко раскрывает её. Слова с пожелтевшей страницы устремляются ему навстречу потоком чёрных шевелящихся насекомых.

«Одна из легенд о древних народах повествует о царе из династии Сасанидов, повелевающем армиями солдат и слуг, у которого было двое сыновей – старший и младший…»

Слова взвиваются вихрем. Бумага и буквы становятся объёмными, принимают форму руки с чёрными и белыми пальцами и устремляются к Матчеку из книги.

Пыльное существо кашляет и шепчет, что-то щекочет плечо Матчека. Он изо всех сил сжимает протянутую руку, острые края пальцев-слов впиваются в ладонь. Но он не выпускает их, и рука внезапно увлекает его в простирающийся впереди океан символов. Слова перекатываются через него, словно…

…волны, вокруг босых ног бьются клочья прохладной пены. Над ним тёплое вечернее солнце, навстречу широкой улыбкой расстилается белый песчаный пляж.

– Я уже пробыл здесь некоторое время и думал, что ты так и не соберёшься это сделать, – произносит вор.

Он сжимает руку Матчека в крепком рукопожатии. Это худощавый мужчина в шортах и белой рубашке, глаза скрыты за

линзами солнцезащитных очков, синими, как книга из сна.

Полотенце вора расстелено на песке неподалеку от пустых шезлонгов под зонтиками. Они с Матчеком садятся рядом и наблюдают, как солнце опускается в море.

– Я частенько бывал здесь, – говорит Матчек. – Раньше, как ты понимаешь.

– Я знаю. Я почерпнул это из твоих воспоминаний, – отвечает вор.

И пустой пляж внезапно заполняется, как в те субботние дни, когда Матчек приходил сюда с отцом. Сначала они посещали рынок, где торговали всевозможной техникой, потом раскладывали свои приобретения на песке и испытывали в волнах плавающих дронов или просто наблюдали за паромами и водными мотоциклами. Но, несмотря на ощущение песка между пальцами ног, несмотря на запах солнца, пота и соли на коже и красную линию скал на другом конце пляжа, что-то кажется Матчеку неправильным, не таким, как прежде.

– Ты хочешь сказать, что украл всё это, – говорит Матчек.

– Я думал, что тебе это уже не нужно. Кроме того, я надеялся порадовать тебя.

– Да, наверно, так и есть, – соглашается Матчек. – Но кое-какие детали переданы неверно.

– В этом ты должен винить свою память, а не меня, – возражает вор.

Его слова вызывают у Матчека беспокойство.

– Ты тоже выглядишь несколько иначе, – говорит он, просто чтобы что-нибудь сказать.

– Это помогает, если не хочешь быть пойманным, – отвечает вор.

Он снимает очки и убирает их в нагрудный карман. Он действительно немного изменился, хотя Матчек мог бы поклясться, что тяжёлые веки и лёгкий изгиб губ остались такими же, как прежде.

– Ты никогда не рассказывал, как тебя поймали, – говорит Матчек. – Только о самой тюрьме и о том, как тебя вытащила оттуда Миели[1]. И о твоём путешествии на Марс в поисках воспоминаний, необходимых, чтобы украсть что-то для её босса и обрести свободу.

– И что было дальше? – Вор улыбается, как будто только одному ему понятной шутке.

– Ты отыскал свои воспоминания, но другой ты тоже пытался ими завладеть. Поэтому ты запер его в тюрьме и получил только Ларец, в котором заключен бог. И воспоминание о том, что тебе

необходимо попасть на Землю.

– У тебя *действительно* хорошая память.

В висках у Матчека неожиданно начинает стучать гнев.

– Прекрати надо мной насмехаться. Я не терплю, когда люди смеются надо мной. А ты даже не человек, а просто моя выдумка или то, о чём я прочел в книге.

– А разве в школе тебе не объясняли важность выдуманных вещей?

Матчек фыркает.

– Только для читрагупт. Великая Всеобщая Цель почти достигнута. Смерть реальна. Враги реальны.

– Я вижу, ты способный ученик. Так что же ты здесь делаешь?

Матчек поднимается и сердито шагает к морю.

– Знаешь, я ведь мог бы рассказать им о тебе. Другим ченам. И они уничтожили бы тебя.

– Если сумели бы поймать, – уточняет вор.

Матчек разворачивается. Вор смотрит на него снизу вверх, щурясь от солнца, склонив голову набок и усмехаясь.

– Расскажи мне о том, что произошло в прошлый раз, – говорит Матчек.

– Ты должен меня попросить.

Матчек готов высказать вору всё, что думает: что тот всего лишь плод его воображения и Матчек не должен ни о чем просить. Но вор смотрит так весело, совсем как маленький Будда, всегда стоявший в саду его матери, что слова замирают у него на губах, и он только резко втягивает воздух. Матчек медленно возвращается к расстеленному полотенцу, садится и обхватывает руками колени.

– Ладно, – соглашается он. – Расскажи, как тебя поймали в прошлый раз. Пожалуйста.

– Так-то лучше, – отвечает вор.

От солнца на горизонте остался только золотой отблеск, но вор всё равно надевает очки. Закатные лучи разливаются по морю жидкой акварелью.

– Хорошо. Это история, отрицающая смерть, как я, как ты, как все мы. Этому-то тебя учили в школе?

Матчек бросает на него нетерпеливый взгляд. Вор откидывается назад и усмехается. А затем начинает рассказ.

– Было так, – говорит он. – В тот день, когда за мной пришел Охотник, я убивал воображаемых котов в камере Шредингера.

Окружающий их виртуальный пейзаж меняется, иллюстрируя историю вора закатным сиянием, песком и морем.

1
Вор и Ларец

В тот день, когда за мной приходит Охотник, я убиваю воображаемых котов в камере Шредингера. Ку-щупальца, словно искры от трансформатора Теслы, тянутся от моих пальцев к небольшому Ларцу из лакированного дерева, парящему в воздухе посреди каюты. Позади слегка изогнутая стена с проекцией Магистрали – безостановочно движущейся реки космических кораблей и мыслевихрей, светящегося штриха в темноте, участка гравитационной артерии Солнечной системы, по которой наш корабль «Перхонен» [2]движется от Марса к Земле. Но сегодня меня не трогает её великолепие. Мой мир сузился до границ чёрной шкатулки, в которой, судя по её размерам, может храниться обручальное кольцо, разум бога… или ключ к моей свободе.

Я слизываю капельки пота с губ. Всё поле моего зрения занимает паутина диаграмм квантового протокола. В голове звучат нескончаемый шёпот и бормотание гоголов-математиков «Перхонен». Чтобы помочь моим слишком уж человеческим органам чувств и мозгу, они сводят задачу к необходимости открыть японскую шкатулку-головоломку, выполненную в технике йосеги[3]. Квантовые протоколы фиксируют искривления и желобки в мозаике, болевые точки древесины, напоминающие напряжённые мускулы, движущиеся секции, похожие на слабые улыбки. И я должен отыскать единственно верную последовательность, открывающую шкатулку.

Кроме того, нельзя открывать шкатулку слишком быстро: деревянные детали связаны с бесчисленным множеством кубитов, каждый из которых одновременно является нулём и единицей, а движения представляют собой операции квантовой логики, выполняемые комплектом лазеров и интерферометров, вмонтированных гоголами в крылья корабля. Всё это равносильно процессу, который в древности называли квантовой томографией: попытка выяснить, как Ларец реагирует на зонды, внедрённые нами со всей осторожностью, словно отмычки в замок. Я чувствую себя так, будто жонглирую восьмигранными кубиками Рубика и одновременно пытаюсь их собрать.

И каждый раз, когда один из них падает, Бог убивает миллиард котят.

Гоголы выделяют часть диаграммы, и в паутине появляются красные нити. Я сразу же замечаю связь между двумя участками.

Если повернуть это сюда, применить вентиль Адамара и *преобразовать*…

Воображаемое дерево скрипит и потрескивает под моими пальцами.

– Сезам, – шепчу я.

Дратдор, один из старейшин зоку[4], всегда любил поговорить, так что мне не составило труда получить от него описание Ларца (не упоминая, конечно, о том, что я украл его у зоку двадцать лет назад).

«Представь себе камеру, – сказал он. – И посади туда кота. А вместе с ним установи механизм убийства: к примеру, пузырёк с цианидом, соединённый с молоточком, и одиночный атом радиоактивного элемента. В течение следующего часа атом либо распадётся – либо нет, либо вызовет удар молотка – либо нет. В таком случае кот в камере будет либо жив, либо мёртв. Квантовая механика утверждает, что в камере нет никакого кота, только образ, объединяющий живого и мёртвого котов. Но мы не узнаем этого, пока не откроем камеру. А это приведёт к тому, что система останется в одном из двух возможных состояний. В этом и заключается мысленный эксперимент Шредингера».

На самом деле всё совсем не так. Кот представляет собой макроскопическую систему, и чтобы его убить или оставить в живых, нет никакой необходимости во вмешательстве таинственного наблюдателя: переход в какое-либо макросостояние происходит вследствие взаимодействия с остальной частью Вселенной, этот феномен получил название декогеренции. Однако в микроскопическом мире – для кубитов, квантово-механических эквивалентов нулей и единиц – кот Шредингера вполне реален.

В Ларце заключены триллионы воображаемых котов. Живой кот содержит закодированную информацию. Возможно, даже настоящий мыслящий разум. Кубиты Ларца остаются в состоянии неопределённости между небытиём и существованием. Заключённый внутри разум ничего не замечает, последовательность квантовых вентилей позволяет ему продолжать мыслить, чувствовать или дремать. Пока он остаётся внутри, всё хорошо. Но как только он попытается выбраться наружу, при любом взаимодействии с окружающим миром на него тоннами кирпичей обрушится вся Вселенная, и разум будет уничтожен. Плохой котёнок – мёртвый котенок.

– И что же вы спрятали в таком Ларце? – спросил я у Дратдора.

– Нечто очень и очень опасное, – ответил он.

Сектор Ларца на кубитовой схеме, созданной нами за прошедшую неделю, освещается, словно вечерний город. Это ощущение мне знакомо: так всегда бывает, когда обнаруживаешь изъян в запирающем механизме или системе безопасности, или возможного соучастника. Я в нетерпении закрываю глаза и воспроизвожу последовательность движений. Деревянные панели скользят под моими пальцами. Гоголы радостно поют, получив импульсы оргазмического наслаждения от вычисления спектральной последовательности операторов гильбертова пространства. Освещённое пятно на схеме увеличивается. Крышка едва заметно сдвигается…

И захлопывается. Ещё одна ячейка памяти утеряна безвозвратно. Паутина протоколов сворачивается в узел. Последующие измерения свидетельствуют о смерти. Я разрушил ещё один сегмент содержимого Ларца.

Я бормочу ругательство и швыряю проклятую шкатулку через всю каюту. Ку-щупальца обрываются и рассеиваются. Ларец ударяется о звёздный поток на стене и начинает вращаться.

Слова, уже несколько дней звенящие в моей голове, раздаются снова.

Я не Жан ле Фламбер[5].

Маленькая белая бабочка ловко опускается на Ларец и, трепеща крылышками, останавливает вращение.

– Прежде чем ты что-нибудь сломаешь, я хотела бы напомнить, что это была целиком твоя идея, – слышится рассудительный женский голос корабля.

Она права, это была моя идея. Или, вернее, идея моего прежнего я. Настоящего Жана ле Фламбера, легендарного вора и взломщика разумов, отличного во всех отношениях парня. Который не оставил мне ничего, кроме нескольких обрывочных воспоминаний, старых врагов, тюремного заключения… и того, что находится в Ларце.

– Туше, – признаю я.

– Жан, прошло уже три дня. Может, стоит оставить его ненадолго в покое?

– У меня нет времени. Ты сама сказала, что содержимое декогерирует.

Усталость жжёт глаза, словно горячий песок. Лишнее напоминание о том, что, несмотря на обстоятельства, я ещё не свободен. Капитан «Перхонен» Миели упрямо отказывается предоставить мне доступ к корневой системе моего изготовленного Соборностью тела и ограничивает меня базовыми человеческими параметрами. Она не верит, что все мои

предыдущие попытки прервать навязанное мне сотрудничество были обусловлены обычным недопониманием и что я твёрдо намерен уплатить долг чести ей и её труднодостижимому нанимателю из Соборности.

Но я не могу сдаться. При первом обследовании Ларца «Перхонен» пришла к выводу о недолговечности заключённой в нём квантовой информации. В течение нескольких дней все котята помрут от старости.

– Да, это довольно необычно для устройств зоку, – произносит «Перхонен». – Если только проектировщик не установил лимит времени намеренно. Как в игре.

– Ты сама сказала, что это устройство зоку. Так чего же от него ожидать?

В мире существует великое множество различных зоку, но все они буквально одержимы играми. Хотя этого порока не лишены и представители Соборности. Одно только воспоминание о Тюрьме «Дилемма» и её убийственных играх вызывает у меня дрожь, не говоря уже о её постоянном кошмаре – Абсолютном Предателе – непобедимом противнике, принявшем мой собственный облик, чтобы расправиться со мной. Какую бы работу ни поручила мне покровительница Миели, она не может быть хуже, чем это.

– Я не знаю, чего можно ожидать. Ни ты, ни Миели не говорите мне, что там внутри. И какое отношение всё это имеет к месту нашего следования. Которое, между прочим, мне совсем не по душе.

– Земля *не так уж* плоха, – отвечаю я.

– Ты был там после Коллапса?

– Не знаю. Но я уверен, что мы должны туда попасть. – Я развожу руками. – Послушай, я всего лишь краду вещи, чтобы заработать на жизнь. Если у тебя имеются сомнения насчёт общего плана, обратись к Миели.

– Только не сейчас, когда она в таком настроении, – отзывается корабль. Бабочка-аватар делает круг над моей головой. – Но, может быть, тебе стоит с ней поговорить. Об общем плане.

Миели *действительно* ведёт себя странно. Её и в лучшие времена нельзя было назвать душой компании, а в эти долгие недели путешествия от Марса к Земле она стала ещё более замкнутой и основную часть времени проводит в медитациях в пассажирском салоне или в рубке пилота.

– Эта идея кажется мне абсолютно неприемлемой, – отвечаю я. Обычно я последний, с кем она хочет говорить.

О чём это толкует корабль?

– Возможно, тебя ожидает сюрприз.

– Ладно, поговорю. Сразу после того, как открою эту штуку.

Я хмуро смотрю на Ларец. Бабочка-аватар усаживается мне на нос, и я отчаянно моргаю, пока наконец не решаюсь смахнуть её рукой.

– Сдаётся мне, ты пытаешься от чего-то отвлечься, – заявляет корабль. – И, похоже, не хочешь признаваться мне в этом.

– Ничего подобного. Я как открытая книга. – Я вздыхаю. – Неужели тебе больше нечем заняться? Психотерапевтических роботов изобрели уже четыре сотни лет назад.

– А ты уверен, что не разговариваешь с одним из них? – Бабочка-аватар рассыпается пузырьками ку-точек, оставляя после себя лёгкий запах озона. – Тебе надо немного поспать, Жан.

Я прикасаюсь к Ларцу, ощущаю твёрдое тёплое дерево и снова раскручиваю его в воздухе, пока грани не сливаются в одно расплывчатое пятно. Движение нагоняет дремоту. «Перхонен» права. Думать об этом легче, чем о Марсе, дворце и богине. А как только я закрываю глаза, все они тотчас возвращаются.

Дворец памяти на Марсе мог быть моим, со всеми его залами, восковыми и бронзовыми статуями, драгоценностями и камнями зоку, украденными у алмазных разумов и богов. Теперь всё это, вся моя жизнь пропала, всё поглощено архонтами, превратившими замок в тюрьму. Единственное, что мне осталось, – это Ларец и сопутствующие ему воспоминания.

Я мог протянуть руку и всё вернуть, но не сделал этого. Почему?

Я не Жан ле Фламбер.

Я мысленно прохожу по мраморно-золотым коридорам и через открытые двери заглядываю в комнаты украденных воспоминаний.

Здесь время, когда я не хотел быть Жаном ле Фламбером. Я жил на Марсе, в городе забвения под названием Ублиетт[6]. Я создал себе новое лицо. Я построил новую жизнь. Я встретил женщину по имени Раймонда. Я спрятал все свои тайны даже от себя самого.

Здесь происходит Вспышка – исключительное явление в технике и пространстве-времени. Яркий взрыв в марсианской ночи, умирающий Юпитер осыпает жителей Ублиетта квантовыми грёзами.

Здесь находится зал, названный Переходом между Рождением и Смертью, – построенное мною здание, напоминающее бессмертным о конце всего.

Здесь живёт возлюбленный одного архитектора, чьи воспоминания я… меня вдохновляли. Он поражён Вспышкой. В

его разуме я видел пламя богов. И захотел им завладеть.

Здесь марсианские зоку. После Протокольной войны они принесли с собой Ларец. Внутри заключён гогол Основателя Соборности, одного из правителей Внутренней Системы. Пленённый бог.

Здесь живёт женщина по имени Джилбертина – ещё один предмет моего желания, хотя мне и не следовало её желать. В её памяти я и спрятал Ларец. Я носил лицо, полное холодной решимости, которое теперь кажется мне совершенно чужим. «Стать Прометеем», – что-то вроде этого сказал ей прежний я. И именно этого хочет от меня богиня с улыбкой змеи, которой служит Миели.

Здесь женщина Сюэсюэ из парка роботов, бывшая на Земле загрузчиком. До Коллапса, до возникновения Соборности, она превращала детей в бессмертных программируемых рабов.

Потому меня и влечёт к колыбели человечества: я ощущаю важность этих воспоминаний и чувствую, будто есть нечто, что я должен отыскать в мире призраков.

И ещё есть запертая дверь.

Я открываю глаза. Ларец всё ещё вращается. Я отвлёкся. Ответы находятся на Земле и в запертой комнате у меня в голове.

Что бы в этом случае сделал Жан ле Фламбер?

Я беру Ларец и напеваю несколько нот из произведения, исполняемого Стэном Гетцем. В изогнутой поверхности одной из стен появляется овальное отверстие. Бóльшая часть корабля изготовлена из оортианского интеллектуального коралла, восприимчивого к музыке. У меня было достаточно времени, чтобы разобраться, как с ним управляется Миели. Корабль, безусловно, знает, что я делаю, но меня радует хотя бы ничтожная степень секретности, которую обеспечивает наличие тайника.

Я помещаю внутрь Ларец, а затем проверяю остальное содержимое. Парочка камней зоку – мелкие тёмные янтарные овалы размером с перепелиное яйцо – украденных на Марсе, когда сыщик Исидор Ботреле и я присутствовали на вечеринке у его подружки Пиксил. Здесь же её меч из Царства, захваченный мной после поединка с моим прежним я, которого звали Жан ле Руа.

Не так уж много, но это только начало.

Я кладу камень зоку в карман на удачу, запираю остальные мои жалкие сокровища и отправляюсь на поиски Миели.

Миели в центральной каюте корабля возносит молитву Человеку Тьмы. Сначала пение звучит неуверенно, но постепенно

её голос крепнет, заставляя двигаться изваяния в нишах и придавая их лицам сходство с гримасой бога бездны. Этой песне научила её бабушка Брихейн, и исполнять её можно только в самых мрачных местах и в самых опасных путешествиях. Но по мере того как Миели погружается в медитацию, статуи становятся её отражениями, и вот уже со стен на неё смотрит множество Миели с лицами цвета грязноватого кометного льда.

Она замолкает, глядя на них. Парящие в воздухе круглые свечи с пламенем в форме сердечек, слабый аромат корицы, песня – всё это не имеет значения. По спине ползёт холодок.

Ей надо заняться делами. Приготовить прикрытие для высадки на Землю. Просмотреть базу данных Соборности о колыбели человечества и том месте, которое её предки, оортианцы, покинули много веков назад. А вместо этого Миели вздыхает, располагается в удобном кресле у оси нулевой гравитации, возле шаровидных бонсаев, и фабрикует себе колбу с лакричным чаем.

Миели обхватывает руками тёплый шероховатый коралл сосуда. Песенка, вызвавшая его появление, пришла к ней внезапно: всего несколько нот, выучить которые мог бы любой ребёнок. Миели продолжает её напевать, делая первый глоток. Приторный вкус лакрицы и горечь. Она забыла, каким скверным может быть этот напиток. Но вместе с ним приходит воспоминание: утро в кото[7], ставни открыты, и внутрь заглянуло Маленькое Солнце, мгновенно превратив тысячи шрамов и трещин ледяного неба в яркие штрихи; бабушка вкладывает ей в руки кружку и целует своими морщинистыми губами, её сухой сладкий запах смешивается с запахом чая; водооткачивающие деревья раскрываются, маленькие ананси[8] ловят утреннее тепло в свою алмазную паутину…

Но даже это воспоминание больше не принадлежит ей. Теперь им владеет её госпожа, Пеллегрини.

Это ничем не отличается от всего остального, что она уже отдала. Свою плоть, трансформированную в контейнер для синтеза и смерти. Свой разум, усовершенствованный метамозгом, который побеждает страх, вычисляет намерения противников до того, как они что-то задумают, превращает окружающий мир в сетку векторов, сил и вероятностей. И всё это ради Сюдян[9]. Так почему же последнее, от чего она отказалась, – от своей уникальности, предоставив богине право копировать её и создавать гоголов, считающих себя Миели, дочерью Карху[10], – кажется ей таким драгоценным?

Возможно, потому, что она сделала это не ради Сюдян, а ради вора.

Миели отметает гнев, всегда возникающий при мысли о его лице, ставшем таким знакомым за последние несколько месяцев: яркие глаза под тяжёлыми веками, лёгкая усмешка, высокие брови, словно прорисованные тонким карандашом. Какое-то мгновение она почти тоскует по биотической связи, которой повелительница соединяла их, чтобы дать Миели возможность чувствовать всё, что ощущает вор. Благодаря этой связи ей легче было его понимать.

На Марсе он заставил её петь. Как и всё остальное, это было уловкой, но посредством биотической связи она чувствовала, как он радуется её пению. Миели уже стала забывать, как это бывает.

И ещё вопрос чести. Она не могла оставить его умирать в очередной тюрьме, когда Пеллегрини решила бросить его, словно сломанный инструмент. Как она могла поступить иначе? Миели дотрагивается до драгоценной цепочки, обвивающей ногу. Прекрасные камни, нанизанные один за другим, – безоговорочный выбор.

Она выпускает из рук цепочку и продолжает неторопливо молиться. Отблески свечей пляшут на лицах статуй, и они становятся похожими на Сюдян. Широкий рот, высокие скулы, надменная улыбка.

– Интересно, почему ты никогда не обращаешься с молитвами ко мне? – спрашивает Пеллегрини. – Все боги ужасно старомодны. Меметический шум в головах обезьянок. Тебе следовало бы помолиться мне.

Перед Миели стоит богиня – тень, отбрасываемая парящими в невесомости свечами. Как и всегда, она держится так, словно на неё действует нормальная сила тяжести: руки сложены на груди, красновато-каштановые волосы свободно струятся по плечам, которые оставляет открытыми светлое летнее платье.

– Я служу и повинуюсь, – отвечает Миели, – но молитвы – моё личное дело.

– Как хочешь. Я нежадная. В любом случае, значение молитв слишком переоценивают. – Она сопровождает свои слова взмахом руки с ярко-красными ногтями. – Можешь оставить их себе. У меня есть твоё тело, твоя преданность и твой разум. Не забывай, ты мне обещала.

Миели склоняет голову.

– Я ничего не забыла. Всё, что пожелаете, будет вашим.

– А кто сказал, что я уже не воспользовалась всем этим?

У Миели пересыхает во рту, а внутренности сковывает холод. Но Пеллегрини смеётся, её голос звенит, словно стекло.

– Нет, нет. Ещё нет. – Она вздыхает. – Ты такая забавная, моя милая. Но, к несчастью, у нас нет времени на веселье. По правде

говоря, сейчас мне как раз требуется твое тело, а не душа. Мне надо поговорить с моим Жаном. В силу некоторых обстоятельств мои другие сущности кое-что затеяли. Вы должны быть наготове.

Пеллегрини входит в тело Миели. Это похоже на погружение в леденящую воду. А затем каюта, огоньки свечей и богиня – всё исчезает, и Миели оказывается в спаймскейпе, словно призрак в запутанной паутине Магистрали.

2
Таваддуд и Дуньязада

Перед тем как заняться любовью с джинном господином Сеном, Таваддуд угощает его виноградом.

Она берёт одну ягоду из стоящей на коленях вазы, аккуратно снимает кожицу и зажимает между губами, целуя сладкую влажную мякоть. Затем надкусывает её и слышит металлический вздох из кувшина джинна, тонким белым кабелем подключённого к чувствительной сети бими в её волосах.

Таваддуд улыбается и съедает ещё одну ягоду. На этот раз к вкусу винограда она позволяет присоединиться и другим ощущениям. Скольжение шёлка по коже. Приятная тяжесть туши на ресницах. Жасминовый аромат её духов. Прежний хозяин, Кафур, учил её, что воплощение – это очень хрупкий процесс шёпота и пауз плоти.

Таваддуд поднимается и медленными скользящими шагами подходит к окну в форме замочной скважины. Это изысканный танец рабыни воплощения: при любом движении кувшин джинна остаётся вне поля зрения. Два часа уходит у неё на то, чтобы расположить в надлежащем порядке все вышитые подушки, зеркала и низкие столики, имеющиеся в этой узкой комнате.

На один миг она позволяет тёплым лучам солнца прикоснуться к лицу, а затем задёргивает мягкие портьеры, и свет приобретает оттенок тёмного мёда. Потом Таваддуд возвращается к своим подушкам у низкого круглого столика в центре комнаты и открывает небольшую шкатулку, украшенную драгоценными камнями.

Внутри лежит книга, переплетённая в ткань и кожу. Таваддуд медленно достаёт книгу, позволяя господину Сену насладиться дрожью предвкушения. Написанная в книге история безусловно правдивая, ничего другого в Сирре не допускается. Таваддуд знает её наизусть, но всё равно смотрит в книгу и, прежде чем перевернуть страницу, проводит пальцем по шероховатой поверхности бумаги.

«Вскоре после прихода Соборности и Крика Ярости в Сирре жила молодая женщина, жена охотника за сокровищами».

ИСТОРИЯ О ЖЕНЕ МУТАЛИБУНА

«Отец выдал её замуж совсем молоденькой. Её муж муталибун был стар не по годам. Его первая жена стала одержимой и ушла в Город Мёртвых, где закончила жизнь гулем[11]. После этого он много путешествовал по пустыне,

отыскивая гоголов для Соборности.

Его работа оставила ему множество шрамов: тревожные сны, навеянные диким кодом, и сапфировые наросты, которые больно царапали её кожу, когда они ложились вместе. Но это случалось нечасто: чтобы выжить в пустыне, муталибун давно отказался от страсти и прикасался к жене только из супружеского долга. Поэтому её дни в прекрасном доме на Осколке Узеда были отмечены печалью одиночества.

Однажды она задумала разбить сад на крыше дома. Она наняла Быстрых, чтобы поднять наверх плодородную почву из приморских оранжерей, посеяла семена и велела зелёному джинну вырастить цветы всех оттенков и дающие тень деревья. Много дней и недель она напряжённо трудилась и попросила свою сестру-мухтасиба защитить садик от дикого кода Печатью. По ночам она нашёптывала саду, чтобы тот рос быстрее: в доме отца она с джиннами-наставниками изучала магию атара и знала много Тайных Имён.

Благодаря джинну семена росли быстро, и когда маленький садик зацвёл в полную силу, она проводила там долгие вечера, наслаждаясь запахом земли и ароматами цветов и солнца, согревающего кожу.

Однажды вечером из пустыни налетел сильный ветер. Он бушевал над Осколком и продувал сад насквозь. Ветер принёс с собой облако нанитов, опустившееся на сад, словно тяжёлый, густой туман. Крохотные машины соединялись в блестящие капли на листьях и лепестках её цветов. Подобно древним фоглетам утилитарного тумана из Сирра-на-Небе, которых её отец держал в бутылках в своём кабинете, они сияли чистотой и свежестью.

Жена муталибуна, как её учили, обратилась к туману мыслями и шёпотом. Она улеглась на мягкой траве и попросила туман стать руками и губами возлюбленного.

Туман откликнулся на её призыв. Он закружился вокруг неё, провёл прохладными мягкими пальцами по спине, пощекотал шею туманным языком».

Таваддуд делает паузу, медленно снимает одежду и шёпотом активирует зеркала, тщательно расставленные по всей комнате. Господин Сен когда-то был мужчиной, а мужчина должен видеть. С клиентами-женщинами в этом отношении намного проще, хотя в некоторых деталях они, конечно, гораздо требовательнее.

Затем Таваддуд ложится на подушки, оглядывает себя в зеркало, поворачивает голову, чтобы скрыть под волосами кабель бими, и улыбается. Янтарный свет подчёркивает её высокие скулы и скрывает то, что, в отличие от Дуньязады, её рот несколько великоват, и тело не такое стройное, как у сестры. Но кожа

у Таваддуд тёмная и гладкая, а мускулы твёрдые от долгих восхождений на Осколки.

Она вспоминает, как пальцы тумана ласкали её грудь и живот, и продолжает чтение.

«Но после второго и третьего поцелуев она понимает, что туман не просто отзывается на её мысли, это не продолжение её собственных рук и губ, а живое существо из пустыни, такое же одинокое и жаждущее, как и она сама. Завитки тумана игриво сплетаются с прядями её волос. Она поднимает руку, и под её пальцами туман становится тёплым и плотным. Он осторожно опускается на неё…»

Сердце Таваддуд ускоряет ход. Такой финал нравится господину Сену. Она всё энергичнее ласкает себя, книга захлопывается и падает с колен. И, как всегда, когда жар в её теле нарастает, когда бёдра смыкаются вокруг руки, когда горячие толчки сотрясают её, она ловит себя на том, что думает об Аксолотле…

Однако Таваддуд не успевает достигнуть пика и увлечь за собой господина Сена, поскольку в этот момент неожиданно раздаётся резкий звонок в дверь.

– Доброе утро, дорогая Таваддуд! – слышится голос. – У тебя найдётся минутка для твоей сестры?

Дуньязада, как обычно, появляется в самый неподходящий момент.

Таваддуд вскакивает, её лицо пылает от возбуждения и разочарования. Она набрасывает на себя одежду и отсоединяет кабель бими от кувшина джинна.

Снаружи уже слышны приглушённые шаги. Комната свиданий расположена рядом с кабинетом, в одном коридоре, ведущем от вестибюля.

– Таваддуд! – снова раздаётся звонкий голос сестры. – Неужели ты ещё спишь?

– Всё было… великолепно, моя дорогая. Хотя перед самым концом мне показалось, что ты немного отвлеклась, – говорит господин Сен своим сухим, металлическим голосом.

– Тысяча извинений, – откликается Таваддуд, вытаскивая кувшин джинна из груды подушек. – Я не возьму платы.

Таваддуд негромко бормочет проклятия. Древний джинн обещал за её услуги новое Тайное Имя, которое она давным-давно искала.

– Я обещаю в скором будущем назначить новое свидание, чтобы вас удовлетворить. А сегодня возникла небольшая

семейная проблема, с которой придётся разобраться.

Таваддуд поднимает тяжёлый сосуд. Это бесценный биопроцессор, созданный до Коллапса и позволяющий джинну временно локализовать свою сущность в её доме. Снаружи кувшин ничем не отличается от изделий ремесленников Сирра – простая керамика и синяя глазурь, скрывающая сложные схемы.

– По своему опыту я знаю, что семейные проблемы никогда не бывают небольшими, – отвечает джинн.

– Таваддуд! Чем ты занимаешься?

– Боюсь, мне придётся попросить вас уйти, – произносит Таваддуд.

– Конечно, тебе надо только немного помочь мне. До следующей встречи.

Таваддуд ставит сосуд на подоконник. Горячий вихрь раскачивает шторы, раскалённый воздух едва заметно дрожит, и джинн исчезает. Она прячет кувшин между подушками, снова закрывает зеркала и пытается привести себя в порядок.

Раздаётся стук в дверь. Таваддуд уже готова прикоснуться к панели замка, как у неё замирает сердце: книга всё ещё лежит на полу. Она поспешно прячет её в шкатулку и захлопывает крышку.

Дверь открывается. Дуньязада окидывает её злорадным взглядом, держа руку на шее, где висит кувшин карина. Тайные Имена, написанные на ногтях, ярко выделяются на её смуглых руках. Сестра Таваддуд одета для выхода в город: голубое платье, шлёпанцы и украшенная камнями шапочка, волосы заплетены в косички. Как всегда, она выглядит безупречно.

– Я тебе помешала, дорогая сестричка?

– Честно говоря, да.

Дуньязада опускается на подушки.

– Какая *миленькая* комната. И пахнет чудесно. Ты… развлекалась?

Я знаю, чем ты занимаешься, говорит её улыбка. И поэтому сделаешь всё, о чём я попрошу.

– Нет, – отвечает Таваддуд.

– Отлично. Как раз об этом я и хотела с тобой поговорить. – Голос Дуни понижается до заговорщицкого шёпота. – Я хочу, чтобы ты встретилась с одним молодым человеком. Он богат, хорош собой и вдобавок остроумен, к тому же свободен сегодня днём. Что скажешь?

– Сестрица, я вполне могу сама выбирать себе друзей, – заявляет Таваддуд.

Она подходит к окну и задёргивает шторы.

– О, это мне хорошо известно. Потому ты и водишь

знакомство с уличными артистами и всяким сбродом.

– Сегодня днём мне предстоит работа. Благотворительность, а точнее целительство. Бану Сасан[12] – *уличному сброду* – нужны доктора.

– Я уверена, молодому человеку будет очень интересно увидеть, чем ты занимаешься.

– Конечно: представляю, как трудно рассмотреть жизнь Бану Сасан из башни мухтасиба.

В глазах Дуньязады появляется опасный блеск.

– Уверяю тебя, что мы видим *всё*.

– Моя работа важнее, чем свидание с надушенным мальчишкой, с которым ты познакомилась на вечеринке в Совете. Дуни, я благодарна тебе за старания, но нет необходимости себя утруждать.

С самым решительным, как она надеется, видом Таваддуд направляется к дверям.

– О, я полностью с тобой согласна. Это всё равно что смывать дикий код с члена муталибуна, и почти так же полезно. Но отец думает иначе.

Таваддуд замирает, ощутив холод в животе.

– Я говорила с ним сегодня утром. Я сказала, что ты раскаиваешься в своих поступках, что больше всего на свете хочешь восстановить доброе имя семьи и снова стать уважаемой женщиной.

Таваддуд оборачивается. Дуни смотрит ей в лицо честными синими глазами.

– Ты хочешь, чтобы я стала лгуньей, сестрица? Сказительницей вроде тебя?

Таваддуд плотнее запахивает на себе одежду и стискивает зубы. «Сказительница. Любовница монстров. Она больше не дочь мне». Так заявил отец три года назад, когда Кающиеся нашли её и возвратили домой из Дворца Сказаний.

– Так кто же это?

– Абу Нувас, – говорит Дуньязада. – Я думаю, отец будет очень доволен, если вы станете… друзьями.

– Дуни, если ты хочешь меня наказать, могла бы выбрать более лёгкий способ. Что нужно от него отцу?

Дуни вздыхает.

– Что ему может быть нужно от самого богатого в городе торговца гоголами?

– Я не настолько глупа, сестра. – *И Кающиеся джинны вроде господина Сена кое о чём мне рассказывают.* – Отец пользуется поддержкой Совета, ему нет необходимости покупать чью-то благосклонность. Почему он и почему именно сейчас?

Дуньязада прищуривается и проводит по губам одним из своих колечек.

– Полагаю, я должна радоваться хотя бы малейшему интересу к городской политике с твоей стороны, – медленно произносит она. – Кое-какие недавние события привели к тому, что наше положение стало… нестабильным. Сегодня утром совершенно неожиданно умерла член Совета: Алайль из Дома Соарец. Ты её, наверное, помнишь.

Алайль – женщина с суровым лицом за столом отца; проплешина в её тёмных волосах, оставленная диким кодом, и бронзовая птичка на плече. «Лучше бы тебе выгребать дерьмо после живых, чем становиться муталибуном, девочка». *Наверное, в этом и кроется причина,* думает Таваддуд, прогоняя воспоминание. В её груди возникает пустота, но она сохраняет невозмутимый вид.

– Дай-ка попробую угадать, – произносит она вслух. – Она ведь больше других поддерживала предложение отца по модификации Аккордов Крика Ярости. Как она умерла?

– Весьма своевременное самоубийство. Кающиеся полагают, что это одержимость. Возможно, это были масруры, но до сих пор они не взяли на себя ответственность. Мы продолжаем расследование. Отец даже связался с Соборностью: сянь-ку пришлют кого-то, чтобы разобраться. Голосование по Аккордам состоится через три дня. За победу необходимо заплатить. Абу Нувасу это известно, следовательно, ты, дорогая сестра, должна постараться изо всех сил, чтобы сделать его счастливым.

– Удивительно, что отец решил доверить это дело мне. – *Любовнице монстров.*

– Господин Нувас лично просил у отца разрешения ухаживать за тобой. Кроме того, ходят слухи, что его пристрастия… несколько необычны. В любом случае, мне будет некогда – я должна присматривать за агентом Соборности. Скучнейшее занятие, но кто-то должен взять это на себя. Так что остальное за тобой.

– Как удобно. Тебе он доверяет, а меня продает купцу, словно гогола из пустыни.

Так было не всегда. Ей вспоминается шипящая сковорода, пышущий в лицо жар и мягкие руки отца на плечах. «Ну же, Тава, попробуй, что ты приготовила. Если считаешь нужным, добавь немного майорана. Пища должна иметь содержание».

– Дорогая сестра, я ведь стараюсь тебе помочь. Отец мягкосердечен, но он не забыл твоего поведения. Я предлагаю тебе возможность показать ему, на что ты способна.

Дуни берет Таваддуд за руку. Кольца джинна на её пальцах

холодят кожу.

– И дело не только в тебе, Таваддуд. Ты говорила о Бану Сасан. Если голосование будет в нашу пользу, у нас появится возможность изменить положение вещей, улучшить жизнь всех жителей Сирра. Если только ты мне поможешь.

Взгляд Дуни искренний, каким он обычно бывал, когда она пыталась уговорить Таваддуд убежать на поиски счастья или спрятаться от джинна Херимона.

– Обещания? Я думала, ты попытаешься добиться своего угрозами, – спокойно произносит Таваддуд.

– Хорошо же, – отвечает Дуни. – Возможно, есть ещё кое-что, о чём отец должен знать.

Таваддуд зажмуривается от пульсирующей боли в висках. *Это Аун наказывает меня за Вейраца и Аксолотля. Наверное, я это заслужила. Может, отец снова посмотрит мне в глаза.*

– Прекрасно, – медленно произносит она. Таваддуд чувствует себя замёрзшей и слабой. – Будем надеяться, что я для него достаточно необычна.

– Чудесно! – Дуни вскакивает и хлопает в ладоши. Украшения и кольца джинна громко позвякивают. – Не хмурься. Это будет забавно!

Она оглядывает Таваддуд с головы до ног и качает головой.

– Но сначала мы должны что-нибудь сделать с твоими волосами.

3
Вор и арест

Янерешительно вхожу в каюту. Если уж корабль испытывает тревогу, значит, Миели действительно в плохом настроении, а я слишком устал, чтобы выдержать бой с оортианским воином.

Мне не приходится тратить время на поиски. Она парит в центре каюты. Глаза закрыты, смуглое овальное лицо озарено свечами, похожее на тогу платье окутывает её тело, словно кокон гусеницу.

– Миели, нам надо поговорить, – начинаю я.

Ответа нет.

Я подтягиваюсь на продольной оси каюты и заглядываю ей в лицо. Веки не дрожат, и она почти не дышит. *Чудесно.* Наверное, она погружена в какой-то оортианский транс. Это понятно: поживите на одних ягодах в пустотелой комете, освещённой искусственным солнцем, и у вас тоже появятся галлюцинации.

– Это важно. Я хочу поговорить с Пеллегрини.

Или она погрузилась в боевую сосредоточенность? Однажды я сумел выдернуть её из подобного состояния, воспользовавшись биотической связью, но для этого мне пришлось проткнуть ладонь сапфировым осколком. Повторять этот опыт мне совсем не хочется, кроме того, связи больше нет. Я щёлкаю пальцами перед её лицом. Потом трогаю за плечо.

– «Перхонен», с ней всё в порядке? – спрашиваю я у корабля.

Но и корабль тоже не отвечает.

– Миели, это не смешно.

Она начинает смеяться – негромко и мелодично. А потом открывает глаза, и на её лице появляется змеиная улыбка.

– Ещё как смешно, – возражает Пеллегрини.

В голове у меня открывается и закрывается дверь тюрьмы. Но не «Дилеммы», а другой тюрьмы, из далёкого прошлого. Возможно, было бы лучше, если бы я там и остался.

– Привет, Жозефина, – говорю я.

– Ты ни разу меня не позвал, – заявляет она. – Я оскорблена.

– Ну, на Марсе мне показалось, что у тебя мало времени, – отвечаю я.

В прищуренных глазах появляется опасный блеск. Наверное, не слишком разумно напоминать ей о нашей последней встрече, когда из-за меня власти Ублиетта вышвырнули её с планеты. Хотя, с другой стороны, может, это и к лучшему.

– Жозефина Пеллегрини, – произношу я её имя.

С ним, безусловно, связаны какие-то воспоминания, но и они остались за закрытой дверью. Это и неудивительно: вероятнее всего, она сама тщательно отредактировала мою память. Для Основателей Соборности подобные фокусы в порядке вещей.

– Так ты всё понял, – говорит она.

– Почему ты мне не сказала?

– О, только ради твоего же блага, мой милый, – заверяет она. – Ты уже пару столетий бегаешь от меня. Я не хотела тебя расстраивать. – Она трогает средний палец левой руки, словно поправляет кольцо. – А знаешь, что происходит, когда пытаешься убежать от своей судьбы?

– Что же?

Она наклоняется ближе.

– Ты теряешь себя. Ты становишься мелким воришкой, сорокой, которая бросается на блестящие побрякушки. Тебе нужна я, чтобы ты стал чем-то бóльшим.

Гладкой прохладной рукой она прикасается к моему лицу.

– Я дала тебе шанс вернуть самого себя. Ты не сумел им воспользоваться. Ты до сих пор остаешься ничтожеством, годным только на игры с оружием. Я считала, что ты мог бы стать семенем для чего-то грандиозного. Я ошиблась. – Её взгляд становится жёстким. – Ты не Жан ле Фламбер.

Мне больно это слышать, но я не подаю виду. Она по-прежнему говорит ласково, но в глазах загораются искры неподдельного гнева.

Хорошо.

Я отмахиваюсь от её руки.

– Значит, нас таких двое, – заявляю я. – Потому что я полагаю, ты не Жозефина Пеллегрини. Ты просто гогол. Да, наверное, из старейшей ветви. Но не Прайм. Ты никогда не послала бы свою важную составляющую ради такой работы. Ты просто незначительный гогол Основателя. Я хочу говорить с Праймом.

– Какие у тебя основания считать, что ты этого достоин?

– Ты хочешь похитить у Матчека Чена фрагмент Вспышки, а я знаю, как это сделать. И я хочу изменить условия сделки.

Она смеётся.

– О Жан! В прошлый раз ты потерпел неудачу. Всё, на что ты был способен, – ой, даже не знаю, как сказать, – когнитивные конструкции, украденные у зоку и у нас. Трюки с солнцедобывающими машинами. Превосходная маскировка. И всё равно ты был ребёнком по сравнению с ним, с Отцом Драконов. И ты ещё говоришь, что знаешь, как это сделать *теперь?* Ах, мой милый, мой маленький принц, это просто смешно.

– Ещё смешнее будет наблюдать, как тебя сожрут другие Основатели. Это будут василевы и сянь-ку, верно? Они всегда тебя ненавидели. И тебе необходимо оружие против них. Только поэтому ты меня и вытащила.

Её глаза словно две зелёные жемчужины, холодные и твёрдые. Я набираю полную грудь воздуха. *Почти у цели.* Только бы не забыть, что она способна читать по крайней мере поверхностные мои мысли. Есть способ их скрыть. Ассоциативное мышление. Жемчужины и планеты, глаза и тигры. Она хмурится. Надо её отвлечь.

– Мне и впрямь интересно, как они сумели меня поймать, если я был *настолько* хорошо подготовлен, – говорю я. – А ты случайно не имела к этому отношения, моя дорогая?

Она встаёт прямо передо мной. Губы сжимаются в тонкую линию. Грудь поднимается и опускается резкими толчками. Она даже расправляет крылья Миели, и они вспыхивают в лучах свечей двумя гигантскими языками пламени.

– Возможно, я на самом деле от тебя убегал, – продолжаю я. – Но стоило *тебе* дойти до отчаяния, как ты всегда меня разыскивала.

– До *отчаяния?* – шипит она. – Ты мелкий ублюдок!

Она обхватывает руками мою голову и сжимает с такой силой, что череп вот-вот треснет. Наши лица сближаются, её теплое дыхание пахнет лакрицей.

– Я тебе покажу, что такое отчаяние, – бросает она.

– Нет. – «Да».

Её бледно-зелёные глаза вдруг вспыхивают двумя солнцами. Мир заливает белое сияние. Мое лицо плавится, словно воск, в её руках.

– Слушай, я расскажу, *как* тебя поймали, – говорит она.

ИСТОРИЯ ОБ ИНСПЕКТОРЕ И ЖАНЕ ЛЕ ФЛАМБЕРЕ

Инспектор настигает этого мерзавца ле Фламбера в фотосфере Солнца.

Прежде чем начать операцию, он пользуется случаем, чтобы хорошенько рассмотреть Основателей на борту прекрасного корабля «Дающий бессмертие». Бородатый Творец Душ неторопливо раскачивается в кресле. Пеллегрини в белом с золотом мундире военного флота пристально и выжидающе смотрит на него. Василев, откинувшись на спинку кресла, крутит в руках бокал с золотистым вином. Двое сянь-ку замерли с невозмутимым видом. Чен молча и неподвижно глядит на море.

Читрагупта пальцем протыкает дырки в виртуальной поверхности, создавая крошечные пылающие сингулярности, которые сразу же с громким хлопком исчезают.

Инспектор хмуро разглядывает Читрагупту. «Дающий бессмертие» представляет собой сложную конфигурацию электромагнитных полей, окружающих крупицу интеллектуальной материи размером с булавочную головку. Корабль парит на высоте пятисот километров над северным солнечным полюсом, в самой низкотемпературной зоне фотосферы. В таких условиях создание виртуального пейзажа стоило ему немалых хлопот.

Это маленький ресторанчик на берегу скалистой гавани. Основатели сидят за столиками на залитой солнцем и обдуваемой прохладным бризом горе, перед ними бокалы с белым вином и тарелки с морепродуктами, источающие насыщенный аромат. Снасти парусных лодок позвякивают на ветру, сопровождая разговор импровизированной музыкой. Напоминанием о том, где они находятся, служит сверкающая модель Эксперимента, которая нависает в небе, словно огромное облако, оставляя от Солнца пылающий ореол. Как и полагается, это мозаичная реальность, составленная из воспоминаний Основателей. Это проявление уважения, необходимое для достижения консенсуса. По крайней мере, теоретически.

Первым нарушает молчание Василев.

– Зачем мы здесь собрались? – спрашивает он. – Мы уже ответили на все ваши вопросы.

Пальцы инспектора нащупывают неровные края шрамов на щеках. Прикосновение вызывает глухую боль. Она всегда с ним, но не потому что раны не зажили, – это его неотъемлемая часть, проявление уважения к Прайму.

«Хорошо», – думает он. Очень хорошо, что встреча проходит в виртуальной реальности, где они могут чувствовать боль. Эти гоголы из глубоких внутренних ветвей *губерний* привыкли к абстрактным понятиям и стали забывать, что физическая реальность никуда не исчезла, что она грубая и мучительная, изощрённая и хаотичная, как спрятанное внутри яблока лезвие.

– Один из вас и есть Жан ле Фламбер, – говорит он им. – Один из вас явился сюда с намерением совершить кражу.

Основатели смотрят на него в ошеломленном молчании. У Читрагупты вырывается смешок. Взгляд Творца не отрывается от фиолетовых завитков осьминога на тарелке. Пеллегрини дарит инспектору мимолётную улыбку. В его груди возникает странное тепло. Этого он никак не ожидал. Воплощение и высококачественная виртуальность имеют свои преимущества и

недостатки. Он едва удерживается, чтобы не улыбнуться в ответ.

– Я совершенно не разбираюсь в этом, – произносит он, указывая вверх.

Небо над ними мерцает нейтринными вспышками *районных* кораблей, как и «Дающий бессмертие». Миллионы судов движутся по строго определённым орбитам, переплетающимся наподобие нитей гобелена. Где-то очень далеко слышится ритмичное гудение *губерниц,* искусственного мозга величиной с планету. *Губерния* присматривает за своими детьми из тени Меркурия, координирует их действия, направляет и планирует.

На Солнце надет пояс из крошечных светящихся точек: солнцедобывающие машины выкачивают из расплавленных глубин тяжёлые элементы и поставляют их на фабрики интеллектуальной материи, расположенные на стационарных орбитах. Целое семейство конструкторов-гоголов в плазменных телах взбивают солнечную корону, создавая устойчивые зоны, которые будут использоваться в качестве активного материала в солнечных лазерах.

– Но я знаю, что это служит Великой Всеобщей Цели. Наш брат Творец пытался объяснить мне теорию струн, рассказывал о рассеивании квантовой гравитации, о замках Планка и о том, что Бог не игрок, а криптограф. Мне всё равно. Моё семейство имеет дело с более простыми вещами. Всем вам известно, чем я занимаюсь.

Он слегка лукавит. И, *конечно,* знает, что должно произойти. Но лучше пусть они считают его варваром.

Солнечные лазеры сфокусируются на совокупности точек, и энергия достигнет такой концентрации, что разорвёт пространственно-временную ткань и даст жизнь сингулярностям, питаемым потоками частиц, выбитых с полюса солнцедобывающими машинами. В них устремятся бесчисленные гоголы, их мысли будут закодированы в единые цепочки в радиусах чёрных дыр. Семнадцать чёрных дыр будут сближаться, увлекая за собой от Солнца длинные оранжевые хвосты плазмы. Рука Бога со множеством пальцев сомкнётся в кулак. Яростный процесс излучения Хокинга превратит в энергию несколько частиц массы Земли.

И, возможно, в этом аду найдётся *ответ.* Ответ, который кто-то хочет украсть.

– Так где же эта легендарная личность? – спрашивает Василев. – Это безумие. Девять секунд в каркасе Эксперимента, и мы понапрасну тратим циклы в каком-то разукрашенном вире. За его пределами наши братья и сёстры готовятся к самым блистательным свершениям. А мы чем занимаемся? Гоняемся за

призраком. – Он оглядывается на Пеллегрини. – Это сестра Пеллегрини решила, что мы должны плясать под вашу шарманку.

Инспектор своими крупными руками опирается о стол и поднимается на ноги. Резкое движение его массивного тела вызывает звон бокалов.

– Брату Василеву следует следить за своими словами, – негромко говорит он.

В ближайшем будущем придётся с ним разобраться. И с сянь-ку тоже: их здесь двое, старшая и младшая: одна приняла облик из Глубокого Прошлого – лицо сянь-ку и голубое многоугольное туловище со множеством рук, а другая – скромная молодая женщина в простой серой форме. Инспектор почти уверен, что это они подослали вампира, который пытался убить его в корабельном Каталоге.

– Сестра Пеллегрини заметила аномалию среди математиков-гоголов, – поясняет инспектор. – Для расследования она вытащила меня из Каталога и заблокировала внешние коммуникации. И правильно сделала. Я обнаружил следы. В вирах, в памяти гоголов. Ле Фламбер здесь.

Краем глаза он наблюдает за Ченом, стараясь определить его реакцию. Седовласый Основатель единственный, кто не смотрит на инспектора. Его глаза прикованы к небу, и на губах играет лёгкая улыбка.

Старшая сянь-ку встает.

– Существо, о котором ты говоришь, просто миф, – заявляет она. – В наших исходных информационных системах он почти легенда. Призрак.

Её древность производит сильное впечатление. Инстинктивное *сяо* – врождённое уважение к гоголу, стоящему ближе к Прайму, чем он сам, на мгновение заставляет инспектора почувствовать себя почти ребёнком. *Инспектор был мечом Соборности,* шепчет его метасущность. *Он оставался сильным. Он знал, что его цель истинна и чиста.*

– Сестра полагает, что воспоминания Прайма повреждены? – спрашивает он, стиснув зубы и черпая уверенность в увещеваниях метасущности.

– Не повреждены, – отвечает сянь-ку. – Просто удалены.

– Мы напрасно тратим время, – говорит Василев. – Если имеется какая-то аномалия, если корабль заражён, сестра Пеллегрини должна самоликвидироваться и уничтожить судно, и тогда наша смерть послужит Цели. Но, должен заметить, она всегда слишком ценила свою целостность, чтобы поступать так, как необходимо.

Инспектор усмехается:

– Моё расследование проведено досконально. Наш брат Василев и сестра сянь-ку пытались манипулировать гоголами, задействованными в Эксперименте. Но я здесь не для того, чтобы их обвинять. Я ищу Жана ле Фламбера.

Василев изумлённо смотрит на него.

– Из всех возмутительных обвинений…

– Хватит, – произносит Чен.

Внезапно воцаряется молчание. Чен – единственный гогол на корабле, не разветвлённый для Эксперимента: четвёртое поколение, ветвь Битвы с Ангелом Конвея. Когда он говорит, инспектор испытывает настолько сильное *сяо,* что его не в состоянии подавить даже метасущность.

– Наш брат отлично выполнил своё задание. Если кто-то и ставит под сомнение его рекомендации, то это ещё не доказательство вины, а стремление эффективнее работать на благо Всеобщей Великой Цели, не так ли? Если вопрос только в тождественности, ответ найти несложно. Праймы, в своей мудрости, предоставили нам способ показать миру, кто мы такие.

Когда Чен поворачивается к собравшимся, на его лице сияет блаженная улыбка:

– Давайте обратимся к Кодам Основателей и помолимся.

Инспектор глубоко вздыхает. Он знал, что этого не избежать, но не имеет ни малейшего желания затрагивать свой Код – программу, которая даст Основателям доступ к корневой системе метазаконов небесной тверди, управляющих всеми вирами. Коды отличаются от паролей в той же степени, как ядерное оружие отличается от кремневого топора: он определяет не просто черты характера, а состояние разума, основополагающие моменты, сокровенную сущность. И своей инспектор не слишком доволен.

Тем не менее он с усмешкой наблюдает за Василевом, поднимающимся вместе с остальными. Блондин с золотистой шевелюрой отпивает из бокала и, опуская его на стол, проливает несколько капель – у него дрожат руки. *Я предпочёл бы, чтобы это оказался он.*

– Давайте, – говорит Чен, – сделаем это все вместе, как братья и сёстры.

Он закрывает глаза. Лицо сияет блаженством, словно он видит нечто прекрасное. Вир вокруг них рассеивается, поглощаемый небесной твердью, исчезает в пустой белизне, словно вино из бокала Василева на хлопковой скатерти.

Основатели один за другим следуют его примеру. Лицо Читрагупты выражает полную безмятежность. Пеллегрини выглядит испуганной. Лоб Творца нахмурен в суровой

сосредоточенности. Плоские лица сянь-ку, освещённые восторгом и благоговением, становятся красивыми. Василев бледен и покрыт испариной. Перед тем как закрыть глаза, он бросает на инспектора ещё один полный ненависти взгляд.

А затем наступает черёд инспектора.

В небесной тверди закрытие глаз приводит не к темноте, а к белизне. На её фоне выделяются застывшие силуэты Основателей. Инспектор нерешительно притрагивается к Коду. Это вызывает боль, как при прикосновении к шрамам, только в сотни раз хуже. Незажившая рана внутри него источает ужасный запах и истекает гноем, словно…

…пролежни. Она открывается, когда его будит грохот стрельбы. Рядом лежит его сестра. По её открытым глазам ползают мухи. Он сдирает со своего черепа провода. Раздаётся хлюпанье, сопровождаемое вспышкой боли. По лицу струится кровь. Он трогает лоб сестры. Кожа под его пальцами липкая и мягкая.

Он швыряет воспоминания в небесную твердь, стремясь избавиться от них раз и навсегда. Ненасытная белизна принимает и поглощает их. Внезапно перед ним вместо белизны появляется зеркало с шестью его отражениями.

Инспектор касается лица, привычно отыскивая шрамы, и видит, что отражения повторяют его жест. Но шрамов нет: его щеки стали гладкими. В зеркальных отражениях – молодые люди с чёрными как смоль волосами, тонкими штрихами бровей, впалыми висками и тяжелыми веками. На них узкие бархатные пиджаки и белые рубашки, как будто для вечеринки. Они стряхивают с лацканов невидимые пылинки, смотрят друг на друга и моргают, как только что проснувшиеся люди.

Инспектор всё ещё смотрит на них, как вдруг внутри него раздаётся резкий треск. Ещё одна личность проклёвывается, как птенец из яйца. Я с усмешкой замечаю растерянность в глазах остальных моих сущностей, и мы все стряхиваем с себя тяжёлую скорлупу облика инспектора.

Чен рядом со мной хлопает в ладоши.

– Чудесно! – восклицает он, словно взволнованный ребёнок. – Чудесно!

Мы все смотрим на него. Он единственный остался таким же, как и прежде: миниатюрная серая фигура на фоне белизны небесной тверди. Здесь что-то не так. Я ищу его Код в устроенной нами виртуальной ловушке и ничего не нахожу.

А Чен вытирает глаза и снова становится серьёзным. Теперь, когда нет *сяо,* сопутствующего моей маскировке, рассматривать

его намного легче. Низенький коренастый азиат с неровно подстриженными седыми волосами, босой, в простой монашеской одежде. Его лицо выглядит моложе, чем глаза.

– Вир, имитирующий небесную твердь, – говорит он. – Я и не знал, что такое возможно. И весь этот спектакль устроен лишь для того, чтобы украсть мои Коды. Это даже интереснее, чем посещение театра. Очень забавно.

Мы все шестеро отвешиваем поклон.

– Я уверен, ты сумеешь выяснить, как это сделано, – произносим мы хором.

И я вижу в глазах всех своих сущностей, что пытаюсь отыскать путь к отступлению. Но вир вокруг нас запечатан, словно бутылка.

– Конечно, – соглашается он и, заложив руки за спину, оглядывает нас с ног до головы. – Я помню, как столетие назад ты вскрыл солнцедобывающую фабрику. И сейчас снова это сделал. Старый трюк с компилированием. Единственное, что мне непонятно, так это откуда у тебя Код моего старого друга? От Жозефины? Придётся с ней поговорить.

Я не без оснований горжусь собой: одна из самых надёжных систем взломана путем добавления кое-каких мелочей в аппаратное оборудование «Дающего бессмертие», когда около четырёх минут назад солнцедобывающая фабрика компилировала его вместе с другими кораблями в системе координат Эксперимента.

И, безусловно, я подготовил себе путь к отступлению. *Надо только заставить его продолжать говорить.*

– Джентльмен никогда не разглашает секретов. Это классика, – говорим мы, но уже нестройным хором, поскольку начинаем разниться.

Вот оно. Вир запечатан, словно бутылка, но Чен пропустил одну из задних дверей в моей небесной тверди. Надо только заставить его продолжать говорить.

– В самом деле. И *предательство* – один из этих секретов, не так ли? Самый древний из них. – Он слегка улыбается. – Ты должен был бы знать, что ей не стоит доверять.

Я и не доверял. Но мы только пожимаем плечами.

– Это игра. Я только этим и занимаюсь. – Мы обводим руками окружающую белизну. – Но ведь ты тоже играешь. Весь этот Эксперимент затеян, чтобы отвлечь внимание остальных, не так ли? Тебе он не нужен. Ты уже получил камень Каминари. Ключ к замкам Планка.

Он приподнимает брови.

– А ты можешь назвать кого-то другого, кто более достоин им

обладать?

Мы смеёмся.

– Матчек, при всем моем уважении к тебе, – говорим мы, – я считаю, что драгоценности, замки и ключи надо оставить профессионалам.

– Уважение. Конечно. – Он складывает руки на груди. – Ты считаешь это игрой. А помнишь нашу первую встречу? Я говорил, что для меня это не игра.

Да, мы уже встречались раньше. Но как бы мне хотелось, чтобы ты об этом забыл.

– В таком случае, почему же я всё время выигрываю? – спрашиваем мы.

Один из нас – я уже не могу точно определить, кто именно, – активирует аварийный протокол. Остальные сущности самостоятельно ликвидируются, наполняя шумом белизну вира. Программная оболочка, хранящая мой разум, рассеивает своё содержимое мыслевихрями и запускает их с «Дающего бессмертие» на другие *районные* корабли. Я прыгаю по коммуникационной сети Соборности, перелетая с одного узла на другой, раскалываюсь, сливаюсь и разбрасываю принесённые в жертву частицы. Чены упрямо и неустанно преследуют меня. Но это не имеет значения. Ещё несколько миллисекунд, и я доберусь до одного из своих спасательных судов – красивых «Лебланов», построенных в «Ганклубе» зоку, уже разогревших двигатели Хокинга, чтобы унести меня отсюда со скоростью света…

И вдруг начинается самоликвидация *районов.* Фотосфера расцветает вспышками антиматерии, сжигающей мои мосты, уничтожающей миллиарды гоголов, и всё ради того, чтобы изолировать меня, словно вредоносный вирус. Уничтожение распространяется со скоростью лесного пожара, и вот я остаюсь в одиночестве.

Я пытаюсь скрыться в процессах небесной тверди, превращаюсь в медленное реверсивное вычисление. Но всё напрасно: они меня выследили. Чены и творцы окружают меня, мельтешат вокруг, словно лилипуты перед Гулливером, и хватают меня.

А потом появляются невидимые раскалённые скальпели для разума.

Они разрезают меня на части. В первую очередь лишают метамозга – способности модифицироваться, формировать нейронную ткань. Я обездвижен, мёртв, не имею возможности менять облик по своему желанию, взят в плен. Но они позаботились о том, чтобы оставить мне осознание утраты.

Голос задаёт вопросы.

Я не отвечаю и умираю.

Голос задаёт вопросы.

Я не отвечаю и умираю.

Голос задаёт вопросы.

Я не отвечаю и умираю.

В конце концов лезвия добираются до тайника, построенного мной самим много-много лет назад. В голове вспыхивает пламя и уничтожает мои секреты.

И вот я, полностью обнажённый, оказываюсь в стеклянной камере. Мозг, лишённый усовершенствований, гудит от фантомной боли. В руке оружие. За каждой из четырёх стен кто-то ждёт.

Сотрудничество или предательство?

4
Таваддуд и Абу Нувас

Пока Дуни её ждет, Таваддуд в спальне примеряет новое лицо.

Она всматривается в своё отражение в зеркале. Образ, созданный ею для господина Сена, уже развеялся, и теперь перед ней обычная женщина в белом трико, в котором её широкие бедра не выглядят стройнее. *Необычная? Не сегодня.* Она проводит рукой по непослушным волосам, но не собирается ничего с ними делать, а просто выбирает короткую накидку с капюшоном, чтобы их прикрыть. После недолгого колебания Таваддуд надевает старые атар-очки, принадлежавшие ещё её матери. Сквозь их круглые золотистые линзы почему-то легче смотреть на мир.

Затем она берёт свою медицинскую сумку и присоединяется к сестре на балконе жилого крыла дворца, чтобы дожидаться подъёмника. Сестра неодобрительно хмурится на очки.

– Они не соответствуют форме твоего лица, – говорит она. – Мама, бедняжка, никогда не отличалась хорошим вкусом. Я уверена, ты была бы просто очаровательной, если бы следовала законам стиля.

Ты совсем не знала нашей матери, думает Таваддуд. *И меня тоже не знаешь.*

Она старается не замечать колкостей Дуни. Целый день Таваддуд провела дома и теперь с удовольствием наслаждается лёгким ветерком и теплом послеполуденного солнца.

Отцовский дворец похож на руку, торчащую из Осколка Гомелеца, или гигантское растение, поднимающееся по стене: пять высоких зданий, когда-то стоявших вертикально, а теперь повёрнутых горизонтально и обросших многочисленными галереями, соединённых между собой пристройками, балконами и висячими садами. Откуда-то сверху доносится слабое протяжное эхо печальной музыки джиннов. Из Тахта, дворца купцов, торгующих гоголами, поднимаются запахи пищи, разносимые тёплым ветром. Снизу, словно ростки плюща, к Осколку Гомелеца тянутся тонкие минареты, извилистые платформы и вертикально поднимающиеся улочки. Сам город далеко внизу теряется в туманной пелене, сквозь которую мерцают лишь пурпурные, золотые и синие огни.

Осколок представляет собой сегмент цилиндра высотой два километра – часть орбитальной колонии О'Нила, где жили предки Таваддуд. При падении оболочка цилиндра раскололась, словно

яичная скорлупа, – миллионы тонн алмазов, металла и загадочных материалов, бывших в ходу до Коллапса, рассыпались мелкими обломками, а сам цилиндр разбился на пять Осколков. Они вздымаются к утраченному небу, охраняя потаённый и благословенный Сирр, последний человеческий город на Земле.

За спиной Таваддуд раздаётся кашель.

– Прошу простить мою сестру, – говорит Дуньязада. – Она такая мечтательница, что порой мне приходится проявлять твёрдость и обращать её внимание на реальный мир.

– Аун знает, как в эти трудные времена Сирру необходимы мечтатели, – отвечает ей низкий мужской голос.

Таваддуд оборачивается. На балконе рядом с ними стоит мужчина. Он строен и невысок, ниже Таваддуд, с бледной сальной кожей, и выглядит усталым. На нём богатая чёрная с серебром одежда, имитирующая традиционный костюм муталибуна, но сшитая из странной, произведённой в Соборности ткани, дрожащей на ветру. Длинные распущенные волосы, вытянутое лицо и вместо одного глаза – кувшин джинна. Чеканный латунный сосуд, заменяющий левый глаз, поддерживается кожаным ремешком. Человеческий глаз мужчины ярко-зелёного цвета.

– Я и сам мечтатель, – произносит он неторопливо, словно декламируя стихи. – Иногда я слепой нищий, представляющий себя Абу Нувасом, а выпитое утром вино и красивые дамы, такие как вы, только мои фантазии. Но я уверен, что никогда и не мечтал увидеть своё ужасное отражение в ваших глазах, так что вы, спасибо Ауну, наверняка настоящие.

Абу Нувас целует руку Таваддуд, и его латунный глаз ярко блестит в лучах солнца. Лёгкое прикосновение его холодных сухих губ – словно щекочущая ласка джинна. Пальцы у него слегка дрожат, и он быстро отдёргивает руку.

– Господин Нувас, это моя сестра Таваддуд. Позвольте поблагодарить вас за согласие её сопровождать. Видите ли, она очень трепетно относится к своим благотворительным делам, иначе назначила бы встречу в более подходящем месте.

Таваддуд изучает Абу Нуваса и задерживает на нём взгляд дольше, чем принято. Его улыбка становится неуверенной. Женщина решительно выпрямляется. Теперь она не Таваддуд, паршивая овца в семье Гомелец. Это Таваддуд, гордость Дворца Сказаний, возлюбленная Аксолотля.

Нет, сестра, ты совсем меня не знаешь.

– Моя сестра шутит, – негромко говорит Таваддуд. – Я не хотела показаться высокомерной. – Она снимает атар-очки и

улыбается Абу Нувасу той же улыбкой, какой одаривала господина Сена и своё отражение в зеркале. – Но я с удовольствием приму ваше предложение меня сопровождать и, надеюсь, услышу ещё немало приятных слов. Я и не знала, что вы поэт.

Она протягивает руку Абу Нувасу. Тот выпячивает грудь и делает шаг вперёд.

– Просто любитель, милая госпожа. Я произношу слова, которые приходят в голову муталибуна во время странствий по пустыне, это лишь блёклое отражение вашей красоты.

Таваддуд смеётся и награждает его другой улыбкой, более тёплой, чем предыдущая.

– За такие слова я позволила бы себя сопровождать даже слепому нищему, лорд Нувас, – отвечает она.

– Прошу вас, зовите меня просто Абу.

Дуньязада смотрит на Таваддуд с нескрываемым изумлением. Таваддуд поджимает губы.

– Дорогая сестра, разве ты не говорила о срочных делах в Совете? Я не сомневаюсь, что они очень важны. Мы все должны служить отцу и городу по мере своих сил.

Подъёмник представляет собой дребезжащее аналоговое устройство с гибкой рамой. Эта металлическая сороконожка передвигается, цепляясь за рельсы, проложенные по Осколку. В лицо дует приятный ветерок. Некоторое время Абу Нувас кажется полностью удовлетворённым тем, что держит Таваддуд за руку и любуется разворачивающимися перед ними видами города. Таваддуд рада молчанию, которое позволяет ей собраться с мыслями.

Ты ещё пожалеешь об этом, Дуни, горько пожалеешь.

На востоке простираются горы и оранжереи, а дальше расстилается море. На севере лежит Город Мёртвых с рядами серых безликих построек. Таваддуд поспешно отворачивается от него.

Над самим городом возвышается шпиль Базы Соборности – массивной алмазной башни, ощетинившейся статуями героев, которые превышают даже Осколки. Она маячит над рынками гоголов, которые постепенно уступают место широким улицам и низким зданиям в тени Осколков Угарте и Узеда. В лучах солнца верхние сегменты Базы кажутся золотыми. Башня постоянно меняется, иногда очень медленно, иногда прямо на глазах, новые шпили поднимаются и опускаются, поверхности и статуи поворачиваются. Каждые несколько секунд грохочут раскаты и сверкают вспышки, и светящиеся потоки мыслевихрей несут

приказы Соборности к Ковшу, который сооружают в небе мастера Внутренней Системы.

– Она заставляет чувствовать себя ничтожно маленьким, не правда ли? – говорит Абу.

Абу Нувас хорошо известен своим влиянием на рынке гоголов и инвестициями, порой совершенно безумными. Тем не менее даже самые влиятельные клиенты Таваддуд говорят о нём с невольным уважением. *Низкорослые мужчины должны быть могущественными.* Таваддуд старается не поднимать глаз.

– Я предпочитаю великолепие Осколков бездушным творениям Соборности, – отвечает она. – И Крик Ярости диких кодов доказал, что и они могут быть мелкими и слабыми.

– Да, верно, – соглашается Абу. – По крайней мере, иногда.

Мимо проходит другой подъёмник. За ним с шумом проносится рой Быстрых. Эти крошечные гуманоиды, не больше указательного пальца Таваддуд, с тёмными телами и жужжащими крылышками, частенько цепляются к подъёмникам и таким образом добираются до вершин Осколков, а по пути вниз впитывают солнечную и потенциальную энергию. Они продают её в города маленьких человечков, такие как Куш и Миср, а также в сотни других поселений в центральном Сирре, названий которых медлительные люди так никогда и не узнают. Пассажиры пытаются отмахнуться от Быстрых, но те без усилий уклоняются от ударов, окружая подъёмник, словно облако мух.

– Иногда я завидую им, – признаётся Абу, глядя на летающих существ. – Они обитают в мире гигантских статуй, живут стремительной жизнью, ведут стремительные войны, их века и династии сменяются на протяжении одного дня. Наша жизнь слишком коротка, не так ли?

– А ещё говорят, – доверительно произносит Таваддуд, – что Быстрым, как и джиннам, доступны утраченные людьми наслаждения, и если человек познаёт их, он лишается интереса ко всему плотскому.

– Понимаю. – Абу обращает к ней латунный глаз, по-птичьи склонив голову набок. – Вы говорите так, исходя из собственного опыта, госпожа Таваддуд? – спрашивает он с непроницаемым видом.

Выражение лица Абу Нуваса, как и большинства муталибунов, определить трудно. Якобы желая защититься от яркого солнца, Таваддуд снова надевает очки и рассматривает ауру торговца гоголами в Тени. Сплетённый с ним джинн видится ей огненной змеёй, обвивающей человека защитными кольцами. *Мне надо быть с ним очень осторожной.*

Таваддуд провожает взглядом удаляющийся подъёмник.

– Я всего лишь неискушенная девушка из семьи Гомелец.

– Истории утверждают обратное.

– Истории многое утверждают, и потому Кающиеся охотятся за ними, пока похитители тел не успели вместе с ними украсть и наш разум. Поэзия интересует меня больше, чем истории, дорогой Абу, и вы обещали порадовать меня ею. К сожалению, взамен я могу предложить только вечер, проведённый за трудной работой среди Бану Сасан. – Она касается руки Абу. – Но ведь вы не чураетесь трудностей. Моя сестра и я очень ценим помощь, которую вы оказываете нашему отцу.

– Это пустяки. Я предпочёл бы, чтобы вы ценили моё остроумие. Или мою красоту. – Он иронично усмехается и трогает пальцем свой латунный глаз.

Глупая девчонка. Это первый урок Кафура. Заставь его поверить в сон и никогда не позволяй просыпаться.

– В Сирре нет большей чести, чем общение со сплетёнными, а честь важнее красоты, – говорит Таваддуд. – А что вы видите этим глазом? – спрашивает она с озорной улыбкой. – Всё, что пожелаете?

– Хотите посмотреть? – предлагает он.

Таваддуд молча снимает атар-очки и щурится от яркого света. Абу Нувас поворачивает их в своих руках и произносит Тайное Имя, неизвестное Таваддуд.

– Теперь попробуйте.

Она смущённо принимает очки и надевает их. Таваддуд моргает, ожидая увидеть привычный хаос местного атара, цифровую тень реальности. Печати дворцов оберегают Осколки от большей части диких кодов, но даже здесь атар, как правило, заполнен древними спаймами и шумами.

Но она видит совсем другой Сирр.

Город превратился в гигантскую подвижную паутину света. База Соборности по-прежнему здесь, сияющая звезда в центре, а всё остальное сменилось сложной, постоянно меняющейся сетью: яркие пряди, то появляющиеся, то исчезающие, плотные раскалённые потоки, протянувшиеся до самого горизонта, внезапные вспышки активности, напоминающие гнёзда огненных насекомых. Уже через мгновение Таваддуд начинает моргать. Смотреть на эту картину – всё равно что на Солнце.

– Вот что видим мы, мухтасибы и муталибуны, – говорит Абу. – Вот что собирают для нас Кающиеся, кровь Сирра. Торговля гоголами. Торговля техникой Соборности. Труд джиннов. И ещё, – он понижает голос, – торговля воплощением. Это как работа в саду, где мы должны решать, где надо посадить растение, а где выкорчевать, чтобы Сирр мог существовать и дальше. Вот поэтому

я и помогаю вашему отцу. И поэтому чувствую себя маленьким.

Таваддуд ещё раз моргает, и видение рассеивается, сменяясь атаром – его каракулями на людях и зданиях, искажёнными белым шумом дикого кода. Она снимает очки.

– В таком случае я рада, что взяла вас с собой на встречу с Бану Сасан, – медленно произносит она. – Мы нередко кажемся себе маленькими, когда смотрим на вещи издалека.

– Ваша сестра говорила, что мы поладим. – Абу снова берет Таваддуд за руку и дарит ей улыбку, значение которой она никак не может разгадать.

Это будет труднее, чем я думала.

Подъёмник, лязгая и скрежеща, добирается до основания Осколка, а затем с ещё бóльшим шумом трансформируется в трамвай. Он несёт их по широким улицам Тени к центру города, а потом вдоль узких каналов, уходящих к морю, продолжает путь к Базе и Бану Сасан.

5
Вор и охотник

Миели парит в спаймскейпе, она призрак в призраке корабля. Здесь представлены все предметы из интеллектуальной материи – от мельчайшего винтика «Перхонен» до системных объектов Магистрали. Реальность, снабженная интерпретациями и пояснениями, бесстрастная физика в паутине значений.

Миели любит находиться здесь, даже когда не занята пилотированием корабля. «Перхонен» состоит из её слов, и здесь она может их видеть. Усилием мысли она способна смотреть сквозь стены, может уменьшиться настолько, чтобы наблюдать за псевдожизнью сапфировых нанодвигателей, или превратиться в гиганта и подержать на ладони невероятно сложный механизм Системы. Она может даже обернуться и посмотреть на собственное тело, словно бросить взгляд из загробной жизни.

Но только не сейчас: центральная каюта корабля закрыта для её спайм-взгляда. Пока Пеллегрини развлекается там с вором, её, словно дух предков, изгнали оттуда. Хорошо хоть дремотное спокойствие спаймскейпа немного смягчает негодование.

– Не волнуйся, – утешает «Перхонен». – Насколько я могу судить, они всё это время заняты разговорами.

– Я даже знать об этом не хочу, – отвечает Миели. – Она сказала, что-то должно произойти.

Миели запрашивает информацию у гоголов сенсорной системы, чьё бесплотное существование посвящено наблюдению за работой корабельных визуализаторов, нейтринных детекторов и прочих приборов. «Перхонен» находится на одной из малых веток Магистрали, спроектированных Соборностью для передачи потоков мыслевихрей. За исключением редких древних маршрутизаторов зоку, оставшихся после Протокольной войны, и стремительных мыслевихрей, на миллионы километров вокруг ничего нет.

Но для полной уверенности Миели приказывает кораблю активировать скрытую в оболочке технологию Соборности. «Перхонен», как и сама Миели, представляет собой сложнейший сплав техники Оорта и Соборности, прошедший обновление на Венере: секретное оружие, квантовая броня, виры, гоголы и антиматерия заключены в интеллектуальном коралле, словно насекомые в янтаре.

– Вот что мне интересно, – произносит «Перхонен». Её голос заметно изменился, теперь он звучит не из бабочки-аватара, а

отовсюду, даже из самой Миели. – Ты собираешься рассказать ему о том, что отдала Пеллегрини гогола?

– Нет, – говорит Миели.

– Мне кажется, это помогло бы ему. Он не может понять тебя по-настоящему.

– Это его проблема, – отвечает Миели.

Среди звёзд, в своём корабле, в своей песне, она чувствует себя в безопасности. Ей хочется забыть о воре, о Пеллегрини, о войнах, богах и поисках. Может быть, она сумела бы забыть и о Сюдян. Зачем кораблю нужно всё портить?

– Я подумала о том, – продолжает «Перхонен», – что он мог бы нам помочь. Ему ведь тоже не терпится получить свободу. Если ты скажешь ему правду…

– Я не хочу об этом говорить, – заявляет Миели.

– Неужели ты не видишь, что делает с тобой Пеллегрини? Сплошные обещания, клятвы, зависимость. К чему это нас привело? Почему мы должны…

– Хватит, – прерывает её Миели. – У тебя нет права сомневаться в её словах. Я её слуга и не желаю быть предателем. Не заставляй меня жалеть о том, что я тебя создала. – Теперь, когда её не успокаивают медитация и сияние свечей, гневные слова легко слетают с губ. – Я не твоё дитя, я твой создатель. Ты не представляешь себе…

И вдруг налетает нейтринный поток, лёгкий, словно дуновение ветра. Очень странно.

Миели замолкает. Корабль не отвечает. Спаймскейп спокоен.

Миели снова сканирует небо. Синтбиотические семена, оболочки мыслевихрей, и очень далеко, на главной артерии Магистрали, одинокий *район* Соборности. Тем не менее по коже пробегают мурашки.

Может, мне стоит извиниться, думает она.

«Перхонен» изо всех сил старается о ней заботиться. Она пыталась это делать с того самого дня, как её дух вышел из небытия…

Яркий луч молнией разделяет спаймскейп надвое. Изображение меркнет.

Миели рывком возвращается в своё тело. «Перхонен» вокруг неё гудит, словно колокол. Из неровной пробоины в корпусе заглядывают тьма и звёзды. Воздух с шумом вырывается наружу.

В центре каюты пляшет ослепительно-белая точка. Лучи разлетаются от неё во всех направлениях, как от обезумевшего маяка. Деревца-бонсаи рядом с Миели охватывает пламя.

Никогда не возноси молитвы Человеку Тьмы, проносится в голове Миели.

От воспоминаний об аресте удаётся избавиться с большим трудом.

Во рту привкус крови. Я прикусил язык, и это причиняет боль. Но вкус неудачи ещё хуже. Я сплёвываю. Капли слюны и крови рассыпаются передо мной цепочкой белых и тёмно-красных жемчужин.

Опасно было вести с Пеллегрини такую игру. Азарт игрока. В теле Миели, как и в прошлый раз, была она сама. Гоголы Соборности неловко чувствуют себя во плоти, их нетрудно узнать и нетрудно ими манипулировать, какими бы богоподобными они ни выглядели в вире. Она дала мне как раз то, что было необходимо. Дверь во дворце памяти открыта. Я помню Землю. Я помню принца в аль-Джанна[13]. И, несмотря на боль, в моей голове складывается план.

И в этот момент в лицо мне ударяет алмазный полицейский.

Миели ещё держит в руках сосуд с чаем, когда на неё попадает луч. Жидкость мгновенно выкипает, а колба лопается с жалобным стоном, который заглушает рёв воздуха. После холода спаймскейпа жар в первое мгновение кажется даже приятным. Затем он обрушивается на неё, словно самый жестокий *лёюлю* [14]в оортианской сауне.

Метамозг реагирует мгновенно. Подкожная броня из интеллектуальной материи активизируется. Ожоги третьей степени остаются только в статистике повреждений. Система ускорения времени превращает мир в слайд-шоу застывших снимков.

В боевой сосредоточенности мир всегда подчиняется логике.

Включить увеличение.

В центре ослепительной белизны обнаруживается устройство длиной меньше миллиметра: гладкий предмет, похожий на кинжал, с узкими лепестками, торчащими из рукоятки. Вокруг тонкого, словно игла, кончика выгравированы лица. Продукт Соборности…

Кинжал-цветок продолжает двигаться. Даже в ускоренном времени среди бабочек-аватаров «Перхонен» он похож на осу, совершающую свой убийственный танец. Мелькающий луч создаёт стробоскопический эффект, он мечется по стенам каюты, оставляя за собой раскаленные шрамы. Луч поворачивается в сторону Миели.

«Перхонен» набрасывает на него сферу из ку-точек и повышает уровень энергии, связывающей искусственные атомы. Зеркальная сфера прыгает по каюте и начинает светиться.

Лазеры, мысленно обращается Миели к кораблю, одновременно настраивая собственное оружие. *Приготовься вышвырнуть его и сжечь.* Она занимает позицию между летающим кинжалом и вором, неподвижно висящим в воздухе с закрытыми глазами. Для его безопасности она воздвигает ещё один барьер из ку-точек.

Гоголы-стратеги передают результаты анализа в её метамозг. Луч устройства производит *сканирование,* как Врата Царства зоку, он собирает информацию, но уничтожает источник, а данные куда-то передаёт. Область высокой температуры определяет ширину энергетической зоны.

Уничтожить его, и пусть боги сами разбираются.

– Миели, – окликает её корабль. – Он не…

Ку-сфера лопается. Кинжал пулей несётся навстречу Миели. Она стреляет из гостгана, выпуская густое облако наноракет, но понимает, что опоздала. Устройство светящейся змеёй лавирует между микроскопическими зарядами.

Сканирующий луч когтём скребёт по телу Миели. Обезумевшая броня переходит к активным контрмерам. Кожа выбрасывает крошечные фейерверки, но это не помогает. Внутренности кипят и разрываются – *натиск давления и высокой температуры чередуется с периодами восстановления,* – а луч поднимается к голове и мечется из стороны в сторону, сопровождаемый стаккато рапортов о полученных повреждениях.

Она ожидала холодного отчуждения в этой битве, осознания того, что после её смерти останется другая Миели. Но вместо этого непреодолимый страх сковывает её мысли, несмотря на боевую сосредоточенность.

И она не сопротивляется.

Кинжал из бездны изменяет направление: лишь слегка задев её щеку, он перемещается к беспомощному вору. Процессор Нэша, содержащийся в метамозге, выдаёт три возможных варианта, но ни один из них не годится.

Миели игнорирует рекомендации и освобождает вора от оков.

Перед ударом алмазного снаряда я едва успеваю моргнуть, как вдруг превращаюсь в бога. В не слишком могущественного бога, но всё же я сознаю особенности оболочки из интеллектуальной материи, которая изображает человеческое тело, и свойства *районного* компьютера, встроенного в мозг.

Я только во второй раз получаю доступ к управлению им. В первый же момент меня поражают хитросплетения синтбиотических клеток вокруг алмазной основы, мощность

термоядерного источника энергии в основании позвоночника и превосходные эмиттеры ку-частиц. Могучий мозг приводит меня в недоумение – моё собственное сознание в его сложнейшем лабиринте кажется невероятно малым, и какое-то время я просто брожу по его коридорам холодной логики и размышляю. План, который Пеллегрини невольно подсказала мне, тоже здесь, в виде мозаики, сложенной из взаимосвязанных фрагментов. Я изучаю его со всех сторон и даже что-то напеваю. Чего-то не хватает.

И тогда я слышу голос камня зоку, чувствительного к любым мыслям и потребностям. Я выражаю ему своё пожелание, и он превращается в недостающую часть, завершающую мозаику. Что-то подсказывает мне, что это неправильно, что я должен ощущать свою вину, но какой вред может быть от подобной красоты?

Я чувствую себя маленьким мальчиком, нашедшим на берегу красивые камешки. Я напеваю себе под нос. Я был бы счастлив навсегда остаться в своих мыслях.

Но издали доносится слабый голос, сигнализирующий о том, что моя плоть плавится, и о ярком, непереносимо ярком луче, который качается передо мной из стороны в сторону, словно часы гипнотизёра. И с этим надо что-то делать.

Я начинаю двигаться. Мне кажется, что на меня надели огромную оболочку робота – громоздкую и неуклюжую. Тело не успевает за реакцией разума. Левая рука исчезает в белом огне: искусственная кожа, плоть и кости – всё поглощает пламя. Метасущность моего тела спокойно сообщает, какое время потребуется для полного восстановления. И ещё выдает информацию о крошечном устройстве, которое сжигает меня заживо: злобное создание Соборности, двигающееся по зигзагообразной траектории по разгромленной каюте «Перхонен», нацелилось прямо на мой мозг.

Копы. Как бы ни менялся мир, они остаются прежними.

Я не большой любитель шахмат, но кое-что в этой игре приводит меня в восхищение. Спустя какое-то время начинаешь почти визуально различать линии атаки между фигурами. Опасные зоны, где физически невозможно предпринять какие-либо действия. Множества вероятностей, запретные участки.

Именно так теперь я вижу алмазного копа. Внезапно возникает ощущение скрытого внутри меня зеркального изображения.

Хороший охотник, быстрый охотник, отличный охотник, если найдёшь его, начнётся потеха…

Вот оно. *Зеркала.* Я отдаю приказы своему чужеродному телу. Оно повинуется.

Ку-слой под моей опалённой кожей трансформируется в

метаматериал. Импровизированный плащ-невидимка. Я превращаюсь в блестящую статую. Смертоносный луч огибает меня. Он упирается в ряд изваяний из кометного льда в галерее Миели. Коп продолжает бушевать, но он в растерянности, и я успеваю сказать «Перхонен», что нужно делать…

Вокруг источника света возникает ку-сфера – сверкающий бильярдный шар, в котором отражается моё искажённое лицо. От неожиданного потока электромагнитного излучения пощипывает кожу. А затем «Перхонен» вышвыривает незваного гостя вдоль оси каюты в открытый космос, и после него остаётся только струя ионизированного воздуха.

Загораются лучи корабельных лазеров. Вдали сверкает вспышка взорвавшейся антиматерии. От вихря гамма-лучей и пи-мезонов начинается головная боль.

И замки на моём принадлежащем Соборности теле снова защёлкиваются. Миели парит рядом со мной, вокруг неё щупальцами медузы тянутся струйки тёмной крови. А потом в руке вспыхивает боль, и я не могу удержаться от крика.

Пламя постепенно угасает, корабль заделывает пробоины в оболочке, а Миели тем временем занимается рукой вора. В кабине стоит отвратительный запах горелой синтбиотической плоти, воняет озоном и дымом, в воздухе летает пепел бонсай. Рядом с Миели серым ароматным призраком парит пузырёк лакричного чая.

– Больно, – жалуется вор, с отвращением наблюдая, как восстанавливается плоть на его обгоревшей культе. – Проклятье, что же это было? Гоголы не могли такого сотворить.

Выглядит он ужасно. Вместо левой стороны лица сплошная кровавая рана, верхнюю часть туловища, словно кратеры на поверхности планеты, испещряют обугленные вмятины. Миели чувствует себя не лучше. Она вся покрыта по́том, а голова и живот гудят от напряжённой работы восстанавливающих нанитов. За исключением мозга, ничто в ней не представляет ценности, но Миели не намерена оставлять своё биологическое тело гнить.

– Что бы это ни было, – говорит «Перхонен», – боюсь, последует продолжение. Это устройство выделяет колоссальное количество тепла. Я проследила его путь. Там что-то есть. Что-то большое, не подчиняющееся протоколам Магистрали. Целый рой этой мелкой пакости, их несколько тысяч, и, судя по направлению движения, они намерены нас перехватить.

– Сколько у нас времени? – спрашивает вор.

– День или два, может быть, и три, если мы поднажмём, – отвечает «Перхонен». – Быстроходные мерзавцы.

– Проклятье, – шепчет Миели. – Пеллегрини предупреждала меня. Надо с ней поговорить. – Она мысленно обращается к богине, но не может её отыскать.

Вор поворачивается к ней здоровым глазом.

– Думаю, она будет скрываться, пока мы не избавимся от хвоста, – заявляет он. – Но противник силён, сильнее любого из нас. Наверное, сильнее, чем я могу себе представить. Честно говоря, на твоём месте я поискал бы другую работу. Дело становится скверным.

Миели приподнимает брови. Оба они напоминают сломанных кукол. Её одежда изорвана в клочья и покрыта пятнами крови. Лицо вора всё ещё разбитое и красное. Клочья лечебной пены, вырабатываемой восстановительной системой в его теле, прикрывают ужасные ожоги на руках, ногах и торсе.

– Да, очень скверным, – повторяет вор. Неповреждённая часть его лица становится серьёзной. – Я должен тебе кое-что сказать. Мне известно, кто твой босс и чего она хочет. Надо признать, ставки высоки даже для Основателей и Праймов. Всё это – результат какого-то конфликта между ними. А мы оказались в самом его центре.

– Благодаря тебе, – отвечает Миели.

– Туше, – признает вор. – Итак, можем мы убежать?

Разрушения от вторжения кинжала-цветка только поверхностные, и «Перхонен» уже контролирует ситуацию. Но Миели точно знает, на что способен её корабль, а что не в его силах. У неё самой в животе ещё покалывают иглы страха. И она чувствует, что не может от них избавиться.

– Нет, – говорит она. – Но мы можем драться.

Может, это наилучший способ покончить со всем сразу. Сразиться с непобедимым врагом в надежде на славную гибель.

Вор окидывает её недоверчивым взглядом.

– Я с уважением отношусь к твоей способности убивать врагов, – сообщает он, – но неужели в оортианских школах не учат основам математики? Одно такое существо едва нас не убило. Ты *уверена,* что сражаться с несколькими тысячами его собратьев – это хорошая идея?

– Это мой корабль, – произносит Миели. Цепочка с драгоценными камнями обжигает ей кожу. *Сюдян. Может, другая я сумеет её вернуть?* Она прикрывает глаза. – И это моё решение.

Миели, шепчет «Перхонен». *Эта штука – высокотехничное устройство Соборности. На Марсе я истратила значительную часть боеприпасов. Мы, конечно, хороши, но не настолько. Что ты творишь?*

– Миели, – окликает её вор. – Ты в порядке?

Миели глубоко втягивает вонючий воздух и открывает глаза. Вор смотрит на неё с искренним беспокойством.

– Послушай, – негромко говорит он. – Давай подумаем. Всегда есть какой-то выход.

– Отлично, – отвечает она после паузы. – Что ты предлагаешь?

Вор некоторое время молчит.

– Эта штука, похоже, очень хотела добраться до меня, – заявляет он. – Может, нам удастся использовать это обстоятельство?

– Сделать твоего гогола и пожертвовать им? – саркастически предлагает Миели.

По лицу вора пробегает тень.

– Нет, это невозможно. Жозефине, похоже, достаточно одного меня. Должно быть что-то ещё… – Его здоровый глаз поблёскивает. – Конечно. Какой же я идиот. Дело вот в чём. Если копу нужен я, мне придётся стать кем-то другим. Мне необходимо новое лицо.

Вор пытается почесать окровавленную вмятину отсутствующей рукой и разочарованно разглядывает обрубок.

– Потребуется ещё кое-что, но я, кажется, знаю, где всё это найти. Если «Перхонен» права, у нас осталось меньше двух дней, чтобы открыть Ларец.

– И как мы это сделаем? – спрашивает Миели.

– Так, как делаются все по-настоящему важные вещи: при помощи дыма и зеркал.

– Жан, прошу тебя, оставь свои игры.

Вор не без труда улыбается ей и достаёт из кармана небольшое янтарное яйцо. Камень зоку.

– Как быстро ты сможешь отыскать маршрутизатор зоку?

6
Таваддуд и гуль

Район Бану Сасан располагается вокруг Базы Соборности. Изначально он задумывался как модель города Соборности: высокие массивные дома, площади, статуи и загрузочные храмы. Но после Крика Ярости почти все здания пустуют, и лишь в обширных складах размещаются чужеземные товары, предназначенные для тех, кому благодаря торговле гоголами они доступны. В этом районе прячутся от дикого кода слабые и нищие обитатели города.

Таваддуд осторожно наблюдает за Абу. Она ожидала, что при виде грязи и нищеты торговец гоголами задерёт нос, но вместо этого он смотрит вокруг с бесстрастным вниманием, даже когда они проходят по площади Тахт аль-Калаа, где живёт женщина-паук. Дикий код вырастил на её груди паучьи железы, и женщина сплела из паутины огромный шатёр. Внутри на тонких нитях, словно загадочные фрукты, висят маленькие статуэтки и кувшины джиннов.

В сухом воздухе чувствуется неистребимый запах озона, смешанный с едкой вонью немытых тел. Актёры театра теней под негромкую музыку создают картины на поверхности высоких колонн, старики с отметинами дикого кода на лицах играют в шахматы в уличных кафе. Акробаты-химеры в шёлковых костюмах поигрывают мускулами, усиленными сапфиром.

Абу останавливается, чтобы дать несколько соборов мужчине с клеткой, в которой заперта ещё одна химера: похожее на розовый эмбрион существо размером с собаку, с прозрачным голубым панцирем и тонкими паучьими ногами. Мужчина несколько раз кланяется и громко объявляет собравшимся вокруг людям, что в клетке у него принц Торопливого Нью-Йорка, получивший это обличье от Ауна. Химера якобы понимает священные тексты и, постукивая ногами по бетону, диктует ответы на вопросы. Через атар-очки Таваддуд различает цепочки, которые соединяют странное существо с мозгом его хозяина.

– Дорогой Абу, вам надо быть осторожнее, – говорит она. – Я не хочу, чтобы вы стали одним из моих пациентов.

Хотя я не сомневаюсь, что джинны-телохранители, которые следуют за нами, сумеют удержать вас от любых неосторожных поступков.

– Это ужасно. Но я уверен, что многие из этих людей отправляются в пустыню только ради того, чтобы после вы

занялись их лечением.

– Должна предупредить, мои лекарства могут быть горькими.

Она похлопывает по своей медицинской сумке.

Абу смотрит на неё с любопытством.

– Почему вы это делаете? Почему приходите сюда?

– К концу дня вы, возможно, и сами это поймёте. А как вы относитесь к Бану Сасан?

Абу улыбается:

– Я здесь вырос.

Таваддуд в изумлении моргает.

– Я хотела бы услышать эту историю.

– Боюсь, она слишком длинна для послеобеденной прогулки. Кроме того, я нечасто решаюсь её рассказывать: трудно иметь дело с семействами мухтасибов, если не носишь фамилию Соарец, Угарте, Гомелец или Узеда. – Абу разводит руками. – При этом неважно, сколько гоголов доставляют из пустыни мои муталибуны.

– Что ж, мудрый человек в вашем положении подыскал бы себе невесту среди младших дочерей из семейств мухтасибов. Даже если у неё… не слишком хорошая репутация.

Абу опускает взгляд.

– Я надеялся провести приятный день с привлекательной женщиной, не затрагивая подобных проблем.

Его человеческий глаз полон грусти, и Таваддуд едва удерживается, чтобы не сказать, что он не должен жениться на женщине, предпочитающей монстров. Но рана, нанесённая Дуни, всё ещё причиняет боль. *Я покажу отцу, на что способна. Но не так, как она думает.*

Таваддуд легонько касается плеча Абу.

– Вы правы. Давайте оставим брачные союзы и Семейства на Осколках, где им и место. Здесь неважно, кто вы. И это одна из причин, по которым я сюда прихожу.

По обыкновению Таваддуд выбирает место для своей практики рядом с безликой статуей Соборности – бородатый мужчина с инструментами слесаря уже носит на себе каракули и пятна диких кодов, различимые в атаре.

Пока Абу осматривается, Таваддуд достаёт из сумки палатку – отдельные детали образуют конструкцию на тонких шестах, похожих на ноги гигантского насекомого. В результате получается небольшой шатер со столиком и койкой. Таваддуд раскладывает свои инструменты и кувшины джиннов. К тому времени, когда она заканчивает приготовления, появляются первые пациенты.

Они выстраиваются в очередь снаружи и входят по одному. В большинстве случаев дело заключается просто в навязчивых идеях, от которых легко избавить. Людям, по-настоящему поражённым диким кодом, помочь сложнее, но, к счастью, сегодня их немного. Один из таких посетителей – подросток со светящимися V-образными штрихами, перемещающимися по его телу, словно стаи птиц. Мальчик утверждает, что это древний символ победы и хотел бы сохранить отметины, но Таваддуд объясняет ему, что они будут разрастаться, пока не сожгут всю его кожу.

Она обхватывает его лицо ладонями и внимательно изучает через атар-очки.

– Ты опять был в пустыне, – упрекает его Таваддуд. Мальчик вздрагивает, но она не выпускает его голову. – Дай мне посмотреть.

Она снимает с пояса один из кувшинов джинна, открывает его и выпускает оттуда существо, которое в атар-взгляде предстаёт в виде облачка треугольников.

– Я же говорила, чтобы ты туда не ходил, – напоминает она.

– Человек не может без мечты, моя госпожа, а мечты живут в пустыне, – отвечает мальчик.

– Я вижу, ты поэт. Сиди спокойно. – Маленький джинн поглощает дикий код в лобной доле мозга мальчика. – Будет немного больно. Но если ты не свернёшь с пути муталибуна, можешь ничего не достигнуть.

– Я слишком ловкий, чтобы меня поймали, – морщась от боли, говорит подросток. – Как Али-ртуть.

– Но и он оказался не самым быстрым. Никому и никогда не скрыться от Разрушителя Наслаждений.

– Кроме Принца-цветка, – возражает мальчик. – Бессмертного вора.

А потом к ней приходит гуль.

Это жена одного из сапфировых акробатов, худая мускулистая женщина с тёмными кудрями, в облегающей одежде из сфабрикованной в Соборности ткани. Акробат ведет её за руку. Она идёт за ним, словно ребёнок, в её глазах пустота.

Таваддуд усаживает её.

– Ты можешь назвать своё имя? – ласково спрашивает она.

– Чанья, – отвечает женщина.

– Её зовут Мари, – угрюмо говорит акробат.

Таваддуд кивает.

– Тебе известно, откуда это у неё?

Акробат сплёвывает и протягивает Таваддуд гладкий

прозрачный листок.

– Я нашёл это в её палатке, – сообщает он. – Всё сжёг, оставил только один, чтобы показать вам.

Таваддуд бросает взгляд на страницу, плотно заполненную текстом. Некоторые слова уже выгорели, но их всё ещё можно прочесть. Внезапно она ощущает их притягательную силу…

ИСТОРИЯ О МОЛОДОМ КАБЕЛЬЩИКЕ И АЛЬ-ДЖАННА ПУШКИ

Давным-давно, ещё до того как Крик Ярости потряс Землю и Соборность запустила когти в её почву, в городе Сирре жил юноша. Он был сыном кабельщика, его грудь и спина потемнели от солнца, а в своём ремесле он достиг немалого мастерства. Но как только наступал вечер, он отправлялся в одну из таверн, чтобы послушать истории муталибунов – охотников за сокровищами. С горящими глазами, затаив дыхание, внимал он рассказам о свистящих песках и рух-кораблях и о тёмных страстях, пробуждаемых алчностью в сердцах людей.

Но больше всего юноша любил слушать историю о Потерянном аль-Джанна Пушки, священном месте, охраняемом Ауном, о подземном городе, где дремали и ворочались во сне первые загруженные души.

– Возьмите меня с собой, – говорил он. – Я буду нести вашу поклажу. Я буду просеивать песок в поисках кувшинов джиннов. Я не испугаюсь никакой работы, только позвольте мне стать муталибуном.

Но старые муталибуны почёсывали бороды, качали головой и говорили «нет», никогда не объясняя причины отказа. Однажды вечером юноша потратил весь свой дневной заработок на медовое вино, чтобы уговорить самого старого из муталибунов ответить, почему его не берут.

– Ты слишком многого хочешь, – произнес старик с улыбкой на потрескавшихся от зноя губах. – А муталибун не испытывает желаний. Он ищет, берёт, но не желает. Джинны и потерянные аль-Джанна значат для него не больше, чем пыль под ногами. Откажись от своих желаний, мой мальчик, и, возможно, тогда ты станешь муталибуном.

Весь день юноша до боли в руках и плечах соединял провода, прокладывал пути для джиннов, изнемогая от тяжести катушки на спине, но ни на мгновение не переставал размышлять. Конечно, старики устали – устали от грубости сапфиров под кожей, потеряли рассудок в пустынных видениях, навеянных

диким кодом. Даже отец юноши с его незначительными стремлениями как-то взял сына с собой на площадь аль-Калаа к женщине-пауку, чтобы с помощью её даров взбираться выше на стены, цепляясь крошечными шипами на ладонях и ступнях.

Но ведь чтобы добиться успеха, чтобы забираться выше, чем остальные, надо *хотеть* этого? Чем больше юноша раздумывал над словами старика, тем сильнее пустыня обжигала его мысли, словно солнце, бьющее в глаза с вершин Осколков.

Он соблазнил официантку из таверны голодным взглядом своих тёмных глаз и обещаниями подарить кольца джиннов и мыслящую пыль, которая будет звёздами сверкать в её волосах. И она стала его сообщницей: подсыпала в стакан уставшего муталибуна снадобье, полученное от женщины-паука, взяла защищённое Печатями снаряжение и рух-посох и отдала всё это юноше. На рассвете он оделся в костюм муталибуна и у Вавилонских ворот присоединился к группе охотников за сокровищами, чтобы уйти с ними в пустыню.

В те времена муталибуны были ещё более неразговорчивы, чем сейчас. Они берегли голоса и объяснялись жестами, если случалась нужда. Даже их охотничьи джинны казались безмолвными тенями, выходящими из кувшинов, чтобы порывами кровожадного ветра преследовать в ночи видения мертвецов. Юношу приняли за своего – всего лишь ещё одно согбенное существо, отправившееся в долгий путь по пустыне. Однако он едва не выдал себя, когда в первую ночь, остановившись на отдых в оазисе деревьев-мельниц, попытался открыть свою фляжку раньше, чем это сделал предводитель. Его спас только суровый взгляд другого муталибуна.

Но мечты гнали его дальше, а окружающая пустыня прислушивалась к ним. Город, о котором он мечтал, появился внезапно – сверкающий аль-Джанна Пушки. Но старший муталибун, похоже, собирался просто пройти мимо, и юноша знаками сказал предводителю, что надо изменить направление. Старик только покачал головой. Тогда юноша отправился один. Оставив группу, он вошёл в город, уверенный, что только у него хватило смелости завладеть скрытыми внутри тайнами.

В первый момент он почувствовал себя королём. Он увидел машины джиннов, сохранившиеся с давних времён, виртуальные миры, куда можно было мысленно заглянуть, корпуса механизмов, в которые облачались джинны, и они показались ему прекраснее любых рабынь. Они взывали к нему, и юноша взялся за инструменты муталибуна, чтобы извлечь их души и заключить в кувшины.

А потом перед ним явился Аун во всех своих воплощениях.

Принцесса-трубочист. Кракен из света. Зелёный Солдат. Принц-цветок.

Расскажи нам правдивую историю, или мы заберём твою жизнь, потребовали они.

Но юноша знал только одну правдивую историю.

Давным-давно, ещё до того как Крик Ярости потряс Землю и Соборность запустила когти в её почву, в городе Сирре жил юноша…

Таваддуд отводит взгляд. Как же древние люди справлялись со всем этим? Призраки, созданные кем-то другим, окружали их со всех сторон, готовые овладеть разумом и подчинить его чужой воле. Но в Сирре призраки реальные, и они скрываются в историях.

– Мне кажется, я знаю, кто это, – говорит Таваддуд.

Она надевает атар-очки и шепчет слова, которым научил её Аксолотль. И вот в голове женщины она ясно различает два переплетённых контура. Многие похитители тел действуют более тонко. Но только не этот.

– Ахмад, – строго произносит она, глядя на пациентку. – Ахмад Недуг.

В мозгу женщины вспыхивает тонкая цепочка нейронов. *Зацепила.*

– Ахмад, я знаю, что это ты. А ты знаешь, кто я?

Пациентка начинает хихикать.

– Да, детка, я тебя знаю. Ты шлюха Аксолотля. Давненько не виделись, – отвечает она высоким свистящим голосом.

Стоящий рядом Абу Нувас резко втягивает воздух.

Проклятье. Как не вовремя. Всё уже было готово, чтобы отомстить Дуни, чтобы соблазнить его.

Таваддуд встряхивает головой и подавляет разочарование. Какими бы ни были её планы, надо позаботиться о пациентке.

– Значит, тебе известно, что я умею? – понизив голос, продолжает она. – Я владею Тайными Именами, которые сотрут тебя в порошок. Если я их произнесу, они отыщут тебя и начнут пожирать. Ты этого хочешь?

– Махмуд, о чём она говорит? – неожиданно восклицает женщина. – Где я? Не позволяй ей меня обижать.

Акробат делает шаг вперёд, но Таваддуд поднимает руку.

– Не слушай её, это уловка. – Она смотрит в глаза пациентке: – Уходи, Ахмад. Пусть контур девушки отторгнет тебя. Убирайся в Город, и я не открою Кающимся, где твоё логово. Ну, что скажешь?

Женщина вырывается из рук акробата и вскакивает на ноги.

– Сука! Я сожру тебя!

Таваддуд произносит первые слоги Тридцать Седьмого Тайного Имени. Пациентка неуверенно замирает. Затем ложится на коврик у койки.

– Ты победила, – произносит она. – Я передам от тебя привет Аксолотлю. Говорят, у него новая подружка.

После этого женщина расслабляется, её глаза закрываются, и дыхание становится спокойным. Ещё несколько мгновений Таваддуд наблюдает за её мозгом, чтобы убедиться, что существо по имени Ахмад, проникшее в разум женщины через слова и атар, рассеялось бесследно. Опущенные веки пациентки начинают вздрагивать.

– Теперь она проспит день или два, – говорит Таваддуд Махмуду-акробату. – Окружи её знакомыми вещами. Когда она проснётся, всё будет хорошо.

Она отмахивается от горячей благодарности Махмуда. Ощущая одновременно усталость и торжество, Таваддуд оглядывается на Абу и кивает. *Видишь? Это ещё одна причина, по которой я прихожу сюда.* Она пытается отыскать на лице торговца гоголами малейшие признаки ужаса или отвращения, но видит лишь странный жадный блеск латунного глаза.

С наступлением ночи поток пациентов иссякает. Абу Нувас покупает у уличного торговца две шаурмы, и они с Таваддуд едят в палатке, сидя на надувном матрасе скрестив ноги. Снаружи шумит квартал Бану Сасан, непрерывно гремят поезда душ, вспыхивает и грохочет База, испускают холод пожираемые диким кодом здания Соборности.

– Знаете, я не так уж часто прихожу сюда, – произносит Абу. – А, наверное, стоило бы. Чтобы напоминать самому себе, как много здесь надо сделать. И как силён здесь дикий код.

– Если бы не дикий код, мы давно стали бы рабами Соборности.

Абу не отвечает.

Стараясь согреть руки, Таваддуд обхватывает пальцами горячий свёрток.

– Итак, что вы теперь думаете о рассказах, относящихся к девушке из семейства Гомелец? – спрашивает она.

Больше нет смысла притворяться.

– То, что похититель тел говорил о вас, правда? – интересуется Абу.

Таваддуд вздыхает.

– Да, истории верны. От моего первого мужа я убежала в Город Мёртвых. Там один из джиннов позаботился обо мне. И

мы стали близки.

– Джинн. Аксолотль?

– Некоторые так его называют. Но его настоящее имя Зайбак.

– Он действительно существует?

Таваддуд поначалу тоже сомневалась в этом: ожившая легенда – Отец похитителей тел, пришедший в Сирр сто лет назад и воплотившийся в половине города.

– Да. Однако не всё, что о нём говорят, соответствует истине. Он не собирался делать того, что сделал. – Она откладывает в сторону остатки еды. – Но если вам нужно объяснение для моего отца, *шлюха Аксолотля* ничуть не хуже других. – Таваддуд прикрывает глаза и сильно тянет себя за волосы. – В любом случае, спасибо за приятный вечер и за то, что показали мне город. Другой город. Это было чудесно.

Абу отворачивается и смотрит в сторону. Теперь, когда латунного глаза не видно, он внезапно кажется ей невероятно юным: при всём своём богатстве он, вероятно, моложе её.

– Не беспокойтесь, – произносит Таваддуд. – Я к этому привыкла.

– Дело не в этом, – отвечает Абу. – Есть причина, по которой я не прихожу сюда. – Он прикасается рукой к латунному глазу. – Вы просили рассказать мою историю. Всё ещё хотите послушать? – Он говорит бесстрастным тоном, прикрыв человеческий глаз.

Таваддуд кивает.

– Мои родители погибли в Крике Ярости. Некоторое время я оставался с женщиной Бану, которая позволяла мне спать в её палатке. Но как только она поняла, что я способен слышать Ауна, она продала меня сплетателю. Мне тогда было шесть лет. И сплетение происходило не так, как сейчас, с ведома Совета, оно было насильственным.

Меня поместили в резервуар с тёплой водой, куда не проникал ни один шорох. Зато в моей голове звучал голос, голос существа, когда-то бывшего человеком, голос джинна, вопившего от боли. Его звали Пачеко. Он поглотил меня. Или я поглотил его. Я не знаю, сколько времени занял этот процесс, но когда меня – нас – выпустили, я был тощим, словно палка. Я был слаб. Глаза болели. Но я видел атар, мог контактировать с атаром. Поначалу я просто бродил словно потерянный среди призрачных зданий Тени.

И ещё я мог слышать пустыню, слышать зов аль-Джанна и Небес и древних машин с другой стороны мира. Сплетатель был очень доволен. Он продал меня муталибунам. Вместе с ними я отправился в пустыню на поиски гоголов. – Абу улыбается. – К

счастью, у меня это получалось. Не поймите меня неправильно, всё было не так уж плохо. И самым удивительным из всего, что я видел, были рух-корабли – белые, изогнутые, словно древесная стружка, и такие же лёгкие. Рух-птицы легко несли их, и охотничьи джинны парили рядом с ними по небу, подобно ярким облакам. И ещё пустыня. Я не понимаю, почему её до сих пор называют пустыней, ведь там есть дороги и города, разные чудеса и стада машин фон Неймана, мрачные моря мёртвых, пески, которые прислушиваются к тебе и воплощают твои мечты…

Абу качает головой.

– Простите, я увлекся. Всё это не имеет значения. Я неполноценный мухтасиб, существо только наполовину человеческого рода. Поэтому я не способен любить как мужчина. Я хотел найти кого-то, кто мог бы понять и человека, и джинна. Я думал… – Он сильно сжимает виски ладонями.

– Дело не в этом, не только в этом, вы же понимаете… Я верю в то, что пытается сделать ваш отец. Мы не можем продолжать надеяться, что Соборность когда-нибудь оставит нас в покое и что сянь-ку разумнее других. Поэтому я собираюсь оказывать ему помощь вне зависимости от ваших чувств и желаний.

Таваддуд невольно сглатывает. *Всё должно было быть иначе.* В её груди сплетают кольца змеи вины и сожаления.

– Мне, наверное, пора уходить, – говорит Абу.

– Ш-ш-ш, – шепчет Таваддуд и целует его.

Холодный и твёрдый латунный глаз прижимается к её веку. У Абу сухие губы, а движения языка выдают неопытность. Таваддуд гладит его по щеке, щекочет шею. Он сидит неподвижно, словно статуя. Тогда она отстраняется, открывает сумку, достает бими и осторожно вплетает в волосы.

– Что ты делаешь? – спрашивает он.

– Всё не так, как обычно бывает, – со смехом отвечает она. – Если бы Кафур узнал об этом, он убил бы меня.

Таваддуд берётся за застёжку и распахивает одежду до самого живота, а потом кладёт руки Абу себе на грудь. Она шепчет Тайное Имя аль-Латифа[15] Милостивого, видит его мысленный образ, сосредотачивается на спиралях и витках, как её учили, и тотчас ощущает покалывание соединения в сети бими.

– Ты хотел добиться расположения женщины, возлежавшей и с мужчинами, и с джиннами, – шепчет она. – Ты мог убедиться, что сделка с Дворцом Сказаний Кафура обходится дешевле, чем с Кассаром Гомелецем.

– Я понимаю, что не должен был… – бормочет Абу.

Его рука, нежно и неуверенно обводящая контур её левого соска, немного дрожит. Предвкушение вызывает лёгкий озноб во

всём её теле.

– Но когда я слушал истории…

– Истории хороши для вечеров, но не для ночей, а сейчас уже ночь, – перебивает она, снова целует его, привлекает ближе и расстёгивает его одежду.

– Могу ли я что-нибудь сделать для тебя?..

– Ты можешь сказать моему отцу, что я гожусь не только для этого, – шепчет она ему на ухо. – Скажи, что я хочу служить ему, как служит моя сестра.

Бими негромко гудит у неё на висках. Его руки опускаются к её животу, ласкают спину.

В атаре латунный глаз Абу сверкает, словно звезда. Исходящее от него пламя вливается в неё раскалёнными языками, возбуждает и обжигает тело. Таваддуд, словно в зеркале, видит своё лицо: округлённые губы и зажмуренные глаза. А затем растворяется в сплетении Тени, плоти и пламени.

7
Вор и маршрутизатор

– Что ты собираешься делать, когда всё это закончится? – спрашиваю я у «Перхонен» по нейтринной связи.

С нашей орбиты вокруг Антиопы маршрутизатор зоку выглядел парящим в космосе деревом с зеркальными листьями, диаметром около двух километров. Но внутри него царит настоящее эшеровское безумие. Узлы обработки представляют собой светящиеся голубые сфероиды размерами от воздушного шара до пылинки, и все они вращаются и двигаются, перемещаясь по взаимосвязанным спиралям. Многоугольные зеркала, отражаясь друг в друге, образуют бесконечные коридоры. Но моего отражения там нет, словно я вампир.

Я собираюсь подыскать работу, не связанную с вторжением в гигантские машины, полные лесбийского драконьего секса, отвечает корабль. Белая бабочка-аватар «Перхонен» вьётся вокруг моей головы. Я дую на неё, чтобы прогнать из поля зрения: идёт процесс взлома очередного узла обработки, похожего на гигантскую амёбу размером с мою голову. Это подрагивающий прозрачный пузырь с иррегулярной кристаллической структурой внутри. Бóльшая часть техники зоку ещё работает, и этот узел тоже: он с ненасытной жадностью поглощает квантовые состояния из проходящего сквозь маршрутизатор фотонного потока и преобразует их в сложные органические молекулы. Я намерен немного покормить его.

– Ты несправедлива. В своих царствах зоку могут делать всё, что им вздумается. Ну а насчёт другой работы, согласись, преступление – это единственный способ придать смысл нашему существованию. Кроме того, ты же настоящий самородок.

Ионные двигатели скафандра мягкими толчками приближают меня к узлу. Мне не следует торопиться: здесь достаточно много энергетических зон, где незащищённый человек может изжариться в одно мгновение. Благодаря метаматериалам скафандра непрерывный фотонный поток огибает меня. Я невидим и недостижим, призрак внутри машины, до тех пор пока выдерживает костюм.

По моей команде скафандр выбрасывает невидимые щупальца, которые обхватывают узел. Гоголы-математики «Перхонен», оставшиеся далеко позади, усердно работают, чтобы внедрить в память устройства крохотный фрагмент квантовой программы, позволяющей нам отслеживать поток информации.

Нам необходимо отыскать промежутки, определить период затишья, чтобы воспользоваться квантовым мозгом маршрутизатора в своих целях…

Происходит информационный выброс. Даже сквозь щиток шлема узел кажется ослепительным, раскалённым солнцем. Гоголы-процессоры скафандра, специально настроенные разумы, буквально вопят. Внезапный жар обрушивается на мои руки, лицо и грудь. *Только не это.* В глаза впиваются горячие иглы, и в следующее мгновение я вижу только белый шум помех. Сопротивляясь желанию свернуться в клубок, я через нейронный интерфейс отдаю приказ двигателям скафандра и запускаю их.

Толчок выбрасывает меня из эпицентра информационной бури, и окружающий мир погружается в благословенную темноту: скафандр возвращается в рабочий режим. Я снова запускаю двигатели, но они глохнут, оставляя меня вращаться вокруг своей оси.

… *слишком быстро!* кричит мне в ухо «Перхонен» по нейтринной связи.

Бабочка-аватар отчаянно бьёт крылышками в моём шлеме, выражая тревогу корабля.

– Я бы двигался ещё *быстрее,* если бы кто-нибудь уточнил график информационного потока! – кричу я в ответ.

Я вытягиваю вперёд руки, стараясь замедлить вращение, и молюсь, чтобы не столкнуться с узлом обработки. Стоит только усилить возмущения внутри маршрутизатора, и он вызовет сисадминов зоку. Хотя, если я не открою Ларец в течение нескольких часов, плевать я хотел на разозлённых компьютерщиков зоку.

Держись. Он успокаивается.

Моё тело вновь начинает процесс исцеления. Это выражается в лёгком головокружении и покалывании, словно по мне шныряют муравьи с ногами-иголками. Я и так ещё не до конца восстановился: рука отросла не полностью, а после жёсткого облучения синтбиотические клетки тела поражены мутациями и аналогом ракового заболевания. Хорошо хоть Миели предоставляет мне достаточный контроль, чтобы полностью подавлять боль. Единственной проблемой остаётся некоторое оцепенение, а в такой работе, как эта, оно недопустимо.

Защитный костюм с шипением избавляется от излишнего тепла. Жалобы гоголов в моей голове затихают до невнятного ропота, и системы скафандра сигнализируют о полной исправности. Я слизываю пот с верхней губы и втягиваю воздух, крепко стискивая в руке Ларец. Для того чтобы открыть такую маленькую вещицу, должен быть более лёгкий способ.

– Кстати, я в полном порядке. Спасибо, что поинтересовалась, – бормочу я.

А не хочешь ли ты построить имитационную модель квантовой системы с тремя миллионами неизвестных параметров? Нет? Тогда заткнись и предоставь мне и моим гоголам выполнять свою работу.

Я не могу винить «Перхонен» за недовольство. Её гордость и отраду, крылья, напоминающие северное сияние, мы превратили в жёсткую решётку квантовой логики, создав некое подобие процессора. А это означает, что при серьёзных затруднениях бегство окажется крайне проблематичным.

И ещё Миели.

– Хотелось бы обратить твоё внимание на то, что здесь нахожусь один я, – раздражённым тоном говорю я.

Хотелось бы обратить твоё внимание на то, что мы это ценим, отвечает «Перхонен». *Ты всё ещё рассчитываешь, что бог из твоего ящика встретит тебя с распростёртыми объятиями и поможет нам?*

– Не беспокойся, я имел с ним дело в прошлом. И я знаю, каково это – торчать в замкнутом пространстве. Чтобы выбраться оттуда, согласишься на что угодно. Даже заключишь сделку с хитроумными кораблями и оортианскими воинами.

Ловлю тебя на слове. В любом случае, поток понемногу ослабевает.

– Сколько ещё ждать?

Спаймскейп скафандра наконец-то снова работает и демонстрирует мне воссозданную картину внутренностей маршрутизатора. За способность оставаться невидимкой приходится платить слепотой, а это сильно мешает, если требуется проникнуть в огромную машину, которая постоянно создаёт или уничтожает какие-то компоненты. К счастью, сейчас я нахожусь в относительно стабильном наружном слое, в стороне от тяжёлых функциональных центров.

О, не больше часа или около того. Надеюсь, ты не успеешь соскучиться.

– Превосходно.

Я ёрзаю в своём скафандре. Мой импровизированный костюм не совсем удобен: это всего лишь кусок интеллектуальной материи, загруженный специальными гоголами и дополненный кое-каким оборудованием вроде двигателей. По ощущениям работать в нём – всё равно что в одежде из мокрой глины, а я не снимаю его уже два дня. Нейронный интерфейс довольно примитивен, и в моей голове ни на миг не утихает бормотание гоголов. Перспектива провести в этом скафандре ещё час, плавая

в наружных слоях маршрутизатора и подвергаясь ежесекундной угрозе очередного информационного выброса, меня ничуть не радует. Тем более что братья-близнецы микроскопического копа могут в любой момент оказаться поблизости.

Ну а ты? неожиданно спрашивает корабль.

– Ты о чём?

Чем ты будешь заниматься, когда всё это закончится?

Честно говоря, я довольно плохо помню, что такое настоящая свобода и каким я был прежде. Мне вспоминается жизнь под разными обличьями в *губерниях,* невесомые коралловые рифы на мирах-поясах, бесконечные вечеринки в городе Супра, танцы над кольцами Сатурна. Поиски сокровищ и их похищение. Жизнь Жана ле Фламбера. Неожиданно я испытываю острое желание вернуть всё это.

– Я собираюсь взять отпуск, – говорю я. – А как ты думаешь, чем займётся Миели?

Корабль молчит. Я никогда не спрашивал «Перхонен» о Миели, и мне совсем не хочется обсуждать её недавнее желание умереть. Хотя я уверен, что кораблю известна его причина.

Что касается её, отвечает «Перхонен», *я не уверена, что это когда-нибудь закончится.*

– Почему же?

Ещё одна долгая пауза.

Потому что она ищет то, чего никогда не существовало.

А потом, ожидая, пока информационный шторм в маршрутизаторе утихнет, корабль рассказывает мне о том, чего Миели лишилась на Венере.

Миели радуется тишине в центральной каюте. После того как «Перхонен» навела порядок, здесь совершенно пусто и голо, одни лишь сапфировые стены с белыми полосами не до конца залеченных трещин. Спасать оортианские сувениры времени не было. Но Миели всё равно, ведь песни остались.

Заново сфабрикованные бабочки-аватары отдыхают на изогнутых поверхностях, напоминая белые цветы. Внимание корабля полностью сосредоточено на цели – огромном свадебном букете из стекла в нескольких километрах отсюда, напротив похожей на гигантскую картофелину Антиопы. Вор, по всей видимости, справился с узлом обработки. Следующий шаг за Миели. Она достаёт из кармана полученный от ле Фламбера камень.

Первый камень зоку Миели увидела в кото Хильяйнен[16], когда ей было шесть лет. Солнечный кузнец с Юпитера подарил мёртвый камень её сестре по кото Варпу в качестве игрушки. Все

дети собрались на него посмотреть, а Варпу от гордости расправила свои крылья. В том камне не было ничего особенного: безделушка тусклого янтарного цвета, размером с мизинец, с ребристой поверхностью. Камешек производил удручающее впечатление, но когда дети трогали его, им представлялось, что они прикасаются к внешнему миру, чуть ли не к солнцу.

Когда очередь дошла до Миели, камень прилип к её ладони, словно голодный интеллектуальный коралл. В то же мгновение в её голове послышался голос, не похожий ни на одну из ранее слышанных песен, голос, полный страстной тоски и желания, и такой сильный, что она испугалась. Голос убеждал, что она особенная, что она заодно с камнем, и стоит ей только захотеть, как они навеки составят единое целое…

Миели расправила крылья, подлетела к ближайшей трещине и, не обращая внимания на протесты Варпу, выбросила камень в темноту. После этого Варпу не разговаривала с ней несколько дней.

Но камень, парящий перед ней сейчас, живой, он излучает тусклый свет сцеплённости. Это простой голубоватый овал, меньше её ладони, гладкий и прохладный и источающий слабый аромат цветов.

Миели прикасается к нему, и по всему телу распространяется лёгкое покалывание, концентрирующееся в животе, словно приглашая к воссоединению. Как и многие другие камни низшей инфраструктуры, он не был закреплён за определённым владельцем, и именно поэтому вор украл его у марсианских зоку. Но содержащиеся внутри квантовые состояния уникальны: исходя из теоремы о запрете клонирования, их невозможно скопировать.

В отличие от меня.

Миели поспешно прогоняет эту мысль и принимает приглашение камня. В голове возникает странное ощущение, как будто на мозг легла мягкая прохладная рука.

Теперь она формальный член сообщества зоку, часть коллективного разума, связанного в единое целое квантовой сцепленностью. Конкретно это сообщество весьма обширно, но разрозненно, и занимается поддержанием и улучшением общей коммуникационной инфраструктуры, охватывающей всю Систему. Миели стоит лишь выразить желание, и интуитивные механизмы зоку вплетут его в ткань зоку – оно будет выполнено, при условии доступности ресурсов и оптимальным для всех членов коллектива способом.

Но всё имеет свою цену: в ответ зоку могут потребовать что-либо от неё, и она об этом даже не узнает. Неожиданно вспыхнет идея, которая полностью завладеет её разумом. Или возникнет

непреодолимое желание очутиться в каком-то определённом месте, где она встретит незнакомца, которому окажет помощь в решении его проблем.

Вор в маршрутизаторе продолжает попытки открыть Ларец. Миели делает глубокий вдох и приступает к осуществлению плана.

Метамозг передаёт её желание камню: это сложная мысль, сформулированная при помощи вора и «Перхонен», запрос на создание специфического квантового алгоритма. Камень жадно впитывает её требование. Модифицированные крылья «Перхонен» имитируют коммуникационный протокол зоку и передают сигнал маршрутизатору. Свадебный букет начинает менять форму, словно оригами, разворачиваемое невидимыми руками.

Как я и ожидал, Миели превосходно справляется со своей частью плана. Вероятнее всего, она полностью доверилась метамозгу, хотя и ненавидит это делать: внедрённый в её голову Соборностью, он подавляет все мысли и ощущения, не относящиеся к непосредственной цели. Мне хотелось бы поблагодарить её, но зеркальный кошмар вокруг меня уже оживает. Время играет огромную роль – каждую секунду можно ожидать очередного информационного выброса, а до тех пор мы должны выжать из маршрутизатора всё, что удастся. «Перхонен» передаёт инструкции, пользуясь связью, установившейся между Миели и устройством зоку.

Тебе пора двигаться, говорит корабль. *Вот последние данные об интенсивности информационного потока.*

Спаймскейп скафандра вспыхивает трёхмерной разноцветной схемой, напоминающей скан мозга. Яркие замысловатые контуры пульсируют и меняются у меня на глазах. Я перевожу взгляд на бабочку-аватар, оставшуюся в шлеме. На фоне пёстрого безумия она кажется успокаивающе нормальной. Сжав зубы, я передаю карту управляющим гоголам и включаю ионные двигатели.

Я ощущаю себя так, словно плыву в невидимых струях пламени. Где-то в подсознании неслышно тикают часы. Несколько секунд бросающего в пот маневрирования, и я добираюсь до Врат Царства.

Они находятся там, где мы и предполагали: в большой полости недалеко от центра маршрутизатора, рядом с источником энергии, в относительно спокойной зоне, как в эпицентре бури. В спаймскейпе я вижу нагромождение кубов, испускающих слабое фиолетовое сияние: около двух метров в каждом измерении. Врата Царства – универсальная зона сопряжения физического и виртуального миров. Они переводят

тебя на язык Царства, когда ты входишь, и обратно, в физическое состояние, при выходе. Пикотехнические реассемблеры считывают квантовую информацию любого существа, конвертируют её в кубиты и телепортируют в игровые миры, полные волшебства и драконов.

Или, в нашем случае, сердитых могущественных богов.

– Подходящее местечко, – шепчу я «Перхонен». План снова вспыхивает у меня голове, и все детали становятся неожиданно чёткими. – Как справляется Миели?

Всё готово.

Я соединяю рукавицы скафандра, чтобы обеспечить свободу движений, и правой рукой поднимаю вверх Ларец, левая всё ещё остаётся куском регенерирующей плоти. Затем отключаю часть ку-поля скафандра, отпускаю Ларец, оставив только сенсорную связь, что создаёт ощущение, будто я всё ещё держу его, и направляю ближе к Вратам.

До предполагаемого снижения информационного потока остаётся сорок секунд, сообщает «Перхонен».

Маршрутизатор выстраивает вокруг Ларца сложную систему. Как утверждают гоголы, она запустит определённый алгоритм, благодаря которому коты останутся живы. При использовании импровизированных квантовых вентилей на крыльях «Перхонен» этот процесс мог бы занять не одну тысячу лет. Потом в поле зрения вспыхивает абстрактное облако разноцветных слов на языке зоку, и сразу же следует перевод помощников-гоголов «Перхонен».

Ты прав, говорит «Перхонен». *Внутри находится Царство. Теперь оно в памяти маршрутизатора. Вероятно, ты сможешь в него попасть.*

Под моими пальцами поскрипывает воображаемое дерево. Или это просто фантомная боль в отсутствующей руке.

– Знаешь, – отзываюсь я, – если что-то пойдёт не так, хочу, чтобы ты знала: мне было приятно с тобой познакомиться.

Мне тоже.

– И прости меня.

Простить? За что?

– За то, что сейчас произойдёт.

Я запускаю ионные двигатели и приближаюсь к Вратам Царства.

Камень сжимает мозг Миели железной хваткой. Внезапно в её голове рождается песня. Она пробуждает те участки мозга, которыми Миели не пользовалась уже два десятилетия, участки, которые заставляют материю изменяться. Непрошеные слова

слетают с губ.

На них откликаются *вяки*[17] в оболочке «Перхонен». Песня почти так же сложна, как и та, что Миели пела в своём кото одиннадцать ночей без перерыва, создавая корабль. Но сейчас это резкая, мёртвая песня, полная холодной отстранённости и кодов, песня вора. Миели пытается остановиться, зажимает рот руками, прикусывает язык, но тело отказывается ей повиноваться. Охрипшим от негодования голосом она буквально выплёвывает всё, до последнего слова.

Изменения, вызванные песней, незначительны, но Миели ощущает, как они полностью охватывают корабль, проникая прямо в сердце и простираясь по всей паутинообразной структуре, по всем модулям до самых крыльев.

Миели! Что-то не так!.. кричит корабль.

Проклиная вора, Миели отдаёт мысленный приказ, возобновляющий ограничения.

Жан, о чём это ты толкуешь?

Бабочка в моём шлеме возбуждённо бьет крыльями.

У меня немеют конечности. Миели воспользовалась удалённым контролем над принадлежащим Соборности телом. Но законами Ньютона она управлять не в состоянии – я продолжаю двигаться к Вратам.

Вот они передо мной, чёрные, как грозовая туча. Сверкает вспышка. А потом я оказываюсь одновременно живым и мёртвым.

– «Перхонен»? – шепчет Миели.

Бабочки-аватары «Перхонен» взлетают со своих мест и взвиваются вихрем, составляя аттрактор Лоренца. Затем мелькающая белая масса уплотняется и образует лицо.

– «Перхонен» здесь больше нет, – шелестят крылья.

8
Таваддуд и Сумангуру [18]

База Соборности настолько велика, что в ней сохраняется собственный климат. Мелкий дождь внутри башни не столько падает, сколько висит в воздухе. Капли непрестанно двигаются, образуя странные фигуры, и Таваддуд всё время кажется, что на границе поля зрения кто-то прячется.

Она поднимает голову и тотчас жалеет об этом. Вглядываться сквозь дождевую завесу всё равно что смотреть вниз с вершины Осколка Гомелеца. Её взгляд скользит по вертикальным линиям вплоть до слабо светящегося янтарём гигантского купола на высоте не менее километра. Купол выполнен из прозрачных волнистых панелей, поддерживаемых изогнутыми рёбрами несущего каркаса и сходящихся в центре наподобие циркового шатра. Под самым сводом парят какие-то предметы, напоминающие воздушные шары. Поначалу их очертания кажутся Таваддуд беспорядочными, но затем то тут, то там проступают линии щеки, подбородка, бровей. Это лица, сотканные из воздуха и света, и они смотрят на неё пустыми глазницами…

Что я здесь делаю?

Джинны тоскуют по телам, это ей понятно. Но База является телом Соборности, разумной материей, плотью истинно бессмертных. Здесь повсюду гоголы – большие и маленькие, даже в дожде, в мельчайших пылинках, вокруг которых формируются капли.

Таваддуд вдыхает их, липких и маслянистых, с лёгким сладковатым запахом ладана. Капли оседают на её одежде и коже, оставляют пятна на шёлке. Влажная ткань сминается на талии. Крошечные божества портят тщательно уложенную причёску и стекают по шее.

Таваддуд – дипломат. *Что я скажу спустившемуся с небес богу, когда он появится?* В голове мелькают второпях полученные сведения о Соборности и её посланнике. «Простите, но ваши братья пролились на меня дождём».

Я считала себя такой умной. Может, Дуни права. Может, я гожусь только на то, чтобы ублажать джиннов?

Сестра вырвала её из тяжёлого, тягучего сна, влетев в спальню в четыре часа утра. Дуньязада даже не взглянула на Таваддуд, а просто прошла к окну в форме замочной скважины, выходящему на крыши с отцовскими садами, распахнула

портьеры и впустила утренний свет. Её плечи едва заметно вздрагивали, но голос оставался бесстрастным.

– Вставай. Отец желает, чтобы ты сопровождала посланника Соборности, который будет расследовать смерть Алайль. Нам надо ввести тебя в курс дела и подготовить.

Таваддуд потёрла глаза. Абу вызвал ковёр, чтобы доставить её домой, – как выяснилось, у него действительно имелись джинны-телохранители, – и она сразу же рухнула в постель. От неё пахло по́том и Бану Сасан, а кожа ещё хранила отголоски тёплых прикосновений Абу, поэтому Таваддуд улыбнулась даже Дуни.

– И тебе доброе утро, сестрица.

Дуни не обернулась. Она продолжала стоять, прижав к бокам сжатые кулаки.

– Таваддуд, – медленно произнесла она. – Это не игра. Это совсем не то что улизнуть от Херимона, чтобы заигрывать с мальчишками-кабельщиками. И не то что ублажать похотливых джиннов, которые не могут смириться с утратой человеческой плоти. Дело очень важное. Оно касается судьбы Сирра. Ты себе представить не можешь, к чему тебе предстоит прикоснуться и что предстоит сделать. О чём бы ты ни договорилась с господином Нувасом, я умоляю тебя на время забыть о нём. Если не желаешь выходить за него замуж, пусть будет так. Мы найдём кого-нибудь другого. Если хочешь заняться политикой, мы что-нибудь придумаем. Но лучше не делай этого. Заклинаю тебя именем нашей матери.

Таваддуд поднялась и завернулась в простыню.

– Ты не думаешь, что мама именно этого и хотела бы? – негромко спросила она.

Дуньязада повернула голову и посмотрела на сестру, словно пронзая её острыми льдинками, но не произнесла ни слова. В утреннем свете она была очень похожа на мать.

– Ты не допускаешь мысли, что я справлюсь, Дуни? «Скучнейшее занятие» – ты ведь так отозвалась об этой работе? Меня учили всему, чему учили тебя, и ещё многому другому. Но откуда тебе знать? Ты приходила ко мне, только если тебе было что-то нужно. – Таваддуд позволила себе слегка улыбнуться. – Кроме того, похоже, отец принял решение.

Губы Дуньязады вытянулись в тонкую линию, и она крепко сжала свой кувшин карина.

– Очень хорошо, – сказала она. – Но учти, ошибки недопустимы. И ты не сможешь убежать, если что-то пойдёт не так. Ты ведь так поступаешь, когда сталкиваешься с трудностями, верно?

– Я знаю, что ты всегда поддержишь меня, сестрица, – ответила Таваддуд. И чуть тише добавила: – Думаю, это будет забавно.

Больше не сказав ни слова, Дуньязада увела её в одно из административных зданий мухтасибов на вершине Голубого Осколка. По длинной винтовой лестнице они поднялись в аскетически строгую комнату со стенами из белого камня, низкими диванами и атар-экранами, где молодой человек в оранжевой одежде, с сухими губами и бритой головой – политический астроном, как назвала его Дуньязада, – рассказал Таваддуд всё, что ей следовало знать о Соборности.

– Мы уверены, что структура власти Соборности нестабильна и разобщена, – заявил он, пристально разглядывая её. – Интерферометрия гравитационных волн показывает, что *губернии* переживают периоды конфликтов и консолидации. – Молодой человек продемонстрировал Таваддуд похожие на глазные яблоки тепловые схемы алмазных разумов Внутренней Системы, по размерам сравнимые с планетами. – И конечно, нам известно о сянь-ку. Но в настоящий момент доминирующей силой являются чены. И именно ради ченов так стараются сянь-ку.

– Значит, они посылают Чена? – спросила Таваддуд.

– Вряд ли. Скорее всего, они пришлют Сумангуру – или нескольких, это может быть тело-транспорт. Это воины и отчасти приставы. Что-то вроде полицейских. Как наши Кающиеся. – Молодой человек говорил энергично, почти не делая пауз. – Я должен признаться, что завидую вам. Общаться с Основателем из Глубокого Прошлого. Получить ответы на самые главные вопросы или хотя бы намёки: узнать про Крик Ярости и про то, почему Основатели так уязвимы перед диким кодом, почему они позволяют существовать нашему городу, зачем строят Ковш, почему до сих пор не перезагрузили Землю…

Глаза юноши сверкали почти религиозным восторгом, а у Таваддуд по коже побежали мурашки, и, когда сестра прервала астронома, она даже обрадовалась.

– Всё это сейчас не имеет значения, – сказала Дуни. – Кто бы к нам ни прибыл, вы начнете с Алайль. Ты передашь посланнику временные Печати и проводишь его во дворец Советницы. Вас будут ждать. Все Кающиеся там из Дома Соарец, они сочувствуют нашему делу, как и наследник Советницы, Салих. Пусть посланник проводит какие угодно расследования – я сомневаюсь, что он сумеет добиться бóльших успехов, чем Кающиеся. Но будь осторожна: мы пока не хотим беспокоить остальных Советников известием о прибытии нашего гостя. – Она снова повернулась к

молодому человеку: – Что нам известно о Сумангуру?

– Ну… наши сянь-ку их побаиваются. – На атар-экранах появились изображения темнокожего мужчины с выбритой головой и шрамами на лице. – Если то, что нам известно об оригинале, близко к истине, то на это есть серьёзные причины. Он избежал обработки в загрузочном лагере в возрасте одиннадцати лет. Сделался лидером фёдоровского[19] движения в Центральной Африке и единолично справился там с торговлей гоголами. – Юноша облизнул сухие губы. – Всё это, конечно, произошло до того, как он стал богом.

Дуньязада бросила на Таваддуд мрачный взгляд:

– Похоже, вы должны неплохо поладить.

Теперь она жалеет, что насмехалась над Дуни. *А сестра этого не забудет.* Таваддуд пришлось выслушать рассуждения об альянсах между сянь-ку и василевами и инструкции о том, как следует обращаться с кольцом джинна Кающихся, которое молодой астроном дал ей для защиты. Она получила Тайные Имена на случай крайней необходимости и Печать для посланника. В стенах Базы всё это кажется ей абсурдом, бессмысленной вознёй муравьев, пытающихся постичь замыслы богов. От усталости и тревоги начинается головная боль.

На платформу, где стоит Таваддуд, обрушивается поток света, несущий группу из двадцати человек – недавно загруженные гоголы в чёрной форме Соборности. Их бритые головы блестят от дождя, и бедняги вздрагивают от каждого порыва мыслевихря, от каждой вспышки сканирующих лучей. Их опекает Василев – невероятно привлекательный молодой блондин быстро переходит от одного к другому, похлопывает по плечу, что-то нашёптывает на ухо.

Все они пристально смотрят на целеуказатели для сканирующих лучей – простые металлические круги на полу, и только один худощавый юнец украдкой бросает на Таваддуд голодный и виноватый взгляд. Юноше наверняка не больше шестнадцати, но из-за впалых висков и сероватого оттенка кожи он выглядит старше. Его посиневшие губы сжаты в тонкую линию.

Зачем ты пришёл в храм, где проповедовали идеи Фёдорова, Великой Всеобщей Цели и бессмертия? размышляет Таваддуд. *Возможно, тебе сказали, что ты особенный, не тронутый диким кодом. Тебя научили особым упражнениям, чтобы подготовить мозг. Тебе говорили, что любят тебя. Что ты никогда больше не останешься в одиночестве. А теперь тебя мучают сомнения. Тебе холодно под дождём. Ты не знаешь, откуда грянет гром, грозящий тебя уничтожить.* Таваддуд улыбается ему. *Ты смелее, чем была*

я, говорит её улыбка. *Всё будет хорошо.*

Юноша распрямляет спину, делает глубокий вдох и после этого смотрит прямо перед собой, как и все остальные.

Таваддуд вздыхает. По крайней мере, она всё ещё способна говорить ложь, которая нужна мужчинам. Возможно, посланник не слишком отличается от всех остальных.

Воздух начинает гудеть, словно натянутая на барабан кожа. Эфирные создания под куполом приходят в движение и постепенно сворачиваются в воронку. Сверху раскалённым пальцем огненного бога опускается тонкий луч. Таваддуд ощущает на лице жар, словно из печки. Луч мечется взад и вперёд, как будто что-то пишет в воздухе. Она крепко зажмуривается, но свет проникает сквозь веки, становясь красным. Затем всё заканчивается, но перед глазами остаются блики. Когда зрение полностью восстанавливается, Таваддуд видит стоящего на платформе человека с лицом одного из богов Соборности.

Таваддуд кланяется. Мужчина резко поворачивает голову, и взгляд его бледно-голубых глаз с крошечными точками зрачков ощущается как удар хлыста. Его кожа даже темнее, чем у Таваддуд, и только шрамы, пересекающие нос и скулу, выделяются пурпурными штрихами.

– Господин Сумангуру Бирюзовой Ветви, – обращается к нему Таваддуд, – позвольте мне от имени Совета мухтасибов приветствовать вас в городе Сирр. Я, Таваддуд из Дома Гомелец, избрана быть вашим провожатым.

Она произносит слова Печати и воспроизводит ритуальные жесты мухтасибов. В атаре её пальцы чертят в воздухе бледно-золотые буквы. Они целым роем кружатся вокруг эмиссара Соборности, льнут к его коже, и на мгновение всё его тело покрывается огненной татуировкой, которая складывается в уникальное имя, соответствующее Печати и известное только мухтасибам. Затем буквы бледнеют и исчезают, но в атаре видно, что Сумангуру окружён неярким золотистым ореолом.

Гость вздрагивает и смотрит на свои руки. Его широкая грудь тяжело вздымается под безликой чёрной формой Соборности, которая на его теле кажется нарисованной.

– Я предоставила вам одну из наших Печатей. Она защитит вас от дикого кода на семь дней и ночей, – поясняет Таваддуд. – Надеюсь, этого будет достаточно для расследования.

Кроме того, голосование по модификации Аккорда состоится уже через два дня.

Ноздри Сумангуру раздуваются.

– Благодарю вас, – отвечает он. – Но в провожатом нет необходимости. – Он говорит медленно и гулко и при этом причмокивает, словно пробует каждое слово на вкус. – Я полностью проинструктирован и способен выполнить задание самостоятельно. Если понадобится, я свяжусь напрямую с Советом.

У Таваддуд начинает пощипывать шею. Новобранцы и Василев замерли на платформе и смотрят на Сумангуру с подобострастным ужасом.

– Вероятно, здесь какое-то недоразумение. Совет считает, что…

– Конечно, недоразумение. Я больше не хочу вас задерживать.

Сумангуру делает шаг вперёд. Он возвышается над Таваддуд на две головы. Подобно самой Базе, он создан по другим меркам. Его кожа такая же тёмная, как пол, и капли дождя как будто совсем не задерживаются на ней. У Таваддуд громко бьётся сердце.

– Но город может показаться вам странным, – говорит она. – Кроме того, вы не знакомы со многими обычаями…

– У вас возникла проблема. Скажите своим хозяевам, что я её решу. Разве этого недостаточно?

Он так резко отталкивает Таваддуд в сторону, что той кажется, будто её ударили. Под левой ключицей вспыхивает жгучая боль, и от толчка девушка теряет равновесие и падает. Из глаз сыплются искры.

Таваддуд – дипломат. Глупая девчонка.

Она трясёт головой, стараясь разогнать туман. В неловкости движений Сумангуру ей чудится что-то знакомое. Внезапная догадка едва не заставляет её улыбнуться.

Сумангуру бесстрастно смотрит на неё сверху вниз, а затем намеревается уйти, но взгляд Таваддуд его удерживает.

– Это странно, не правда ли? – спрашивает она.

– Что?

Он едва заметно разворачивается к ней.

– Джинны рассказывают, что становятся другими, когда получают тело. По их словам, вскоре после этого возникает страстное желание. Вам, должно быть, непривычно ощущать тело после долгого перерыва. Как будто вылили в другую форму. – Таваддуд пытается подняться. – Сянь-ку говорили мне, что повторное обретение плоти – это редкая привилегия для вашего народа.

– Сянь-ку много чего говорят, – отвечает Сумангуру. Его губы по-прежнему упрямо сжаты, но в глазах Таваддуд замечает нечто новое. Внимание. Любопытство. – Плоть – это враг.

Он медленно протягивает руку и помогает ей подняться. Пожатие чересчур крепкое, но рука у Сумангуру тёплая.

– А вы изучили своего врага? – Таваддуд морщится от боли в груди и скрипит зубами. – Я изучила.

Она намеренно допускает нотки страдания в голосе.

Сумангуру хмурится.

– Вам… больно?

«Говори на их языке, – учил её Кафур. – И рассказывай красивые сказки».

Таваддуд изо всех сил бьёт его по лицу, по изуродованной шрамом щеке. Ощущение такое, словно она ударила статую, и она с трудом удерживает крик от обжигающей боли в руке. Сумангуру вздрагивает, делает шаг назад и растерянно поднимает руку к лицу.

– Уже нет, – отвечает Таваддуд, сжимая ноющие пальцы. – Мне неизвестно, откуда вы пришли, Сумангуру Бирюзовой Ветви, – негромко произносит она, – но вы не знаете плоть так, как знаю её я, и не знаете историй, которые она рассказывает. А Сирр – это город историй, облечённых в плоть. Сможете ли вы их услышать? Учили ли вас этому в *губерни?*

Сумангуру слегка наклоняется и всматривается в её лицо, словно ищет в глазах своё отражение. Таваддуд отводит взгляд, заинтересовавшись ложбинками его шрамов, необъяснимо красивых на фоне идеально гладкой кожи. Она чувствует его тепло. Запах его дыхания навевает воспоминания о механизмах, двигателях и оружии. Молодой человек в оранжевом говорил, что в Сирре сверхчеловеческие тела Соборности тоже беззащитны перед диким кодом, но Таваддуд сомневается в истинности его слов.

Уголок губ Сумангуру вздрагивает.

– Покажите мне врагов Соборности, и я уничтожу их, – медленно произносит он, и голос рокочет в его груди. – Неважно, из плоти они или нет.

– В таком случае вам лучше пойти со мной.

Таваддуд направляется к выходу с платформы. В первое мгновение она не представляет, куда идти, но затем под её ногами появляется тропа из света, которая выводит их наружу. Ветер треплет её влажные волосы, и Таваддуд с трудом подавляет желание обернуться. За её спиной снова опускается сканирующий луч и забирает с собой испуганного мальчика.

9
Вор и тигр

Разрыв реальности. Другой мир бьёт меня в лицо, а неожиданная сила тяжести бросает на колени. Холодный воздух наполняет лёгкие. Пахнет влажной землёй и дымом.

Я стою в центре поляны посреди белого леса. Вокруг прямые деревья со светлой корой, как у берёзы, и невероятно симметричными кронами, напоминающими корону или поднятые в молитве руки. В ветвях, трепеща крыльями, мелькают тёмные лохматые существа. Небо серое. Землю покрывает толстый слой белых частиц, слишком твёрдых, чтобы быть снегом. Врата Царства остались позади меня – тонкий безупречный полукруг. *Отлично. По крайней мере, я знаю, где выход.*

Я поднимаюсь и тотчас морщусь от неожиданной боли в босых ступнях. Белое вещество на ощупь оказывается острым, как битое стекло. Я бормочу ругательства и выковыриваю несколько странных штуковин из ноги. Они похожи на мелкие шестерёнки с острыми зубцами, как будто кто-то выпотрошил множество часов.

Боль напоминает мне о том, что я тоже изменился. Царства зоку не просто переносят в другую реальность, они *преобразуют* тебя, превращают в элемент конструкции, наиболее соответствующий условиям виртуального мира. Я в том же костюме, что и на корабле – в широких брюках и пиджаке, – но босой и без малейших признаков сверхчеловеческих свойств предоставленного Соборностью тела. По крайней мере, левая рука снова на месте, хотя в таком холоде она понемногу синеет и немеет.

Украденный мною из Царства меч тоже преобразовался, как и должно было произойти. Он изготовлен марсианскими зоку, которые специализируются на ограблении затерянных Царств, и адаптируется к любым условиям, в которые попадает. Я дую на руки, растираю их, а потом достаю меч из ножен.

Теперь его клинок из белой кости и изогнут, словно коготь. Железная рукоять кажется тяжёлой и неудобной, а замысловатые украшения на ней неприятно колются. Я поднимаю меч и слышу резкий шёпот, словно скрип мела по школьной доске. «Малое Царство. Архетипические объекты и аватары. Генерирующий контент. Повреждено. Гибнет».

Всё понятно. Мои неуклюжие попытки вскрыть Ларец привели к разрушению инфраструктуры. Интересно, что здесь было до этого? Наверное, какие-то сказочные леса.

Неожиданно я понимаю, что бабочка-аватар «Перхонен» пропала, хотя и должна была пройти через Врата вместе со мной. *Проклятье.* Я оглядываюсь по сторонам и между деревьями, в чёрно-белых тенях, улавливаю какое-то движение. Я инстинктивно поднимаю меч, но никого не вижу.

– «Перхонен»? – кричу я.

Ответа нет. Но у края поляны в колючем снегу видны следы, уходящие в лес.

Медленно, морщась от боли, я иду по этим следам.

– Так кто же ты? – шепчет облако бабочек на ухо Миели. – Ты не похожа на его творение. Слишком проста. Слишком примитивна. На кого ты работаешь?

– На себя, – отвечает она и переключается в спаймскейп.

В мозгу корабля, созданном из оортианского интеллектуального коралла, появилось новое виртуальное образование, от которого распространяется паутина команд, охватывая все системы Соборности, имеющиеся на борту. Между кораблём и маршрутизатором установился плотный канал, по которому в обоих направлениях перекачивается информация…

Миели возвращается в своё тело и тянется к камню зоку. Ку-сфера тотчас обволакивает его и отодвигает от её руки.

Лицо из бабочек ухмыляется, но усмешка напоминает не человеческую гримасу, а оскал клыкастой пасти хищника.

– Ты не умеешь врать, – говорит существо.

Миели? В голове раздается шёпот «Перхонен». От неожиданной радости её сердце начинает биться чаще. Но затем она слышит боль в мысленном послании корабля. *Оно захватило меня. Помоги.*

– Кто ты и что сделал с моим кораблём? – шипит Миели.

– Я Сумангуру восьмого поколения Ветви Битвы Там, Где Был Юпитер, воинствующий разум и Основатель Соборности, – говорит существо, состоящее из бабочек. – А что касается твоего корабля, то я его поглощаю.

Я отвожу ветви руками, а в ответ они больно хлещут меня по спине и лицу. Ноги, к счастью, совсем онемели. Дыхание причиняет боль: кажется, что я вдыхаю крошечные шестерёнки и они разрывают мягкие ткани лёгких. Начинает темнеть, контрастный чёрно-белый мир окрашивается серо-голубыми сумерками.

Следы приводят меня к следующей поляне. В центре стоят грубо высеченные каменные статуи: приземистые фигуры, напоминающие медведя и лисицу. У их ног, где заканчиваются следы, темнеет лужица, а в ней что-то блестит. Я осторожно

подхожу ближе. Кровь и женское украшение: стеклянная заколка для волос в виде бабочки. *«Перхонен».* У меня сводит кишки, рот обжигает едкая желчь, и я вынужден сделать глубокий судорожный вдох.

Шёпот. Порыв ветра. Кто-то идёт за мной. Прикасается к моей спине, словно пальцем проводит черту. Слышится треск разрываемой ткани. А затем вспышка ослепляющей боли. Меня толкают к подножию статуи медведя, и я неуклюже падаю. На землю капает красная жидкость, и на этот раз это моя кровь. Меч Царства вылетает из рук. Я пытаюсь подняться, но ноги не слушаются, и в конце концов я остаюсь на четвереньках.

И вижу наблюдающего за мной тигра.

Он наполовину скрыт за деревьями, спина круто выгнута. Полосы сливаются с тенями ветвей. Тигр тоже чёрно-белый, только кровь на морде красная. А глаза у него разные: один золотистый, а другой чёрный и мёртвый.

Хищник поднимает лапу и облизывает её розовым языком.

– У тебя… другой… вкус, – говорит он.

У него глубокий рокочущий голос, как шум заводимого двигателя. Зверь неслышно выходит на поляну, длинный хвост дёргается из стороны в сторону. Я стараюсь незаметно подползти к тому месту, где лежит меч, но рычание тигра пресекает эту попытку.

– Ты моложе. Меньше. Слабее, – мурлычет он. С каждым словом голос становится все более человеческим и знакомым. – И в тебе есть *её* привкус.

Я моргаю и медленно сажусь, стряхивая шестерёнки с лацканов пиджака. Спина горит огнём, из раны струится тёплая кровь, но я заставляю себя улыбнуться.

– Если ты говоришь о Жозефине Пеллегрини, – медленно отвечаю я, – то, могу тебя заверить, у нас с ней чисто… деловые отношения.

Тигр нависает надо мной и приближает свою морду к моему лицу. Меня окутывает его горячее дыхание, воняющее гнилью и металлом.

– Такие предатели, как вы, очень подходят друг другу.

– Я не уверен, что понимаю, о чём ты говоришь.

На этот раз я не только слышу его рычание, но и ощущаю, как оно отдаётся в моей груди.

– Ты нарушил обещание, – произносит тигр. – Ты оставил меня здесь. На тысячу лет.

Я снова проклинаю свою прежнюю сущность за вопиющее равнодушие к собственному будущему.

– Признаю, что местность не самая привлекательная, –

соглашаюсь я.

– Пытки, – шипит тигр. – Это самое настоящее место пыток. Одни и те же события происходят снова и снова. Лисы, медведи, обезьяны. Хитрости, козни и глупости. Сказки для детей. Даже когда я убивал их, они возвращались. До тех пор, пока всё не начало рушиться. Полагаю, что и за это я должен благодарить тебя, ле Фламбер.

В его живом глазу вспыхивает пламя. Я сглатываю.

– Знаешь, – отзываюсь я, – здесь затронута философская проблема природы личности. Я, к примеру, утратил бóльшую часть воспоминаний того индивида, о котором ты говоришь. Я не помню, что нарушил обещание. И, кстати, я здесь ради того, чтобы тебя освободить.

– Я тоже дал обещание, – отвечает тигр. – После того как ожидание затянулось.

Я снова невольно сглатываю.

– И что же это за обещание?

Он отходит на несколько шагов, не переставая дёргать хвостом.

– Поднимайся, – шипит он.

Несмотря на боль, я встаю и прислоняюсь к каменному медведю.

– Что бы ни говорил тебе прежний ле Фламбер, – произношу я, – нынешний признаёт, что у вас имеются общие интересы. Особенно в том, что касается причинения неудобств Матчеку Чену. Твоё обещание заключается не в этом? Не в намерении отомстить?

– Нет, – отзывается тигр, переходя на рычание. – Я пообещал, что дам тебе фору.

Мне хватает одного взгляда на его сверкающий глаз, а потом я хватаю меч Царства и пускаюсь наутёк.

Бегство в этом лесу – сплошной кошмар. Спина кровоточит. Снежинки-шестерёнки впиваются в подошвы ног. За мной тянется кровавый след. Дыхание вырывается из груди с натужным хрипом. Тигр превратился в тень и не отстаёт ни на шаг: если я пытаюсь замедлить ход, мстительный бесшумный зверь приближается, и этого достаточно, чтобы пробудить во мне непреодолимый страх и заставить снова ковылять по лесу, спотыкаясь о корни деревьев.

И я нисколько не удивляюсь, когда падаю на краю той самой поляны, откуда начал свой путь, и вижу между собой и Вратами Царства тигра. Он лежит и отдыхает, держа что-то в передних лапах.

Озарение приходит медленно и словно неохотно: мягкие лапы на снегу из шестерёнок, крошечные блестящие колёсики на усах, словно капли дождя. Смерть в чёрно-белых тонах, как на шахматной доске.

И во второй раз, как и в случае с Охотником, я ощущаю протянувшиеся между нами линии и позволяю им вести меня в правильном направлении.

Я выхожу на поляну.

– Ну, вот мы и на месте, – обращаюсь я к тигру. – Как я и говорил, человечество ждёт по ту сторону перехода. Чего же ты медлишь?

Тигр колеблется. Он недоверчиво поглядывает на Врата. Несмотря на боль, мне хочется улыбнуться.

Царства преобразуют. Царства живут по собственным правилам. В старых, сложных Царствах законы и описания становятся слишком запутанными, чтобы их понять, никто не знает, откуда они берут начало. Но то, что заключено в Ларце, – всего лишь малое Царство, это хранилище сказок о животных, вероятно, для детей зоку. Я могу поклясться, что тигр пробыл здесь достаточно долго, чтобы понять, как действуют местные законы. Лиса и медведь. Обезьяна и тигр.

– Вряд ли я поверю тебе на этот раз, – говорит тигр. – Может, пойдёшь первым?

Моё сердце подпрыгивает от нежданной надежды. Я пячусь и качаю головой. *Не бросай меня в терновый куст.* Но в следующее мгновение я слышу его такой удручающе человеческий смех.

– Ле Фламбер! – восклицает он. – Пора прекратить игры. Я просто хотел посмотреть, как ты убегаешь. Я не подпущу тебя к Вратам. И сам тоже не попытаюсь выйти. Я не сомневаюсь, что на той стороне ты приготовил для меня какой-нибудь сюрприз. Но ты прав: на этот раз ты *действительно* обеспечил мне освобождение.

Он отодвигается в сторону, и я вижу, что лежит на земле.

При жизни у неё были голубые дреды и бледная кожа, которая выделяется даже на фоне снега. Она выглядит моложе, чем я ожидал, или, возможно, так кажется из-за её смеющихся глаз и пирсинга в нижней губе. Но когда я вижу красно-чёрные останки её тела от шеи и ниже, тошнота заставляет меня отвернуться.

– Она прошла первой, – говорит тигр. – Всё случилось очень быстро. Не слишком значительная добыча. Но внутри у неё оказались средства для ку-связи с твоим кораблём. Кажется, её зовут Перхонен, вернее, звали.

Я пытаюсь выпрямиться.

– Мерзавец. Надо было оставить тебя гнить здесь.

– Мысли о тебе давали мне силы держаться. О тебе, о Чене и о смерти. – На морде тигра наполовину человеческая, наполовину звериная усмешка. – Но ты первый на очереди. Сейчас мы кое-куда пойдём и немного потолкуем.

Лес вокруг нас тает, как снег. В следующий миг мы стоим на желтовато-белой небесной тверди, уходящей в синтбиотическое сердце «Перхонен». Тигр с рычанием произносит в вир свой Код Основателя – *мёртвые дети и ржа, и пламя, и кровь* – и переписывает мир.

Миели не нуждается в боевой сосредоточенности, чтобы заглушить свою ярость. Она использует её, перемещается в спаймскейп, стреляет из гостгана по стенам корабля, бросает в систему «Перхонен» бомбы Гёделя. *Оружие.* Самовоспроизводящаяся логика её атакующей программы, словно лесной пожар, выжигает поражённые участки корабля. Но существо из бабочек – Сумангуру – действует быстрее: оно блокирует синтбиотический центр. Однако Миели нацелилась не на него.

Орудийные системы всё ещё в её распоряжении. Усилием мысли она объединяет ку-торпеду с единственным оставшимся странглетовым снарядом. Одним движением века она способна сделать выстрел, который повлечёт за собой термоядерный хаос.

Миели открывает глаза.

– Плевать, даже если ты сам Человек Тьмы, – бросает она. – Если ты не оставишь «Перхонен», я уничтожу и маршрутизатор, и нас обоих.

Образованное бабочками лицо Сумангуру выглядит теперь более человеческим: Миели различает тяжёлую челюсть, лоб и нос и нечто вроде шрамов, обозначенных трепещущими крыльями. Но в его глазах пустота.

– Как тебе будет угодно, девчонка, – отвечает он. – Вперёд. У меня немного причин цепляться за жизнь. А у тебя?

Пусковой механизм горит в её сознании подобно свече. *Это так легко.* Одно движение мысли – и странглет всему положит конец, развеет её потоками гамма-лучей и дождём барионов.

– Я предлагаю сделку, – говорит Сумангуру. – Ты обезвреживаешь ловушку, установленную ле Фламбером у Врат Царства. Я выхожу. Ты получаешь обратно свой корабль. Все довольны. Что ты на это скажешь?

Что произойдёт, если она здесь погибнет? Пеллегрини сотворит другую Миели. *Перебирать варианты всё равно что драгоценные камни.* Всё это останется для кого-то другого, не для

неё. Спасение Сюдян. Разборки с вором. Другая она сможет это сделать, и никто не заметит разницы.

Кроме «Перхонен».

Миели ощущает боль корабля, присутствие чужих сил в её системах, фальшивые ноты в её песне. *Я не могу её бросить.*

– Ну?

– Ты выиграл, – произносит Миели.

10
Таваддуд и Алайль

Тело Советницы Алайль – это настоящий лабиринт. Таваддуд видит её движения за пеленой Печатей. И на ум приходит детская песенка, которую частенько напевал ей джинн Херимон:

Он в пище и в воздухе может витать,
Он даже в сердцах, как ни больно признать.
Но чистым свой разум сумей сохранить,
И Тайных Имён пусть протянется нить.
Всё сделаешь так, как сказали, – и вот,
Поверь, подчинится тебе дикий код.

Алайль почти целиком заполняет светлый тетраэдр своей рабочей зоны во дворце на Осколке Соареца.

Она представляет собой паутину светящихся сапфировых нитей, толстых прозрачных кабелей и пучков миниатюрных извивающихся щупалец. Словно таинственное морское существо, грациозное в глубинах океана и беспомощное на берегу, она простирается над полом и вдоль стен, вокруг столов и статуй. Часть её тела проросла сквозь стены, смешалась со светлой ромбовидной черепицей дворца и сучковатыми ветками тянется наружу. В центре паутины лежит бесформенный мешок, напоминающий брюшко москита, наполненное кровью; внутри плавают пульсирующие органы.

Пелена Печатей в холле – серебряные и золотые надписи в воздухе, начертанные мухтасибами вокруг заражённой части дворца Алайль, – частично загораживают это зрелище, но от этого не становится легче. В воздухе стоит резкий запах горелой пыли и металла.

Таваддуд пытается смотреть на всё это глазами врача, ведь она повидала немало ужасных травм, нанесённых диким кодом, но *это*…

Уже через несколько секунд она вынуждена отвернуться и зажать рот рукой.

– Я вас предупреждал, – говорит Кающийся по имени Рамзан.

Как-то раз Алайль приходила с визитом к её отцу. Таваддуд запомнила её строгой, скромной худощавой женщиной с обветренным лицом, в простом костюме муталибуна, с атарочками на шее. У неё были длинные чёрные волосы, но на

макушке имелась проплешина в форме континента, где блестел сапфировый череп, что делало её похожей на куклу Дуни, у которой был вырван клок волос.

В отличие от большинства других мухтасибов, которые носили своих джиннов в кувшинах, карин Алайль обитал в механической птичке с золотыми и алыми перьями и эбеновыми глазами. Птица была сделана из такого тонкого металла, что могла летать. Таваддуд всегда представляла себе, как она летит в стае рухов, уносящих корабль Алайль в пустыню, и служит своей госпоже глазами, замечающими вспышки дикого кода и безумных джиннов. «Её зовут Арселия. Она моя благоразумная половина», – сказала тогда Алайль.

Больше всего на свете Таваддуд хотела стать такой, как Алайль.

Но именно поэтому тебе нельзя становиться муталибуном.

Таваддуд замечает подошедшего Сумангуру.

– Что вы можете сообщить о том, что здесь произошло? – спрашивает он у Рамзана.

Гогол Соборности хранил молчание на протяжении всего полёта на ковре и проявлял полное равнодушие к видам проносящегося внизу города. «Материя, какой бы она ни была, неважна», – ответил он на её вопрос о том, нравится ли ему Сирр. Но сейчас его глаза ожили, и в них зажглось нечто вроде любопытства.

Рамзан вытягивает свои тонкие пальцы. Это тощее высокое существо, худые ноги которого едва касаются пола. Его тело покрыто соединёнными друг с другом белыми, красными и чёрными пластинами, что придаёт ему сходство с мозаичной картиной: по законам Сирра мыслеформы джиннов не могут принимать человеческий облик. На лбу у Рамзана блестит золотая эмблема, указывающая на его ранг – третий круг. Джинны-полицейские редко прибегают к визуальным формам: их основная задача – оставаться невидимками, чтобы бороться с преступниками и похитителями тел. От Рамзана слегка пахнет озоном, время от времени его силуэт становится зернистым и слабо потрескивает. Таваддуд он кажется смутно знакомым: вероятно, они встречались на каком-то из приёмов отца.

– Следы в атаре дали нам возможность частично восстановить последние передвижения госпожи, – отвечает Рамзан. – Она вернулась с утреннего заседания Совета около девяти часов. Мы можем предоставить вам полную запись заседания и её личное расписание, но вам придётся направить запрос в Совет. – Рамзан издаёт пронзительное гудение. – Я

понимаю, что дело может оказаться весьма… деликатным. Так или иначе, Советница завтракала в одиночестве в саду на крыше дворца, посетила личную обсерваторию, а затем прошла в свой кабинет. – Рамзан указывает на поглощённое диким кодом помещение. – После чего начала распространяться инфекция. Это оказалось настолько внезапным и интенсивным, что мы вправе предположить, что у госпожи Алайль имелся закрытый Печатью контейнер с поражённым диким кодом объектом, который и был откупорен. Из разговора с джинном-домоправителем я понял, что госпожа была муталибуном и имела обыкновение приносить с собой находки из пустыни. При её опыте она не могла не знать о последствиях подобного поступка. Инфекция распространилась в считаные секунды. Другими словами, это, по сути, самоубийство.

– Как удалось остановить распространение инфекции? – спрашивает Таваддуд.

Она не забыла, как тренировал её в детстве Херимон, заставляя заучивать Тайные Имена, на случай если дворец отца подвергнется воздействию дикого кода.

– Домоправитель, джинн Хузайма, – вы можете с ней поговорить – известила нас и мухтасибов, – отвечает Рамзан. – Насколько мы смогли определить, заражение ограничилось небольшой зоной вокруг тела Советницы. Но это и неудивительно: в конце концов, это же резиденция мухтасиба, и повсюду наложены Печати.

– Нельзя ли получить более полную информацию? – спрашивает Сумангуру, хмуро поглядывая на стены. – Не мог ли кто-то принести дикий код снаружи?

Рамзан разводит руками, и его пальцы трепещут, словно пламя свечей.

– Мои коллеги отлично знают свою работу, но в отношении атара действуют некоторые ограничения. Особенно здесь, где уровень дикого кода намного превышает нормальный. Следы в атаре быстро исчезают. Но что касается доступа снаружи, дворец, как и все резиденции членов Совета, находится под постоянной охраной Кающихся. Ни люди, ни джинны не могут войти или выйти, оставшись незамеченными. Но что происходит внутри, нам неизвестно.

Сумангуру прищуривается.

– В моей ветви это назвали бы тайной запертой комнаты, – замечает он.

В его голосе слышатся странные нотки веселья.

– Моя сестра сказала, что это случай одержимости, – говорит Таваддуд. – Откуда возникла такая уверенность? Вы обнаружили переносчик инфекции?

– Нет, – отвечает Рамзан. Джинн поворачивается к ней светящейся эмблемой, словно смотрит третьим глазом. – Ничего запрещённого. Ни книг, ни записей атара. Но атар здесь чрезвычайно сложен, и мы могли что-то пропустить. Учитывая все обстоятельства, версия самоубийства представляется наиболее вероятной, хотя прощальной записки не обнаружено. Против этого предположения свидетельствует ещё и тот факт, что, по словам помощников, Советница с большим энтузиазмом готовилась к предстоящему голосованию. Но это говорит лишь о том, что в момент самоубийства она была… буквально не в себе.

– Выходит, что всё это только рассуждения?

– Да. Тем не менее это единственная версия, которая согласуется с имеющимися фактами. Ещё одно затруднение состоит в том, что мы до сих пор не обнаружили её карина.

Пластинки на лице Рамзана перемещаются, и он становится похожим на грустного клоуна.

Сумангуру прикасается пальцами к пелене Печатей на двери.

– Сколько они выдержат? – спрашивает он.

– Что?

– Как долго продержится моя защита внутри?

– Но это несерьёзно!

– Отвечайте, – настаивает Сумангуру.

– Я не знаю. Две минуты, может быть, три. Говорят, что творения Соборности более уязвимы перед диким кодом, чем мы, так что, вероятно, и того меньше. Вам надо подождать мухтасибов, и они…

Сумангуру шагает вперёд и проходит сквозь пелену Печатей.

В атаре его окружает неяркое сияние. Он проходит мимо тела Алайль, вертит головой и всё осматривает. Таваддуд гадает, какие органы чувств имеются у него в дополнение к человеческим. Сумангуру трогает пустые кувшины на высоких столах, проводит пальцами по арабескам на стене. Его движения заметно изменились: теперь это не массивная грозная машина, а хищный кот, который что-то ищет.

Наконец он останавливается перед стеной, на которой представлены графические обозначения Тайных Имён, нанесённые золотом на разноцветные плитки размером с ладонь. Сумангуру трогает одну из плиток.

Таваддуд видит в атаре, как на его защите появляется и растёт чёрное пятно. *Дикий код.*

– Его Печать не выдержит! – восклицает она. – Господин Сумангуру, выходите! Рамзан, помоги!

Гогол Соборности начинает нажимать на плитки. Одна из них

поддаётся под его пальцами. Сапфировые щупальца Алайль обвиваются вокруг его рук, но он полностью погружён в расследование. Вскоре раздается щелчок, и часть стены сдвигается в сторону, открывая тёмную нишу. Сумангуру протягивает к ней руку, другой рукой стряхивая с себя сапфировые завитки. Через мгновение он уже проходит сквозь пелену Печатей, держа в руке металлическую птицу.

Таваддуд она кажется меньше, чем в её воспоминаниях, но для птицы она достаточно велика – длиной с предплечье, с загнутым клювом и раздвоенным хвостом. Глаза закрыты тонкими золотыми веками.

– Арселия?

Таваддуд берёт птицу в руки. Она ожидала ощутить холодный металл, однако перья на спинке кажутся живыми, острыми, но тёплыми, а маховик в груди гудит ровно, словно быстро бьющееся сердце. Таваддуд гладит птицу, пытаясь успокоить, но безуспешно. *Что бы ни произошло с Алайль, у неё было время всё скрыть. Её благоразумная половина.*

– Объясните мне, что такое «карин», – требует Сумангуру, указывая на птицу. – Простыми словами.

– Карин – это… джинн-компаньон, сплетённый с мухтасибом, – произносит Таваддуд слегка дрожащим голосом. – Карин и мухтасиб – одно существо, образованное ещё в детстве при помощи сплетателя.

– То, о чём вы говорите, запрещено для нас и допустимо только для Праймов, – говорит гогол Соборности. – Возможно, для зачистки города имеется больше оснований, чем я полагал. Для чего это делается?

– Таков обычай, – отвечает Таваддуд. – Он символизирует союз между двумя народами. Кроме того, это позволяет мухтасибам регулировать экономику города. Видеть атар так, как его видят джинны, наблюдать поток информации, тени любых предметов в атаре, деньги, продукты, труд, людей. – Она оглядывается на Рамзана. – Всё это можно видеть непосредственно, а не через примитивные инструменты вроде атар-очков.

Сумангуру раскатисто смеётся, его гулкий голос разносится по дворцу.

– Материя и разум. Дуализм. Примитивное разграничение. И то и другое определяется просто информацией. Вы хотите сказать, что в этом существе, в этом карине содержатся остатки разума Советницы?

– Нет, – возражает Таваддуд. – Я хочу сказать, что карин

является частью разума Советницы.

Здесь что-то не так. Почему он не знает столь простых вещей?

– Превосходно, – говорит Сумангуру. – Кающийся Рамзан, в этом дворце найдётся спокойное место, где нас никто не потревожит?

– Господин Сумангуру, прошу прощения, – отвечает Рамзан, – я как официальный следователь вынужден спросить, что вы намерены сделать. Я не могу позволить вам…

Сумангуру выпрямляется во весь рост.

– Вероятно, члены Совета не объяснили вам ситуацию, – грохочет он. – Мы не такие, как наши сёстры сянь-ку, мы намного жёстче. Кое-кто считает, что Великая Всеобщая Цель требует зачистки этого города. Если я не сумею обнаружить врагов Цели, к этому мнению могут прислушаться. Я достаточно ясно выражаюсь?

По мыслеформе Рамзана пробегает рябь.

– Госпожа Таваддуд…

Она внезапно вспоминает, откуда знает этого джинна. Когда он начинал адаптироваться к своей мыслеформе, ей, чтобы соответствовать его образу, приходилось надевать маску и разрисовывать тело. Она принимала его на балконе, поскольку джинну нравилось ощущение солнечных лучей на коже.

– Если вы откажетесь помочь, – медленно произносит она, – то у вас будут проблемы со мной и моим отцом. Я, безусловно, не занимаю официальной должности в Совете, но, могу вас заверить, пользуюсь доверием отца, – она поднимает кольцо джинна, – так же, как и доверием Совета. Не говоря уже о том, что господин Сен мой *близкий* друг. – Она сладко улыбается джинну, как это делает её сестра, когда прибегает к угрозам. – Я достаточно ясно выражаюсь?

Рамзан издаёт негромкий хриплый треск.

– Конечно, – отвечает он. – Прошу меня простить. Просто меня недостаточно полно проинформировали, вот и всё.

– Господин Сумангуру, – шепчет Таваддуд, – было бы неплохо, если бы вы поделились со мной своими намерениями.

– Но это же очевидно, – говорит Сумангуру. – Я собираюсь допросить свидетеля.

Дворец Алайль оказывается даже больше, чем резиденция отца Таваддуд, – настоящий лабиринт прозрачных цилиндров, сфер и возвышающихся пирамид.

Кающийся ведёт их по просторной, залитой солнцем галерее со скульптурами, где они встречают ещё одну мыслеформу

джинна – облако, состоящее из пурпурных и белых цветков. Фигура Рамзана расплывается, смешиваясь с проходящим силуэтом, а когда он возвращается к своему мозаичному облику, его движения становятся лихорадочно-торопливыми.

– Совет запрашивает рапорт о продвижении расследования, – сообщает он. – Я должен вас оставить на некоторое время. По правде говоря, это к лучшему, если господин Сумангуру намерен сделать нечто… необычное. Таким образом, я не буду знать о том, что происходит, если меня об этом спросят. Я позабочусь, чтобы мои подчинённые обеспечили вам уединение. Вольер для птиц вы найдёте за дверью в конце галереи.

– Спасибо, Рамзан, – благодарит Таваддуд. – Ваша преданность интересам Сирра не будет забыта.

– К вашим услугам, – отвечает джинн. – А про себя могу сказать, что один приятный день тоже не забыт. Тогда вы любезно показали, какие новые перспективы открываются для меня.

– Это останется нашей тайной, – говорит Таваддуд, заставляя себя улыбнуться.

В вольере их встречает оглушительный шум: какофония пронзительных птичьих криков и хлопанье крыльев. Это сводчатое помещение с высоким стеклянным куполом около сотни метров в диаметре. Бóльшую часть нижнего уровня занимают фантастические растения из поражённой диким кодом пустыни и толстые сходящиеся и расходящиеся пурпурные трубы, генерирующие синтбиотическую жизнь старой Земли, одичавшей в отсутствие хозяев. Несколько деревьев-мельниц медленно вращаются, и ветвистые кроны окрашиваются то в янтарно-жёлтый, то в тёмно-красный.

Стая рухов мгновенно замечает вошедших Таваддуд и Сумангуру. Эти существа здесь повсюду, и они совершенно разные: от крошечных сапфировых насекомых до похожих на скатов гигантов, парящих под самым потолком. В первый момент Таваддуд приходится прикрывать лицо рукой, чтобы защититься от шквала крыльев, но затем она выкрикивает Тайное Имя, и стая рассеивается и умолкает, превратившись в клубящееся среди деревьев облако.

В центре вольера имеется небольшая площадка, где стоят изящный белый столик, несколько стульев и жёрдочка. На неё Таваддуд и усаживает Арселию. Птица всё ещё не открывает глаза, только цепляется лапами за перекладину и бьёт крыльями, чтобы сохранить равновесие.

Сумангуру, заложив руки за спину и наклонившись вперёд, пристально осматривает птицу. Затем вытягивает вперёд руку с растопыренными пальцами, словно заклинатель. Между

кончиками пальцев и птицей возникает пять светящихся линий. Арселия испускает пронзительный крик и начинает отчаянно хлопать крыльями. Вокруг неё появляется прозрачный пузырь, который удерживает птицу на месте и гасит звуки, оставляя пойманное существо в невидимой тюрьме.

Таваддуд сжимает и разжимает кулаки в такт мучительным конвульсиям птицы, но долго выносить этого не может.

– Что вы делаете? – шипит она на Сумангуру.

– Допрашиваю, как я и говорил.

– Каким образом?

– Копирую её разум в вир. В ограниченную реальность, если вам угодно. А потом использую генетический алгоритм: задаю вопросы птичьему мозгу и меняю его структуру до тех пор, пока не получаю сознательную реакцию. – Сумангуру сжимает растопыренные пальцы. – Потребуется всего несколько тысяч циклов. Приблизительно полминуты.

– Прекратите. Немедленно, – требует Таваддуд. – Вы имеете дело с гражданином Сирра. Я не позволю её пытать. Я поставлю в известность Совет.

Она сжимает кулак и поднимает кольцо, готовая вызвать Кающегося.

Сумангуру оборачивается к ней. Усмешка в сочетании с его шрамами превращается в пугающую гримасу.

– Речь идёт о будущем вашего города. Я могу заставить её говорить. Надо только не бояться испачкать руки.

Таваддуд с трудом сглатывает. Не об этом ли предупреждала Дуньязада? Что это не игра. Что есть вещи, которые ей придётся сделать. Таваддуд переводит взгляд на отчаянно бьющегося карина. В висках стучит. *Нет, так нельзя.*

– Может быть… стоит применить другой способ. Более мягкий.

Он должен быть.

Она снимает с плеча свою медицинскую сумку, ставит её на стол и открывает. Вытащив бими, она надевает сеть на голову.

– Прошу вас, отпустите её. Я смогу узнать всё, что нам требуется.

– Как?

– Я способна сплетаться с джиннами. Она захочет закрепиться в моём теле, как до этого держалась за тело Алайль.

Сумангуру хмурится.

– Объясните.

– Взаимосвязанные контуры. Истории в наших головах. Когда кого-нибудь любишь, происходит сплетение. Два существа проникают друг в друга, как два роя светлячков. Всегда найдётся

способ… пригласить кого-то. Похитители тел делают это при помощи историй. Но можно действовать более открыто. Атар реагирует на команды, которые мы называем Тайными Именами. Многие из них были утрачены, но, если знать правила, можно использовать их в разных целях.

Гогол Соборности настороженно прищуривается.

– И вы знаете эти правила.

– Меня этому учили.

– В *губерниях* это запрещено Основателями. Нам известно, что так можно дойти до кошмаров и чудовищ. Разумы гуманоидов созданы для раздельного существования.

– Похоже, что это вы боитесь испачкать руки, – говорит Таваддуд.

Сумангуру смотрит сначала на неё, потом на Арселию. Его лицо выражает почти детское любопытство.

– Ну хорошо, – отвечает он наконец. – Мы попусту тратим время. Только позаботьтесь, чтобы она не улетела.

Птичий вольер не обеспечивает такой гармонии, как приёмные покои Таваддуд. Она посвящает несколько минут тому, чтобы погрузиться в медитацию, выровнять дыхание и избавиться от своих тревог, растворив их в шуме птичьей стаи, шелесте растений и влажном горячем воздухе. Затем она шёпотом обращается к металлической птице, сидящей в её руках.

Скажи мне своё имя. Я Таваддуд. Скажи своё имя.

Сначала ничего не происходит, только по спине пробегает холодок. Таваддуд осознаёт, насколько опасна её попытка в заражённом диким кодом дворце, даже под защитой Печатей. Но это лучше, чем смотреть, как мучается невинное создание.

Как тебя зовут?

Внутри птицы, в её голове, что-то шевелится, словно испуганная змея. В атаре в птичьем сердце, будто дым, колышется смутный образ. Она ощущает себя уроборосом в замкнутом пространстве металлической оболочки, в маленьком мирке, который кажется сном, но вот возникает залитый светом коридор, и её окликает голос.

«Я Арселия».

Арселия, повторяет Таваддуд. *Арселия, послушай, я собираюсь рассказать тебе историю.*

«Я не люблю истории. Они всегда лгут».

Это правдивая история, я тебе обещаю.

«О чём она?»

О *любви.*

«Мне нравятся любовные истории».

Хорошо, говорит Таваддуд и начинает рассказывать.

Давным-давно жила на свете девушка, которая любила только монстров.

11
Вор и шрамы

Этот вир пахнет порохом и машинным маслом. Вдали слышатся выстрелы. Я обнажён и привязан к металлическому стулу в ярко освещённом помещении. Пластиковые ремни больно врезаются в запястья и лодыжки, а в спину давят тонкие перекладины спинки.

Тигр уже не тигр, а человек, он стоит в тени, скрестив руки на груди, на обезображенном шрамами лице отстранённое выражение. Затем он выходит на свет, и в его движениях всё ещё угадывается хищная грациозность тигра.

– Хороший корабль, – произносит он. – Плотского, безусловно, многовато, но это мы сможем исправить. И начнём с твоей подружки.

– Что ты сделал с Миели?

– С оортианкой? Ничего. Это она оказала мне услугу, помогла выбраться. – Он придвигает себе стул, разворачивает его, садится и опирается на спинку, так что его лицо оказывается вплотную к моему, как прежде морда тигра. – Итак, нам пора поговорить.

Я вздрагиваю. Наши разумы всё ещё заключены в Ларце. А вир находится внутри «Перхонен». В Соборности принято разделять миры и разумы. Но от этого не становится лучше.

Человек-тигр медленно открывает складной нож.

– Этот вир создан из моих воспоминаний, – говорит он. – Я воспроизвёл множество деталей. Хорошие аватары. Нервы, мускулы, вены. – Он пробует остроту лезвия на кончике большого пальца, и на коже, словно улыбка, проявляется алая полоска. – Другие часто забывают о плоти. Но о своём противнике никогда не стоит забывать. Он всегда здесь, даже когда ты его не видишь. Квантовому подонку это хорошо известно.

Я не успеваю сдержать смех, и он вырывается изо рта вместе с капельками слюны и крови.

– У тебя всегда было отличное чувство юмора, ле Фламбер, – признаёт он. – Думаю, мы не будем затягивать эту процедуру, если ты скажешь, что понадобилось от меня этой суке Пеллегрини на этот раз.

– Я смеюсь не из-за этого, – отзываюсь я.

– Что ж, если смех тебе помогает…

Он поднимает нож, приставляет его к уголку моего глаза и начинает надавливать…

– Знаешь, я ведь хотел дать тебе шанс, – говорю я, несмотря

на текущую по лицу кровь. – Поэтому и оставил Врата Царства открытыми. Я верил, что у тебя были веские причины, чтобы сделать то, что ты сделал. Но теперь я думаю, что тебе просто нравится калечить людей.

Он широко раскрывает глаза и делает шаг назад. Черты моего лица начинают расплываться. Тело меняется. Его Код эхом раздается в моей голове – *мягкая холодная мёртвая кожа под моими пальцами.* Моя усмешка напоминает тигриный оскал. Усилием мысли я растворяю стул и поднимаюсь на ноги.

– Что ты сделал? – рычит он.

– Возможно, я меньше, слабее и младше, но это не значит, что я не могу быть умнее. Ты правильно заметил: не стоит забывать о своём противнике. Я создал вир небесной тверди. Да, знаю, что это считается невозможным. Только если у тебя нет оортианской техники, управляемой программами Соборности. «Перхонен» – отличный корабль.

Он замахивается ножом, но я уже призрак, не подчиняющийся законам вира.

– Тебе надо было пройти сквозь Врата, – заявляю я. – Обезьяны не всегда лгут.

Я замораживаю вир и блокирую свою связь с ним. Разрыв реальности возвращает меня в тёмный лес. Тигр замер на середине прыжка. Я подбираю свой меч, минуя тигра и направляюсь к выходу.

Врата возвращают меня обратно в физическое тело, оставленное посреди безумного водоворота маршрутизатора. Я подхватываю Ларец, вырываю его из хрупких объятий устройства, и в этот момент налетает стая Охотников.

Рой бабочек на глазах у Миели замирает и осыпается, ухмыляющееся лицо бога из Ларца растворяется в воздухе.

– «Перхонен»? – шёпотом окликает она.

Я здесь, отвечает корабль.

– Ты в порядке?

Кажется, да. Только как-то странно себя чувствую. Как будто я заснула.

– Если этот ублюдок повредил тебя, я…

Миели. Охотники. Они близко.

В спаймскейпе начинается настоящее безумие. «Перхонен» покрывается каракулями, словно нарисованными разозлённым ребёнком. Миели пытается погрузиться в боевую сосредоточенность, но системы корабля ещё не оправились после заражения и действуют очень медленно. Поздно что-либо предпринимать.

Охотники стаей хищных рыб окружают судно, тысячи и тысячи крохотных звёздочек облепляют корабль и проходят сквозь него. Загрузочные лучи опутывают центральную каюту смертоносной паутиной, но на этот раз действуют намного деликатнее – ничего не прожигают. Они оставляют «Перхонен» и гигантской стрелой направляются к маршрутизатору.

Он исчезает в ослепительной вспышке антиматерии, хищные существа рвут в клочья свадебный букет. В космосе бушуют вихри пи-мезонов и гамма-лучей. В мгновение ока конструкция зоку прекращает своё существование, и на её месте медленно расплывается облако осколков и обломков. Рой охотников проходит сквозь него и исчезает, направляясь к главной артерии Магистрали на скорости, близкой к скорости света.

Вскоре вокруг «Перхонен» снова воцаряются темнота и безмолвие. Пробудившиеся *вяки* в её стенах снова начинают испускать голубовато-зелёное сияние.

Миели, говорит корабль. *Я по-прежнему принимаю сигнал Жана. Он где-то здесь.*

Всё ещё чувствуя оцепенение во всём теле, Миели сворачивает крылья и модули «Перхонен» в более компактную фигуру и посылает корабль в облако обломков, прожигая себе путь антиметеоритными лазерами. Вскоре они поднимают на борт ку-сферу, в которой заключён вор, в скафандре и шлеме и всё ещё прижимающий к груди небольшую чёрную шкатулку. Он не двигается.

Миели отдаёт мысленный приказ снять шлем. Пузырь из метаматерии исчезает, а под ним оказывается лицо, чуть раньше воспроизводимое роем бабочек.

Ублюдок.

Миели извлекает из своей руки кинжал из ку-частиц и приставляет его к горлу захватчика…

– Постой!

Голос принадлежит вору. Но это ничего не значит.

– Миели, остановись, это же я!

Он говорит точно как вор. Миели замирает, но не убирает кинжал.

– Что произошло?

Покрытое шрамами лицо трансформируется в блестящее от пота лицо вора с угольно-чёрными бровями и впалыми висками.

– Я заполучил Коды Основателя Сумангуру. А песнь, внедрённая в камень зоку, была тем же трюком, что и в случае с Ченом, с той лишь разницей, что на этот раз он сработал. Вир, изображавший небесную твердь, служил ловушкой. И охотники, как мне кажется, тоже принадлежали ему. Я велел им оставить

меня, и всё получилось.

Вор говорит торопливо, едва переводя дыхание.

– Ты ничего не добился, негодяй, – отзывается Миели.

– Неважно, – отвечает вор. – Мы победили. И у меня есть план.

Несколько мгновений Миели молча смотрит на него. Затем берёт из его рук Ларец. Вор не сопротивляется. Она медленно разламывает шкатулку. Чёрные обломки разлетаются во все стороны, как на негативном снимке крошечной медленной новой звезды.

– Ты использовал в качестве приманки «Перхонен», – бросает она.

– Да.

– Ты едва не убил нас всех. Или ещё хуже.

– Да.

Она отталкивает его. Вор уплывает на противоположный конец каюты, на его лице выражение вины.

– Убирайся от меня к чёрту! – восклицает она.

Измученная Миели скрывается в рубке. Она упивается своим гневом и проверяет все системы «Перхонен», желая убедиться, что не осталось никаких следов бога из Ларца.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашивает она у корабля.

Странно. Отдельные мои фрагменты взбунтовались. Я их больше не ощущала. Все гоголы выполняли распоряжения Сумангуру. И ещё какая-то часть меня попала в Ларец и не вернулась.

– Мне очень жаль, – говорит Миели.

Но это ещё не самое худшее. Куда страшнее было видеть, как ты чуть не отказалась от борьбы. Дважды. Ты едва удержалась, чтобы не выпустить странглетовый снаряд, Миели. И это не было блефом.

Миели молчит.

Ты слишком себя извела. Ты переусердствовала, стараясь сдержать свои обещания, защищая меня и позволяя Пеллегрини изменять тебя. На этот раз ты чуть не сорвалась. А меня не было рядом, чтобы тебя поддержать.

Какое-то время Миели не в силах вымолвить ни слова. Она привыкла постоянно ощущать присутствие «Перхонен» и её поддержку с первого же дня, как только создала её. Но сейчас в голосе корабля звучат суровые нотки.

– Вор виноват в том, что с тобой случилось, – заявляет Миели. – Он зашёл слишком далеко. Я собираюсь…

С вором я сама разберусь, говорит «Перхонен». *Тебе незачем*

делать это вместо меня. То, что ты меня сотворила, ещё не означает, что я не существовала раньше. Ты вернула меня из небытия, и за это я никогда не перестану тебя любить. Ты подарила мне новую жизнь и тем завоевала мою вечную преданность. Но я не только твоя песня. Не всё можно выразить словами или песней, как делал Карху, когда лечил тебе зуб, пока ты была маленькой. И не всю вину можно свалить на вора.

Голос корабля эхом отзывается в сапфировых стенах.

А что если Пеллегрини захочет сделать из тебя гоголов? Ничего не изменится. Они будут такими же сильными, как ты. А ты останешься той же Миели.

– Ты никогда не говорила со мной подобным образом, – замечает Миели.

В этом не было необходимости. Но я не желаю смотреть, как ты себя уничтожаешь. Этим тебе придётся заняться без меня.

«Перхонен» расправляет крылья, простирающиеся на несколько миль, – магнитные поля и ку-точки, блестящие, словно роса в паутине. Гигантские паруса подхватывают солнечный ветер и возвращают корабль на прежний курс – к Магистрали, к Земле.

Вот что мы должны сделать. Мы поговорим с вором, отправимся на Землю и осуществим его план, хоть вор и чуть не скормил меня тигру. Мы вернём Сюдян и наконец все обретём свободу. Дай слово, что ты не сдашься.

Миели охватывает стыд. *Куутар и Ильматар*[20]*, простите меня.*

– Я обещаю, – шепчет она.

Вот и хорошо. А теперь, пожалуйста, оставь меня. Мне надо залечить раны.

На этом общение с кораблём заканчивается.

У Миели кружится голова. Некоторое время она сидит без движения. Затем переходит в центральную каюту. Там голо и пусто, совсем как в её голове. При слабом ускорении корабля пепел и мелкие обломки неторопливо перекатываются по помещению.

Медленно и нерешительно Миели начинает напевать песни – простые песни кото о еде и питье, об уюте и сауне. Так же медленно в каюте начинают появляться каркасы мебели, словно нарисованные невидимым пером.

Пришло время заняться уборкой, думает Миели.

Я рассматриваю своё новое лицо в зеркальной стене корабля и ощупываю голову, стараясь определить размеры. Шрамы и линия подбородка кажутся не совсем правильными. Но ещё больше меня беспокоит Код. Он надёжно заперт в ячейке мозга,

однако мне придётся снова им воспользоваться. *Сожжённые тела и грязь, и электричество.* Меня пробирает дрожь. Вот, значит, что определяет Сумангуру? Немудрено, что он был так расстроен после нескольких веков, проведенных в Ларце.

Я закрываю глаза и пытаюсь отвлечься от боли при помощи виски из крошечного фабрикатора в своей каюте. Я, конечно, мог бы просто заглушить боль. Но, как давным-давно на Марсе учил меня мой приятель Исаак, алкоголь – это не просто химия, это традиция, это чувство, это Бахус, разговаривающий в твоей голове и делающий всё вокруг лучше. По крайней мере, такова его теория. На этот раз вкус солодового виски вызывает ощущение вины.

Тем не менее я делаю большой глоток. Пока я пью, в каюте появляется бабочка – аватар корабля. Я слежу за ней. Но она молчит.

– Послушай, это был единственный способ, – говорю я. – Он должен был ухватиться за шанс выбраться наружу. Я не в состоянии изменять небесную твердь на территории Соборности, для этого требовалась оортианская техника. Мне пришлось дать ему доступ к тебе, чтобы поймать его. Мне жаль, что так вышло.

Бабочка всё так же молчит. Её крылышки вызывают у меня воспоминание о камне, увиденном в воспоминаниях Сумангуру. Пламя богов. Гнев Основателя примешивается к моим чувствам. Я приказываю себе успокоиться.

– В каждой ловушке обязательно должна быть приманка, – продолжаю я. – И мне жаль, что этой приманкой оказалась ты.

– Ты ни о чём не жалеешь, – отзывается корабль. – Ты Жан ле Фламбер. О чём ты можешь жалеть?

Бабочка опускается на край моего стакана. Тонкий слой псевдоматерии и золотистая жидкость на дне искажают её белое отражение.

– На Марсе я считала, что ты можешь помочь Миели. Я верила в это. Я думала, ты сумеешь доказать ей, что она не обязана подчиняться Пеллегрини. Я надеялась, что ты увидел другую сторону её личности. Ты даже заставил её петь. Но в конце концов ты оказался таким же, как она. Ты готов стать кем угодно, лишь бы получить то, что тебе хочется.

– Тебе легко говорить, – отвечаю я. – Ты ведь просто…

Я умолкаю в нерешительности. *Слуга? Рабыня? Любовница? Кем же на самом деле является для Миели «Перхонен»?* Но я так и не могу это определить.

– Мне жаль, – бормочу я.

– Похоже, тебе сегодня нравится это слово.

– Мне нравится моя шкура, – возражаю я. – Я ею дорожу и не

отрицаю этого. И я не намерен возвращаться в Тюрьму или в какой-либо другой ад, уготованный мне копами. Прежде я справлялся с Пеллегрини. Я способен ей противостоять.

Я прикусываю язык. Богиня наверняка всё время нас слушает. Но корабль это, похоже, ничуть не беспокоит.

– Вот как? – иронизирует бабочка. – И поэтому ты позволяешь ей манипулировать собой и заставлять совершить невозможное?

– Тебе не понять, что стоит на кону. Если Чен владеет артефактом Вспышки, который обладает теми свойствами, о которых я думаю, я…

– Я понимаю, что стоит на кону для меня, – перебивает «Перхонен». – А ты?

Трудно заставить отвести взгляд бабочку, даже если у тебя лицо величайшего полководца Солнечной Системы. Поэтому я сам отвожу взгляд.

– Я хочу стать свободным, – говорю я. – И могу сделать ещё одну попытку. На Марсе у меня было кое-что, но я от всего отказался. Я даже думаю, что намеренно позволил себя поймать, можешь в это поверить? В прошлый раз Пеллегрини показала мне, чем я занимался. Ко мне вернулось множество воспоминаний, которые я считал безвозвратно утраченными, – о ней, о том, кем она была, о Земле. – Я тру переносицу и ощущаю грубый, чужой шрам. – Понимаешь, у меня был план, великолепный план, но я им *не воспользовался.* Вместо этого я напрямую схватился с Ченом. Решил выяснить, смогу ли его одолеть. – Я трясу стакан, сгоняя бабочку, и наливаю себе ещё виски. – Так что дело не в том, чтобы стать Жаном ле Фламбером. Дело в том, чтобы избавиться от него.

– А как насчёт твоего очередного плана? – интересуется корабль. – Он сработает?

– Сработает. Это самый лучший из всех моих замыслов. Вот только после того, что произошло, я не уверен, что Миели на него согласится.

– Расскажи-ка, в чём он заключается.

И я рассказываю «Перхонен» историю о воинствующем разуме и камне Каминари. Я рассказываю о контроле над небесами и городе Сирре, об Ауне и похитителях тел. Не всё, конечно, но достаточно, чтобы убедить «Перхонен» в том, что план сработает. И в том, что на этот раз вся тяжёлая работа выпадет на мою долю. Бабочка слушает. А я гадаю, смеётся ли сейчас где-нибудь Пеллегрини – в моей голове или где-то далеко отсюда.

– Ты прав, – произносит «Перхонен», когда я заканчиваю. – Миели никогда на это не согласится. Она скорее умрёт.

Усилием воли я возвращаю себе своё лицо.

– И что же нам делать?

Я осторожно передвигаю парящий в воздухе стакан, словно шахматную фигуру. *Теперь твой ход.*

– То, что получается у тебя лучше всего, – отвечает корабль. – Мы её обманем.

12
Таваддуд и карин

ИСТОРИЯ ТАВАДДУД И АКСОЛОТЛЯ

Девушка, которая любила только монстров, в одиночестве шла по узким улочкам Города Мёртвых. Гули, привлечённые теплом недавно вырытых могил, бродили вокруг, глядя на неё пустыми глазами. Она явилась сюда в поисках места, где её не сумели бы найти ни Кающиеся, ни Вейрац. Если кто-то придёт, она сможет притвориться гулем. Здесь, среди мертвецов, она будет в безопасности.

Она продолжала шагать вперёд. Гули последовали за ней.

Дуни вернулась от сплетателя совсем другой – на её шее появился кувшин джинна, и теперь это были два существа, слившиеся в единое целое. К ней девушка пойти не могла. Сестра стала чужой.

А отец…

Гуль дёрнул её за руку. Он был высоким, измождённым, со спутанной грязной бородой, но его хватка оказалась удивительно сильной.

– Я НА РАССВЕТЕ ЗАСТРЕЛИЛ АНГЕЛАИЗГОЯ! – вопил он. – «ПРОКЛИНАЮ ТЕБЯ, МАРИОН», – СКАЗАЛ ОН, СГОРАЯ…

Гуль бесцветным голосом кричал ей прямо в лицо, и к словам примешивалась ужасная вонь гниющих зубов. Девушка вырвалась от него и пустилась бежать.

Но далеко ей не удалось уйти. Из могил вышли другие гули и, щурясь на дневной свет, глухим шёпотом рассказывали свои истории. Они окружили её грязной, вонючей толпой, хватали за руки, толкали. Девушка зажала уши ладонями, чтобы не слышать их жалоб, но они оттаскивали её руки от головы…

Вдруг налетел холодный ветер, колючий, словно песок. И послышался голос:

– Эта… принадлежит… мне.

Толпа гулей, словно по команде, подхватила её и куда-то понесла. По пути девушка ударилась головой о горячую стену надгробия. Но прежде чем погрузиться в темноту, она ощутила поднявшие её песчаные руки.

– Кто ты и что здесь делаешь? – услышала она голос, как только очнулась.

В полной темноте светилась только мыслеформа джинна – лицо, состоящее из крохотных тусклых огоньков.

Что она могла ответить? Что выросла в отцовском дворце на Осколке Гомелеца. Что едва ей исполнилось восемь, как Крик Ярости унёс её мать.

Что она нередко убегала от своих наставников-джиннов: имея склонность к древним языкам, она выучила много тайных слов, которые сбивали их с толку.

Что после того как её сестра отправилась к сплетателю, чтобы стать мухтасибом, она почувствовала себя совсем одинокой. Она страстно хотела слушать запретные истории, хотела встречать возвращающихся из пустыни охотников за сокровищами, разговаривать с гулями и старыми джиннами из Города Мёртвых. А вместо этого отец отдал её Вейрацу.

– Меня зовут Таваддуд, – произнесла она. – Спасибо, что спас меня.

Склеп был очень маленьким, всего лишь крохотный закуток между гудящими машинами, которые вмещали разум джинна, в грубой бетонной постройке, возведённой гулями. Пол усыпан песком. Единственный источник света – лицо джинна.

– А, так ты та, кого ищут Кающиеся? – спросил джинн. Голос у него был мягким и робким, но вполне человеческим. – Ты должна уйти.

– Я уйду, – пообещала Таваддуд, потирая виски. – Мне только надо немного отдохнуть. Обещаю, утром я уйду.

– Ты не понимаешь, – сказал джинн. – Я не тот, с кем ты могла бы провести ночь. И это неподходящее место для таких, как ты.

– Я не боюсь, – отозвалась она. – Ты не можешь быть хуже Кающихся. Или моего мужа.

Джинн рассмеялся, как будто пламя, разгораясь, зашипело и стало потрескивать.

– Ах, дитя, ты ничего не понимаешь.

– У тебя есть имя? – спросила Таваддуд.

Огоньки в его лице затрепетали.

– Когда-то меня звали Зайбак, – ответил джинн. – Ты рассмешила меня. За это можешь остаться здесь и отдохнуть, ничего не опасаясь.

Вот так девушка, которая любила монстров, стала жить в склепе джинна Зайбака в Городе Мёртвых. Она довольствовалась скудной пищей и проводила долгие дни, восстанавливая надгробия вместе с гулями и другими слугами джинна. Она сделала более уютным склеп Зайбака, украсив его ковриками и

подушками, свечами и глиняными кувшинами.

На её вопросы о Зайбаке другие джинны отвечали только шёпотом.

– Он мечтает умереть, – сказал один гуль. – Он устал. Но в Городе Мёртвых нет смерти.

Но когда они были вместе, Зайбак не говорил о смерти. Вместо этого он отвечал на все её вопросы, даже на те, которых не хотели слышать её наставники-джинны.

– Как выглядит пустыня? – спросила Таваддуд однажды вечером. – Я всегда хотела пойти и посмотреть, так, как поступают муталибуны.

– Наша пустыня совсем не такая, какой видят её муталибуны. Пустыня полна жизни, в ней текут реки мыслей и растут леса памяти, стоят замки историй и снов. Её даже нельзя назвать пустыней.

– А почему же ты пришёл сюда? Почему джинны приходят в Сирр?

– Ты не представляешь себе, что значит быть джинном. Нам всегда холодно. Нет виров, нет плоти. Но мы помним свои тела: они чешутся, болят и страдают. Конечно, есть ещё атар, но это совсем не то. Здесь, по крайней мере, теплее. А мы тоскуем по теплу.

– Если всё так ужасно, почему ты не возьмёшь к себе кого-то из гулей, как делают другие? Почему ты живёшь один?

На это джинн ничего не ответил. Он покинул склеп, направил куда-то свой разум, и той ночью Таваддуд заснула в одиночестве и в холоде.

Через несколько ночей Зайбак вернулся. Таваддуд зажгла свечи и украсила склеп. Она помылась в баке с прохладной водой и пальцами расчесала спутанные волосы.

– Расскажи мне историю, – попросила она.

– Не расскажу, – ответил Зайбак. – Ты сошла с ума, раз просишь меня об этом. Тебе пора вернуться к своей семье.

– Я не понимаю, за что ты себя наказываешь. Расскажи мне историю. Я хочу этого. Я хочу тебя. Я видела, как изменилась моя сестра. Она никогда не остаётся в одиночестве. Ты мог бы жить во мне. И тогда тебе больше не пришлось бы мёрзнуть.

– Всё совсем не так. Стоит тебе ко мне прикоснуться, и ты возненавидишь меня.

– Я не верю тебе, Зайбак. Ты хороший. Я не знаю, что, по твоему мнению, ты сделал, но уверена, что была бы счастлива стать частью тебя.

Зайбак долго молчал, так долго, что Таваддуд решила, будто он рассердился и опять исчез и уже никогда не вернётся. Но

потом он неторопливо, как настоящий рассказчик, начал говорить.

ИСТОРИЯ О ЗАЙБАКЕ И ТАЙНЕ

В молодости у меня было тело. Я жил в городе. Теперь уже трудно его вспомнить. Но каждое утро мне приходилось ездить на поезде. Я помню, как он покачивался. Помню, что внутри пахло людьми, кофе и пирожками. Ещё помню, как размышлял, что легко могу представить себя кем-то другим: татуированным парнем в голубой спортивной куртке или девушкой, склонившей голову над пьесой и вслух повторяющей строчки. Достаточно было всего лишь на мгновение поймать взгляд человека.

Я хорошо помню этот поезд, но не помню, куда он шёл.

И я помню, когда всё рухнуло. С неба попáдали дроны. Здания, словно разбуженные животные, сдвинулись со своих фундаментов. Вдали слышался грохот, космические корабли, пытаясь скрыться, поднимались ввысь.

А потом была целая вечность холода и темноты.

Когда я пробудился ко второй жизни, мне потребовалось много времени, чтобы к ней приспособиться. Я должен был сдерживать себя, чтобы не погрузиться в мозги химер, и смотреть яркие сны, чтобы не сойти с ума. Я создал себе сон-поезд, где мог принимать облик других людей. И он, покачиваясь и постукивая, нёс меня сквозь годы.

Однажды в этом поезде мне встретился Принц-цветок.

Он стоял, слегка отклонившись назад и держась рукой за жёлтый поручень под потолком. На нём был голубой бархатный пиджак с цветком на лацкане. На лице усмешка.

– Зайбак, что ты здесь делаешь, совсем один? – спросил он.

Я подумал, что это сон, и рассмеялся.

– Неужели лучше пробовать на вкус рухов и химер, как мои собратья? – отозвался я. – Я предпочитаю смотреть сны.

– Сны – это хорошо, – заметил он, – но однажды тебе придётся проснуться.

– И стать бесплотным разумом в пустыне? Чтобы меня поймали муталибуны, посадили в кувшин и отдали в услужение жирным господам и госпожам Сирра, которые будут забавляться, пока не соизволят меня отпустить? – спросил я. – Любой кошмар лучше такой участи.

– А что если бы я научил тебя, как завладевать их жирными телами? – поинтересовался он, насмешливо сверкнув глазами.

– Как же это сделать?

Он обнял меня за плечи и прошептал на ухо:

– Я открою тебе тайну.

Позволь мне открыть её тебе, Таваддуд, чтобы мы могли стать единым целым.

Было время, когда девушка, которая любила монстров, и Зайбак жили почти как карин и мухтасиб, более того, она не была ни его повелительницей, ни его рабыней. Они вместе искали укромные места, ходили по Городу Мёртвых и тайным тропам Бану Сасан.

На некоторое время они стали новым существом. Когда Таваддуд смотрела, как на крыши склепов падает дождь и от них поднимается пар, казалось, будто Зайбак видит это впервые.

Однажды в Город Мёртвых пришёл человек по имени Кафур. Когда-то он был высоким и красивым, но теперь прихрамывал и ходил, закутавшись в балахон и надвинув на голову капюшон.

– Я слышал, что здесь появилась женщина, которой удалось приручить Аксолотля, – обратился он к гулям.

Те пошептались и проводили его к Таваддуд.

Она с улыбкой предложила ему чашку чая.

– Слухи, без сомнения, весьма преувеличены, – сказала Таваддуд. – Я просто бедная девушка, которая живёт в Городе Мёртвых и служит джинну за то, что он предоставил ей кров.

Кафур смотрел на неё, почёсывая короткую бородку.

– Что ж, и тебе этого достаточно? – спросил он. – Я знаю, ты из хорошей семьи и привыкла к лучшим условиям, чем здесь, в склепе. Если ты пойдёшь со мной, я покажу, как может жить в Сирре женщина, способная заставить джинна выполнять её желания.

Таваддуд покачала головой и отослала его прочь. Но, раздумывая над его словами – и её мысли смешивались с мыслями Аксолотля, – она поняла, что скучает по обществу людей, по тем, кому не приходится жить в склепах и чьи прикосновения не напоминают песчаный ветер. Та её часть, что была Зайбаком, говорила, что надо было принять предложение. А та часть, что была Таваддуд, отвечала, что никогда не покинет его. Но, возможно, всё было и наоборот.

Однажды утром она сказала Зайбаку, что видела во сне поезд.

– Ты превратишься в меня, – произнёс Зайбак. – Я слишком стар и силён.

– Да, ты ведь мой огромный джинн, мой ужасный Аксолотль, – поддразнила его Таваддуд.

– Да, я Аксолотль.

После этих слов Таваддуд замолчала.

– Я думала, он просто насмехался над тобой, – прошептала она наконец.

– Я рассказал тебе, что украл моё первое тело. Я явился в Сирр из пустыни и практически завладел им.

Таваддуд закрыла глаза.

– Мой дед помнил ту ночь, когда пришёл Аксолотль, ночь гулей, – начала она. – Он говорил, что это походило на чуму. Она распространялась вместе с шёпотом. Улицы были заполнены людьми с пустыми глазами, безумцы резали собственную плоть, жадно ели, занимались любовью.

– Да.

– В конце концов гулей подняли на Осколок Соареца. Мужья взяли своих жён, которых больше не узнавали, матери взяли детей, которые разговаривали странными голосами, и всех их прогнали вниз, в пустыню.

– Да.

– Кающиеся начали охотиться за историями. Сказать неправду означало смерть.

– Да. – Зайбак немного помолчал. – Мне хотелось бы заявить, что я не желал этого. Что я был опьянён ощущением плоти, что потерялся в многочисленных сплетениях и не понимал, что делаю. Но это было бы ложью. Я был голоден. И я всё ещё голоден. Если ты останешься со мной, Таваддуд, твои мысли станут моими мыслями. Ты этого хочешь?

– Да!

Нет, ответила одна из её половинок, но Таваддуд не знала которая.

Она проснулась в холодном и тихом склепе и уже не могла понять, о чём напоминал ей клубящийся над крышами после утреннего дождя пар. Она сидела, пока солнце не поднялось до середины неба, и пыталась вспомнить тайну Принца-цветка, но она исчезла вместе с Зайбаком-Аксолотлем.

Тогда девушка, которая любила монстров, а одного больше всех других, собрала свои вещи и перешла жить во Дворец Сказаний. Но это уже совсем другая история.

История заканчивается, и тогда Таваддуд становится Арселией, а Арселия – Таваддуд. Она окружена чем-то тёплым и твёрдым и удивляется, глядя на свои руки – более красивые, чем она помнит, надушенные и умащённые, покрытые затейливым красно-чёрным узором, украшенные золотыми кольцами. Таваддуд поднимает руки – руки Арселии – и ощупывает себя,

словно слепая. Человек с тёмным лицом наблюдает за ними, но Таваддуд говорит себе, что беспокоиться не о чем: это друг, и он не причинит им зла.

Расскажи, что произошло, просит Таваддуд и на мгновение чувствует нежелание Арселии говорить. Но Таваддуд настаивает, а Арселия ощущает себя в безопасности, частично в кувшине-птице, частично в тёплом теле.

«Когда-то давно я жила на острове, у самого моря. Я отлично распознавала узоры. Видела их в облаках и вывязывала в носках для своих внуков. Потом мои руки стали болеть и дрожать. Я не хотела становиться дряхлой и отказалась от своего разума. Тогда мне прислали загрузочную аппаратуру. Я попрощалась с Ангусом на его могиле. Сидя там, я проглотила таблетку и надела на голову холодную корону. Я надеялась, что встречусь с ним там, на другой стороне. Но боль в моих руках так и не прошла».

Ш-ш-ш. Не думай об этом. Думай об Алайль.

«Я скучаю без Алайль».

Я понимаю. Каково это – быть Алайль?

«Я помогала ей различать узоры в пустыне, в ветре и в диком коде. Мы находили сокровища. Там, под землёй, живут призраки, и их можно выкопать, если только знать, где искать. Нам нравилось летать. Мы забирались на снасти рух-кораблей. Нам кричали, чтобы мы спускались, но мы не обращали на это внимания. Посмотри, какими испуганными они выглядят там, внизу, – Веласкес и Зувейла, и все остальные. Они не видят огоньков под кожей пустыни, а мы видим, и мальчик тоже видит. Взгляни на огоньки!»

Таваддуд поднимает руки и прижимает ладони к глазам. Чем сильнее она надавливает, тем ярче становятся огоньки.

«Взгляни на них!»

Нет, нет. Взгляни на меня. И вот она смотрит на Арселию и улыбается. По её щекам текут слезы, но она всё равно улыбается.

Думай об Алайль, а не об огоньках.

«Устала. Болят руки. Совет. Встречи. Кассар хочет отказаться от огоньков, отдать их алмазным людям. Возможно, пришло время от них отказаться. Я слишком устала, чтобы ходить по пустыне. Раньше я никогда так не уставала. Я снова хочу уставать. Я хочу спать. Хочу видеть сны. Давай танцевать, пока я не устану? Я слышу музыку».

Она пытается подняться. Её ноги хотят танцевать.

Позже. Я знаю, каково это. Куда ушла Алайль?

«Её забрал Аксолотль».

Нет. Этого не может быть.

От шока голову как будто стягивает жёсткой колючей проволокой. Таваддуд отчаянно старается сохранить сплетение, позволяет воспоминаниям Арселии окутать себя – *холодное утро, волны бьют в суровый скалистый берег, лицо ласкает солёный ветер, в руке рука* – и через мгновение она снова оказывается в мыслях птицы.

Ты уверена? Он был в моей истории, Арселия. Или ты тоже рассказываешь историю?

«Нет, просто раньше я не знала его имени. Но это был он, джинн из твоей истории. Аксолотль».

Откуда он пришёл?

«Он был нами, а мы были им, и он сказал, что всё будет хорошо, что Алайль отправится в лучшее место, как думала я, сидя на могиле. Но я видела, как ею завладел дикий код. Насекомые из чёрных чернил. Они покрыли её всю. Аксолотль лгал. Истории всегда лгут».

Какие истории?

«Я видела их в огоньках. Там был круг. Он хочет перепрыгнуть через квадрат. Он пытается, но безуспешно, снова пытается и опять не может этого сделать. Квадрат влюблён в круг и не хочет его отпускать. А круг ищет то, что потеряно».

Где ты это слышала?

«Я не помню».

А куда… куда ушёл Аксолотль?

«Я не видела. Она спрятала меня. Когда он пришёл, она убрала меня в тайник. Вокруг него в атаре сплошная стена. Я скучаю по Алайль. Я её карин. Она мой мухтасиб».

Да, конечно. Ты навсегда останешься её карином.

«Она должна была больше мне доверять. Она могла жить во мне. Она всегда брала меня с собой наблюдать за огоньками, а потом прятала меня. Она должна была больше мне доверять. А теперь её нет. Она оставила мне только одно».

Что же?

«Я не могу тебе сказать».

Скажи и тогда сможешь уснуть. Скажи и сможешь танцевать.

В её голове эхом звучит сложное, как лабиринт, слово. Тайное Имя сверкает перед её мысленным взором своими слогами, словно цепочкой жемчужин. Оно очень длинное, почти целая мелодия, и, как все Имена, приносит с собой ощущение безмятежности: кухня в доме отца, еда уже почти готова, его руки лежат у неё на плечах, а волны набегают на берег давно исчезнувшего острова. И запах волос Ангуса ранним утром.

Теперь пора опять уснуть, говорит Таваддуд. Арселия

ощущает, как губы произносят слова, превращающиеся в музыку, и вот она снова в кувшине-птице, и ей снится, что она танцует, что она стала Таваддуд.

Таваддуд поднимается и бережно усаживает Арселию на жёрдочку. У неё болят суставы рук. Искусственное сплетение устанавливается на время, но никогда не обходится без последствий. Таваддуд лишь надеется, что та часть её, которая осталась в сознании Арселии, даст карину хоть какое-то спокойствие, хотя сама чувствует себя более встревоженной, чем прежде. Она снимает бими и опускается на стул. Ноги дрожат.

Почему он это сделал? В её голове мелькает облик Алайль. *Как он мог? И зачем?*

Он Отец похитителей тел. Но он говорил, что никогда больше не станет так поступать. А вдруг это из-за меня? Из-за того, что мы не можем быть вместе?

Таваддуд ощущает присутствие Аксолотля в фрагментах воспоминаний карина. Круг и квадрат. В этом есть что-то странное: примитивная абстракция, словно рисунок ребенка. Запретные истории похитителей тел обычно бывают очень увлекательными, полными опасностей и неожиданностей, с персонажами, которые входят в ваше сознание и становятся вами. Но в данном случае это грубое и откровенное стремление что-то найти.

И ещё Тайное Имя, которое до сих пор звенит в голове медным колоколом.

Сумангуру внимательно следит за ней. Таваддуд молча смотрит на него и прижимает ноющие пальцы к вискам.

– Прошу прощения, господин Сумангуру. После этого всегда требуется некоторое время, чтобы оправиться.

Что я ему скажу? Что это был мой любовник? Кто знает, что он может сделать?

Она потирает лоб и старается выглядеть более слабой, чем на самом деле, а после бессонной ночи, пропущенного завтрака, полёта на ковре и сплетения это совсем не трудно.

– Прошу вас, дайте мне несколько минут.

Она встаёт и подходит к небольшому пруду в тени дерева-мельницы. Крохотные рухи мелькают над поверхностью воды, разбивая отражение кончиками крыльев. Таваддуд споласкивает лицо, нимало не заботясь об испорченном макияже. Внутри всё сжалось. Кожа онемела.

Девушка, которая любила монстров. Но я не верила, что он был одним из них. Даже если он утверждал это.

Сумангуру всё так же неподвижно сидит рядом с птицей и

наблюдает за ней. Таваддуд выходит в освещённый круг под куполом и заставляет себя улыбнуться.

– Итак?

– По большей части это были просто помехи. Но очевидно, что мы имеем дело с одержимостью. Похититель тел овладел Алайль, но, прежде чем захватчик добился полного контроля, она успела спрятать своего карина.

– Что вы узнали об этом… похитителе?

– Только отзвуки истории, используемой в качестве переносчика инфекции.

– И это всё?

– Да. Но, по крайней мере, теперь мы знаем, что это не самоубийство. – Она опускает взгляд, делает вид, что вытирает глаза, и продолжает дрожащим голосом: – Мне очень жаль, господин Сумангуру. Госпожа Алайль была другом нашей семьи.

– А с какой целью вы рассказывали историю этому существу?

– Как я говорила, история предназначена для прочного сплетения, для проникновения частицы моего разума в сознание Арселии. Это всего лишь детская сказка, ничего больше.

Сумангуру поднимается. В его руке внезапно появляется складной нож. Он неторопливо открывает лезвие.

– Вы великолепно лжёте. Но я много раз слышал ложь и знаю, как она звучит. – Он придвигается так близко, что Таваддуд чувствует запах металла и машинного масла. – Мне нужна правда. Что рассказала вам птица?

Таваддуд охватывает гнев. Она выпрямляется. *Представь себе, что это наглый джинн.*

– Господин Сумангуру, я дочь Кассара Гомелеца. В Сирре обвинение во лжи – это очень серьёзно. Вы хотите, чтобы я снова вас ударила?

– Гм. – Гогол прикасается лезвием к своим губам. – А вы хотите, чтобы я сделал с вами то же, что делал с птицей?

– Вы не посмеете.

– Я служу Великой Всеобщей Цели. Любая плоть для меня одинакова.

И вдруг в его глазах снова что-то мелькает, какое-то неожиданное добродушие.

– Вы не можете говорить со мной подобным тоном, – слышит Таваддуд собственный голос. – Как вы смеете?! Вы явились сюда и смотрите на нас сверху вниз, словно на игрушки. Разве это ваш город? Разве это ваш дед Зото Гомелец говорил с Ауном и просил защиты от дикого кода? Вы можете угрожать, но вы угрожаете не только Таваддуд: за мной стоит Сирр, и Аун, и пустыня. Однажды они уже восстали против вас. И снова восстанут, если мой отец

произнесёт необходимые Имена. Вы должны проявлять уважение, господин Сумангуру, или я одним словом лишу вас Печатей, и тогда посмотрим, проявит ли дикий код такое же милосердие, как Таваддуд Гомелец.

Она задыхается от гнева. *Таваддуд – дипломат.* Она сжимает кулаки с такой силой, что кольца джиннов впиваются в пальцы.

Спустя мгновение гогол Соборности негромко смеётся, опускает нож и разводит руками.

– Вам следовало бы стать сумангуру, – говорит он. – Возможно, мы могли бы…

Налетевшая тень не даёт ему закончить фразу. Таваддуд поднимает голову. В голубом небе рябит от блеска сотен прозрачных жужжащих крыльев. *Быстрые.*

Раздаётся залп сотни ружей. Расколовшийся купол осыпает Сумангуру ливнем осколков. А потом металлическим дождём обрушивается целый поток игл.

13
История о воинствующем разуме и камне Каминари

Флот Соборности обрушивается на квантовый мусор из тени космической струны.

Воинствующий разум координирует атаку из боевого вира. Единственным проявлением материальности – данью уважения к Прайму – является едва уловимый запах оружейной смазки. Воинствующий разум полностью растворён в данных боевого пространства, фильтруемых и преобразуемых его метасущностью. Он смотрит глазами своих копи-братьев – от самой примитивной боеголовки наноракеты до собственной ветви в *областном* корабле.

Ему необходимы они все, поскольку приходится компенсировать недостаточность обзора: космическая струна отсекает часть пространства-времени, создавая эффект линзы, из-за чего корабли зоку раздваиваются. Космическая струна – это оставленный Вспышкой шрам в вакууме, толщиной менее одного фемтометра и длиной десять километров. Она образует петлю и обладает массой, превосходящей массу Земли, поскольку обросла облаками пыли и водорода, словно кость плотью.

Струна поглощает несколько из двух сотен *районных* кораблей воинствующего разума. Они бесшумно вспыхивают по всей длине, как бриллианты в ожерелье Пеллегрини. Но эта жертва обеспечивает преимущество неожиданного нападения. Остальной флот надвигается на корабли зоку клещами термоядерного огня.

По сравнению с клиновидными многоугольными судами Соборности корабли зоку кажутся громоздкими и неуклюжими. Некоторые из них, словно заводные игрушки, представляют собой сложнейшие конструкции, внутри которых обитают разумы, расточительно воплощённые в физические тела. Другие имеют эфемерный вид: мыльные пузыри, заполненные квантовым мозгом, зелёные и голубые, живые – их свойство поддерживать долговременные квантовые состояния является ещё одной причиной ненависти со стороны беспорядочной биологии старой Земли.

Но у зоку имеются свои козыри в рукаве. Даже вне световых конусов друг друга они выполняют манёвры невероятной сложности, которые оказываются безупречной реакцией на

действия смыкающихся клещей Соборности, которые извергают в противников странглетовые снаряды. Каждый залп вызывает гейзеры экзотических барионов и гамма-лучей, но ущерб они наносят гораздо меньший, чем рассчитывал воинствующий разум.

Квантовый мусор, повторяет он про себя. Эту войну оправдывает уверенность зоку в непредсказуемости и уникальности квантовых состояний, их приверженность теории о запрете клонирования, что в конечном счёте означает смерть для каждого. Как и все его братья, он был создан для войны против смерти. И он не собирается проигрывать.

По команде воинствующего разума архонты флота применяют равновесие Нэша, и *районные* суда объединяются в плотные самостоятельные группы, которые окружают корабли зоку, пытаясь лишить противника преимущества, создаваемого устойчивой сцеплённостью. Это оказывается очень легко: зоку расходятся, оставляя в центре широкую брешь…

Но через мгновение середина уже не пустая. Мета-покровы двух огромных кораблей, построенных в «Ганклубе» зоку, рассеиваются перед самым залпом. Эти суда превосходят по величине даже *областной* корабль: они представляют собой сферы с многокилометровыми хвостами линейных ускорителей. Корабли стреляют планковскими чёрными дырами, которые испаряются в яростной кульминации излучения Хокинга, превращая в энергию целые горы материи.

Что они здесь делают?

В пламени взрывов исчезают *районы* вместе с миллионами гоголов. Воинствующий разум игнорирует раскаты грома, заменяющие предсмертные вопли фактической гибели его копи-братьев, и отделяет гогола, чтобы тот ликвидировал последствия шока, – гогол ещё успевает энергично поблагодарить его вспышкой сяо за возможность способствовать достижению Великой Всеобщей Цели. Воинствующий разум подводит *областной* корабль ближе. Гоголы-аналитики предоставляют множество вариантов уничтожения новых врагов.

Они что-то защищают.

Воинствующий разум оставляет без внимания разбегающиеся корабли зоку и сосредотачивается только на судах «Ганклуба», нацеливая на них всё имеющееся оружие.

Странглетовый снаряд пробивает их защиту и раскалывает зеркальную оболочку герметичной сферы, которая обеспечивает собственное излучение Хокинга, удерживая чёрные дыры в состоянии стабильности. Колоссальный взрыв освещает космос и уничтожает оба гигантских корабля зоку. А заодно и несколько районов. Но жертва не напрасна.

Гоголы воинствующего разума прочёсывают облака ионизированного газа и неустойчивую сеть топологических дефектов и находят предмет, который охраняли зоку.

Воинствующий разум потратил субъективные годы, чтобы постичь суть Разрывов Там, Где Был Юпитер, паутину космических струн, нетривиальную топологию, вкрапления экзотической материи, сминающей пространство-время словно листок бумаги. Но такого он никогда не видел.

У него вырывается ругательство. Значит, придётся разговаривать с Ченом.

Воинствующий разум ненавидит вир Чена. Он создан на основе языка. Состоит из иероглифов, выведенных чернилами по белой бумаге: отдельные штрихи превращаются в слова и предметы. Волна, набегающая на чёрно-белый берег. Мост. Скала. Абстракции, являющиеся одновременно символом и толкованием. Для поддержания столь сложной конструкции требуется немало гоголов-демиургов, которые постоянно преобразуют вир, чтобы обеспечить когерентное восприятие.

По мнению воинствующего разума, здесь скорее попахивает Царствами квантового мусора, чем виром Соборности. Сам он, как и его копи-братья, предпочитает проявлять уважение к Прайму и напоминать о грубости войны физическим воплощением. А здесь нет никаких воспоминаний Прайма: нет ни одного священного модуля, какие встречаются во всех вирах Соборности.

И самое худшее – это тьма в центре вира, густая клякса чернил, не имеющая смысла, безмолвие, окружённое словами, которые не в состоянии его выразить:

цвет пустоты;

дракон, высиживающий яйцо посреди зимы;

странный незаштрихованный контур;

шёпот / письмо / рисунок демиургов. Воинствующий разум вздрагивает. Этот предмет может быть только запертым в клетку Драконом. Не эвдемонистический и не человеческий разум – единственная ошибка Основателей, существо, эволюционировавшее в первой *губернии* и превзошедшее человека. Несколько тысяч лет назад, в Глубоком Прошлом, они освободились от оков и развязали ужаснейшую во всей истории Соборности войну. Они стали причиной отказа Праймов от попыток улучшить когнитивное строение человекообразных, из-за них гоголы были ограничены мысленными оболочками, вирами и метасущностями виртуальные машины внутри виртуальных машин, словно луковая шелуха. Всё ради того, чтобы не родился

больше ни один Дракон. А тех, что ещё остались, чены держат в цепях, то ли чтобы использовать в качестве оружия, то ли для напоминания о прошлой ошибке.

– Прими мои поздравления с великой победой, брат, – говорит Чен.

Хорошо хоть сам он представлен здесь не в виде слова, а в образе невысокого человека с рано поседевшими волосами, настолько бесцветного, что мог бы сойти за рисунок тушью.

– Ты великолепно справляешься со своей частью Плана.

Воинствующий разум фыркает.

– Знаешь, я обнаружил кое-что, не являющееся частью Плана.

– Вот как? – изображая вежливое любопытство, переспрашивает Чен.

– Именно так. Я пришёл просить разрешения задержать отправку на галилеев сборный пункт. Зоку явились сюда неспроста, и я хочу выяснить причину. А потом уничтожить их.

Чен улыбается. По своему положению он выше воинствующего разума на несколько поколений, и необходимость соблюдать строгую иерархию сяо, особенно в военное время, очень раздражает последнего. Но, учитывая политический хаос, воцарившийся в *губерниях* после Вспышки, чены настаивают на присутствии наблюдателей в каждом *районе.* Этот Чен всегда был предельно вежливым, но объяснять кому бы то ни было свои поступки воинствующему разуму не по нраву.

– Конечно, это твое решение, – соглашается Чен. – Я не желаю вмешиваться в управление флотом. Тем не менее я хотел бы лично посмотреть на твою находку.

Воинствующий разум кивает и мысленно обращается к своему Коду в небесной тверди. Гоголы-демиурги вздрагивают от интенсивности его вторжения и в ужасе частично разрушают написанный тушью вир. Воинствующий разум с мрачным удовольствием наблюдает, как рассеивается лингвистическая конструкция Чена. Изящный мост и бамбуковые заросли превращаются в серые пятна. Чен бросает в сторону своего собрата недовольный взгляд, но затем его внимание приковывает открытый воинствующим разумом субвир.

Воинствующему разуму известно о камнях зоку: это устройства для хранения сцепленных квантовых состояний, скрепляющие отдельные коллективы. Это всегда казалось ему смешным: подчиняться, по существу, случайным приказам, даже если они коррелированы с другими состояниями. То ли дело прислушиваться к верному голосу метасущности, согласованному с Планом.

Но этот предмет не похож на обычный камень зоку. В

реальном пространстве он имел бы диаметр около десяти сантиметров. В нём просматривается двойственность, инь и янь, и он похож на две доли хрустального мозга, соединённые в центре и сверкающие пурпурным и белым огнём. Обе половинки состоят из себе подобных структур, повторяющихся контуров, напоминающих древесную листву или две руки, поднятые в молитве к какому-то божеству.

Воинствующий разум исследует находку тысячью нанопальцев гоголов. Предмет состоит не из материи и даже не из хромотехнической псевдоматерии, которую теперь изготавливают в глубинах *губерний.* Это кристаллизованное пространство-время, ставшее видимым благодаря странному прохождению лучей света. Но при этом не наблюдается ни сингулярности, ни дискретности. Кроме того, предмет живой: фрактальные пальцы двигаются и сгибаются. Возможно, это реакция на некоторые квантовые флуктуации в системе, определяющей его строение.

– Удивительно, – сдавленно произносит Чен.

Воинствующий разум удивлён.

– Ты уже видел это?

– Не совсем так, – отзывается Чен. – Но мои братья и я давным-давно ведём с зоку Великую Игру. Мы… надеялись отыскать нечто подобное.

– И что же это?

– Кроличья нора, – отвечает Чен. – «А вдруг я пролечу всю Землю насквозь…»[21]

В его глазах появляется мечтательное выражение. Он легонько прикасается к предмету из субвира.

– Я не понимаю, – говорит воинствующий разум.

– Я и не ожидал, что ты поймёшь, – отвечает Чен. – Это драгоценный камень зоку, называемый Каминари. У них долгая история, и у меня нет времени тебе её пересказывать. Но это великая история гордыни и трагедии. У меня есть гоголы, работающие над эпической поэмой на эту тему. Это всё равно что рассказывать о Трое. Или о Криптоне[22].

Воинствующий разум просматривает ссылки и фыркает:

– Значит, это последний уцелевший?

Чен холодно усмехается:

– Намного важнее. Они совершили то, чего не смогли мы. Вот почему произошла Вспышка. Вот почему мы здесь. Мы хотим узнать, как они это сделали.

Воинствующий разум внимательно смотрит на Чена. Его метасущность внутри ревёт от ярости. *Великая Всеобщая Цель требует усмирения физической реальности, истребления*

квантового мусора, требует вырвать кости из руки Бога и создать новую Вселенную с новыми правилами, внутри губерний, где все умершие могли бы жить снова, не соблюдая законов, написанных безумным Богом. Ради этого была развязана Протокольная война. Необходимо остановить зоку, оскверняющих эту мечту.

– Не смотри на меня так удивлённо, – говорит Чен. – Ограничения метасущности действуют только для низших гоголов. Поверь, ты сослужил Великой Всеобщей Цели огромную службу. Впоследствии ты будешь вознаграждён.

Он чертит в воздухе какие-то фигуры.

– Но прежде, боюсь, тебе придётся немного пострадать.

Нарисованные чернилами образы растворяются в омуте посреди вира. Воинствующий разум тянется к вир-оружию, припрятанному в тайниках его мысленной оболочки.

– Предатель! – рычит он.

– Ни в коей мере, – возражает Чен. – Я всегда верен снам. Даже когда приходит время просыпаться.

чёрное яйцо смерти;

зимний дракон поднимается, чтобы поглотить собственный хвост;

демиурги поют. И вот перед воинствующим разумом предстаёт Дракон. Алчное существо без структуры и логики выливается из черноты, словно кровь из раны. И рвёт аватар воинствующего разума зубами безумия.

Воинствующий разум чувствует, как в нём пробуждаются воспоминания и рефлексы ветви.

Он швыряет в челюсти кодированного существа собственные производные. Своим появлением Дракон разрушил вир, открыв ему выход. Воинствующий разум проскальзывает в боевой вир, загружает гогола в мыслевихрь…

…И происходит разрыв реальности. Внезапно он сам становится гоголом в вихре и со стороны наблюдает, как Дракон пожирает его флот. Двигатель Хокинга на *областном* корабле разрушается. Из оболочки мыслевихря взрыв видится тусклым сиянием, но внутри воинствующего разума, несмотря на фантомную боль в отсутствующем теле, пылает огонь. *Основатели узнают об этом,* клянётся он. *Ради всех моих братьев. Ради Цели.*

Вселенная, созданная квантовыми богами, жестока и непредсказуема. Не успевает он достичь ближайшего маршрутизатора, как налетают корабли зоку, уцелевшие в бою у космической струны. Воинствующий разум пытается сражаться, чтобы заслужить быструю фактическую смерть. Но зоку не настолько милосердны.

14
Таваддуд и Тайные Имена

Таваддуд нравится произносить Тайные Имена. В детстве их изучение требовало бесконечных повторений и практики, сопровождаемой суровыми нотациями джинна Херимона. Ей снова и снова приходилось медитировать над различными вариантами Имён и раз за разом воспроизводить каждый слог. А потом осваивать пересечение их геометрических изображений на бумаге, пока фигуры не начинали преследовать её во сне. Но тяжкие усилия были щедро вознаграждены. Дуни очень любила играть с Именами. Она создавала невиданные движущиеся картины, за что получала строгие предупреждения от Херимона об опасности, которую представляют похитители тел, но сестра не слушала и лишь гремела кувшином джинна– наставника, пользуясь руками в атаре.

А Таваддуд обычно тихонько сидела на балконе и без конца прислушивалась к звенящим в голове словам. Спокойная царственная уверенность Малик аль-Мулька[23], заставляющая чувствовать себя королевой мира. Праведный гнев аль-Мунтакима Карающего. Спокойное созерцание аль-Хакима Мудрейшего.

Общеупотребительные сокращённые Имена, приведённые в Книге, передают лишь незначительную часть их сути. Всё это имена Ауна, и, призывая его, можно контролировать мир, управлять фоглетами, внедрёнными в атмосферу Земли, камнями и водой. Таваддуд всегда кажется, что Имена не просто действуют на окружающий мир, но пробуждают что-то в ней самой, словно встреча со старыми друзьями.

Но сейчас, когда на них напали Быстрые, она мысленно и вслух выкрикивает Имя, которое не считает своим другом.

Её страх смешивается с опасениями аль-Мухеймина Спасителя, чьё прикосновение превращает атар вокруг неё в крепкую как камень оболочку. В голове проносятся утраченные слова из Сирра-на-Небе. Уши раздирает пронзительная трель – иглоружья Быстрых. Крошечные снаряды и падающие осколки высекают искры из её защитной оболочки.

Сумангуру вздрагивает от залпа. Его форма расцветает алыми пятнами. А в следующее мгновение он полностью скрывается в вихре прозрачных крыльев. Таваддуд с криком бросается вперёд, но перед ней с шумом опускаются два воина.

По меркам Быстрых они настоящие гиганты – около фута

ростом и, по обычаю жителей городов-близнецов Куша и Мисра, одеты в белую керамическую броню. Их спуск сопровождается выделением тепла и резким запахом продуктов метаболизма. Стрекозиные крылышки не перестают трепетать, образуя блестящие бело-голубые диски. Маховики изящных латунных иглоружей, нацеленных в голову Таваддуд, издают пронзительный вой.

Воины остаются в неподвижности почти целую секунду, и этого достаточно, чтобы она успела разглядеть их чёрные глаза-бусинки. Быстрые обмениваются несколькими фразами, которые кажутся Таваддуд резкими всплесками помех, а затем устремляются к Арселии, всё ещё сидящей на своей жёрдочке. Один из воинов вонзает в затылок птицы острый шип. Металлическая птица бьёт крыльями и золотистым пятном взмывает вверх, унося с собой двух белых всадников. Видя, как она поднимается к разбитому куполу, Таваддуд не в силах удержаться от крика.

Весь рой бросается на Сумангуру и облепляет его, превращая в живую статую, состоящую из визжащих маленьких человечков. А сверху тщательно выбирает позицию ещё одна группа с более основательным оружием.

Таваддуд выкрикивает первое пришедшее на ум Имя. Это аль-Каххар Господствующий. Эхо тайного Имени рябью расходится по атару. Рой захлёстывает волна растерянности, и Сумангуру в одно мгновение освобождается от противников. Иглоружья со стуком падают на пол. В руках гогола всё еще сверкает нож: его блестящее лезвие оставляет в воздухе остаточные блики. Через пару секунд Сумангуру, с ног до головы покрытый кровью, прозрачными тонкими внутренностями и хитиновыми оболочками Быстрых, остаётся на поле боя один. Уцелевшая часть роя улетает вместе с птицами-химерами, покидающими свою тюрьму.

Несколько мгновений Сумангуру с растерянностью и отвращением осматривает себя, затем стряхивает ихор с ворота мундира и осторожно потирает пальцы рук.

– Господин Сумангуру, они забрали карина, – говорит Таваддуд.

От Арселии уже осталась только едва заметная золотистая точка в небе. *Кто их послал? Почему вторженію не препятствовали Кающиеся? Как они узнали, что мы обнаружили Арселию?* Таваддуд взволнованно сглатывает. *Неужели Рамзан? Нет, это невозможно.*

Если они завладеют Арселией, мне никто не поверит.

Она обращается к кольцу джинна и вызывает ковёр.

– Господин Сумангуру?

Гогол бледен и растерян. Его грудь пестрит от царапин и ран, оставленных иглами и мечами Быстрых, на лбу глубокая ссадина. Он встряхивает головой, и в глазах на мгновение появляется прежняя холодная отстранённость.

А затем он отворачивается: его тошнит.

Дождавшись, когда прекратятся спазмы, Таваддуд касается его плеча.

– Господин Сумангуру, два предводителя Быстрых улетели на Арселии. Я вызвала ковёр: мы ещё можем их догнать. – Она кашляет. – И допросить.

Сумангуру сердито пинает крошечные тела, усеявшие пол.

– А с этими что? – бросает он.

– Все они мертвы. Маленький народец не очень дорожит своей жизнью. Как и представители Соборности, насколько мне известно…

В это мгновение она замечает ружьё. Оно сделано из чёрного дерева, с плавными мягкими изгибами, с механизмом из золота и меди, с выгравированными символами и Именами. Таваддуд поднимает оружие, на ощупь оно прохладное и гладкое.

– Что это такое? – спрашивает Сумангуру.

– Ружьё-барака[24]. Оружие мухтасибов. Оно разрушает Печати. Воспроизводит анти-Имя, Тайное Имя Смерти. Быстрые собирались воспользоваться им против вас.

– Чудесно, – хмуро бормочет Сумангуру. – А почему они оставили в покое вас?

Разговор прерывает появление ковра. Он опускается в вольер листом серебристого тумана и застывает в паре сантиметров от земли.

– У нас нет времени. В путь!

Таваддуд ступает на ковёр, и Сумангуру, слегка покачиваясь, следует за ней. Сначала кажется, что они стоят на водяном матрасе, но затем ковёр компенсирует их вес, и опора становится крепкой. Таваддуд чувствует, как её придерживают невидимые руки. Ковёр состоит из дорогостоящего утилитарного тумана, ещё не испорченного диким кодом. Тем не менее ему требуются регулярная чистка и обновление атар-заклинаний, чем занимаются специально приставленные джинны низшего ранга. Благодаря кольцу джиннов на пальце Таваддуд ковёр становится как бы продолжением её разума, как будто она сама несёт себя и Сумангуру на открытой ладони.

Усилием мысли Таваддуд поднимает ковёр через брешь в куполе к яркому солнечному свету и, словно во сне, пускается

вдогонку за золотой птицей.

Сначала ослепительное солнце мешает следить за Арселией. Небо над головой чистое, и где-то высоко в его голубизне угадываются белые и серебристые нити гигантской паутины Ковша, клетки вокруг Земли. Но в атаре птица блестит крошечной звёздочкой, указывающей путь. Вместе со своими наездниками она быстро опускается к Осколку Соареца.

Таваддуд делает глубокий вдох. *Ты сумеешь. Это не труднее, чем вместе с кабельщиком Джабиром спрыгнуть с Осколка Гомелеца в вертикальную яблоневую аллею, где тебя подхватит сеть ангелов.*

И Таваддуд направляет ковёр в вертикальный спуск.

Лазурные дворцы напоминают драгоценные камни, дома и сады сливаются в размытое пятно. Реки Света – древние окна Сирра-на-Небе – мелькают яркими лезвиями. От дикой щекотки в животе хочется смеяться. Волосы развеваются на ветру.

Таваддуд украдкой смотрит на Сумангуру: глаза гогола закрыты, и на мгновение он напоминает ей испуганного ребёнка. Таваддуд сжимает ложе ружья-бараки и сосредотачивается на силуэте карина. Фигурка птицы быстро увеличивается, и кажется, что они вот-вот смогут до неё дотянуться…

Быстрые резко поворачивают птицу в сторону от Осколка. Таваддуд еле успевает повторить манёвр и тотчас видит перед собой густой лес серебристых проводов. Это растяжки армады рух-кораблей – изящных платформ и цилиндров, окрашенных в золото и лазурь – цвета Дома Соарец. На парусах сверкают Печати.

Арселия ловко лавирует между едва различимыми на солнце, но смертельно острыми нитями. Таваддуд приказывает ковру обогнуть препятствие, но уже поздно. *Только не это.* Она закрывает глаза и ждёт, что провода вот-вот рассекут её тело.

В атаре раздается рёв, сравнимый с раскатом грома. Анти-Имя. Взрыв белого шума. Потом ещё и ещё. Таваддуд открывает глаза. Сумангуру как сумасшедший палит из ружья-бараки, выплёскивая разрушительные волны дикого кода, который острой косой разрезает перед ними все растяжки.

– Продолжай полёт! – кричит он, сверкая безумными глазами.

Таваддуд выравнивает ковёр и направляет его в образовавшуюся расщелину. Они проносятся мимо гигантских рухов. Ковёр раскачивается на ветру, поднятом прозрачными крыльями птиц, отчаянно пытающихся вырваться на свободу. Наконец они вылетают на открытое пространство, а вслед им несутся гневные крики муталибунов.

Таваддуд разворачивает ковёр. Арселия и Быстрые остались значительно ниже: металлическая птица блестит в сумраке квартала Тени у основания Осколка. Сердце Таваддуд бьётся так сильно, что готово выскочить из груди.

– Они направляются к Кушу и Мисру, – говорит она, показывая на напоминающие пчелиные ульи города-паразиты неподалёку от рынка гоголов. Маленький народец вьётся над ними так плотно, что их стаи кажутся твёрдыми. – Там нам их не поймать.

Будь они прокляты Ауном. Но я не сдамся.

Таваддуд снимает кольцо джинна и бросает его Сумангуру.

– Что вы делаете?

– Мы не успеем их догнать, – произносит она. – Вы будете вести ковёр, а я попробую кое-что другое.

Ковёр, лишившись управления, резко виляет, но уже через мгновение гогол, крепко зажмурившись, выравнивает ход.

Таваддуд возится со своим бими, стараясь не обращать внимания на ветер и тот факт, что она почти на километровой высоте и её несут крошечные роботы размером с пылинку. Сплетение всегда оставляет следы, и суставы её рук всё ещё побаливают. Кроме того, на такой высоте атар невероятно ясен и чист, он унесет её мысли на огромное расстояние.

Арселия, вернись ко мне.

Боль острой иглой пронзает голову. Она перестаёт быть собой. Крылья болят.

Арселия, поворачивай обратно. Голос напоминает луч солнца, он тёплый, чистый и прозрачный. Она борется с ветром, борется с болью и иглой. *Таваддуд.*

– Ловите её, – шепчет Таваддуд Сумангуру.

Её собственный голос доносится откуда-то издалека. Призрачная игла вонзается в спину. Таваддуд старается не замечать этого и продолжает звать Арселию.

– Она приближается! – кричит Сумангуру.

Таваддуд открывает глаза. Они опустились, до земли осталось не больше сотни метров, под ковром проносятся белые крыши квартала Тени. Люди показывают на них пальцами и что-то кричат. Тень ковра и тень Арселии догоняют друг друга. Таваддуд поднимает голову. Золотая птица с белыми игрушечными солдатиками на спине отчаянно стремится им навстречу. Сумангуру выпрямляется во весь рост и уже протягивает к ней правую руку.

В толпе на крыше сверкает вспышка. Леденящий гром Анти-Имени.

Арселия вместе с Быстрыми разлетается фонтаном голубых

искр.

Разрыв атар-связи отзывается в голове Таваддуд ударом молота. Ещё мгновение она ощущает фантомную боль в крыльях, которых у неё нет, а потом всё погружается в темноту.

Свет возвращается вместе с пульсирующей болью, прикосновением шершавых пальцев к щеке, удушливой жарой и гомоном толпы.

– Таваддуд? – окликает её Сумангуру. – Я прошу вас, откройте глаза.

Всё тело охватывает какое-то странное ощущение, как будто её опутывает лёгкая паутина. Таваддуд заставляет себя открыть глаза. Гогол Соборности сидит рядом с ней на корточках и проводит рукой по её телу, от его пальцев тянутся светящиеся щупальца, которые она видела в вольере для птиц.

– Не бойся, если верить ку-датчикам, у тебя ничего не сломано. Я не слишком хорошо справился с твоей игрушкой, но сумел приземлиться, прежде чем она разлетелась в пыль.

Он помогает ей сесть. Лицо Сумангуру в крови, мундир порван. Их обоих покрывает слой белого порошка – инертных фоглетов, оставшихся после распада утилитарного тумана ковра. *Наверное, я выгляжу не лучше.* Картины их безумного полёта проносятся перед глазами, вызывая головокружение. *Не могу поверить, что я это сделала.*

– Полагаю, для приземления можно было бы выбрать место получше, – замечает Сумангуру.

Усмешка на его покрытом шрамами лице выглядит неестественно, словно маска.

Они находятся на небольшой площади по соседству с рынками гоголов. Квартал представляет собой настоящий лабиринт торговых зон и тупиков. Дома из выбеленного камня на узких улочках качаются от тяжести общин Быстрых. Вокруг уже собралась небольшая толпа зевак: продавцы гоголов, ремесленники и лавочники.

– А вы… вы видели, откуда был сделан выстрел? – хрипит Таваддуд.

У неё пересохло в горле, руки и ноги всё ещё дрожат. Она пытается вызвать Кающихся, но кольца джиннов, выведенные из строя стрельбой из бараки, так же мертвы, как и ковёр. Внезапный страх заставляет её отыскать атар-очки и осмотреть Печати Сумангуру. Если не считать небольшого ослабления, произошедшего во дворце Алайль, они не повреждены, так же как и её собственные.

– Я был слишком занят тем, чтобы удержать ковёр в воздухе, – отвечает Сумангуру. – Кто бы это ни был, он явно

обеспокоен информацией, которой владел карин. – Он внимательно смотрит на Таваддуд. – Об этом нам необходимо поговорить, но не здесь. – Он помогает ей встать на ноги. – Обопритесь на меня. Надо убраться отсюда, пока противник не решился на повторную попытку.

– Моя сестра и Кающиеся скоро разыщут нас, – говорит Таваддуд. – И ваши раны серьёзнее, чем мои.

– Поверьте, бывало и хуже, – сжав зубы, отзывается Сумангуру. – Это всего лишь плоть. Но поговорить нам необходимо.

Солнечный свет с трудом пробивается сквозь плотную сеть кабелей, соединяющих дома между собой и с Городом Мёртвых, где обитают джинны-слуги. Воздух кажется густым от запаха человеческих тел и озона и от пронзительного щебета Быстрых, с невероятной скоростью пролетающих над головой. Таваддуд каждый раз вздрагивает, когда они проносятся мимо. У неё ноет всё тело, а от головной боли не удаётся избавиться даже с помощью Тайного Имени. Она вспоминает, что целый день ничего не ела, и они останавливаются около уличной кухни, где хозяйничает полная женщина в хиджабе.

Потом они усаживаются на краю торговой площади Байн-аль-Асрайн у подножия статуи Соборности и едят таджин. Острые специи и жестковатое мясо помогают Таваддуд восстановить силы. Сумангуру ест медленно, на его лице появляется ностальгическое выражение. Но стоит ему поднять глаза, как оно исчезает, уступая место обычной суровости. Он задумчиво ощупывает раны на груди. Они всё ещё немного кровоточат, и Сумангуру вытирает кончики пальцев.

– Я недооценил вас, Таваддуд из Дома Гомелец. Больше я не совершу такой ошибки. Вы сумели подобраться к врагам Великой Всеобщей Цели ближе, чем я. Кроме того, вы спасли от фактической гибели Сумангуру. Примите благодарность от меня и от моей ветви.

– Я думала, такие, как вы, не боятся смерти.

– Достижение Великой Всеобщей Цели – это война не на жизнь, а на смерть. Но солдат, который не боится противника, просто дурак. Итак, я благодарю вас.

Он слегка наклоняет голову.

Таваддуд внезапно охватывает смущение. Её волосы в беспорядке и покрыты пылью от ковра, одежда порвана. Когда в последний раз она ужинала с приятным мужчиной, который бы не был прислан её сестрой? Давно, слишком давно. Если, конечно, не считать того, что они едят на улице дешёвый таджин, её

спутником является профессиональный убийца Соборности, лишь несколько часов назад собранный нанороботами, а единственной причиной его визита стало преступление против Советницы, совершённое её бывшим любовником, похитителем тел.

И ещё есть Абу. *Я подумаю о нём позже.* И всё же из-под оболочки Сумангуру пробивается нечто, вызывающее у неё удивление. *Он был так испуган на ковре. Он не может быть монстром.* Она вспоминает Аксолотля. *Возможно, нельзя так слепо доверять первому впечатлению.*

– Господин Сумангуру, – говорит она, – в сознании карина… я обнаружила кое-что ещё.

Сумангуру молчит.

– Тайное Имя. Я думаю, Арселия хранила его для Алайль. Может, оно и не связано с её смертью, но, несомненно, имеет большое значение.

Пока она это произносит, слоги Имени мелодичными колокольчиками звенят в её голове, как будто Имя хочет вырваться наружу.

– Расскажите мне об Именах.

– Я думала, вас проинструктировали относительно истории Сирра.

Сумангуру прищуривается.

– Бывают случаи, когда важнее услышать историю, чем просто узнать её содержание.

Таваддуд отставляет свою миску.

– Имена – это слова и символы, которым научил нас Аун, чтобы контролировать атар и укрощать дикий код. Древние команды для систем Сирра-на-Небе и пустыни. Печати – это особые Имена, уникальные и незаменимые, они обеспечивают защиту от дикого кода, и только мухтасиб знает, как их создавать.

– Алайль хотела передать их нам, чтобы мы могли продолжить достижение Цели, не прибегая к помощи ваших муталибунов, – говорит Сумангуру. – Любой, кто возражает против этого, находится под подозрением.

– Вы найдёте очень много несогласных. Печати – это всё, что оставили нам наши предки. Символ Крика Ярости, – отвечает Таваддуд. – Передать их вам – подорвать нашу торговлю гоголами и экономику, позволить машинам Соборности заменить в пустыне наших муталибунов… Многие решительно возражают против этого.

Бледные глаза Сумангуру смотрят на неё, не моргая.

– А что думает по этому поводу Таваддуд из Дома Гомелец?

Таваддуд опускает глаза.

– Что правосудие должно свершиться.

– Интересное замечание. – Сумангуру сжимает пальцами переносицу, потом моргает и опускает руку. – А может, тот, кто убил Алайль, не думал об Аккордах, а просто хотел получить Имя, которое вы обнаружили? Вам известно, какой властью оно обладает?

Таваддуд качает головой.

– Некоторые Имена можно произносить только в определённом месте и в определённое время. Мне кажется, это одно из них.

Сумангуру пристально смотрит ей в глаза.

– Есть только две причины, почему убийца мог хотеть похитить карина или не позволить нам завладеть им: либо он стремился узнать Имя, либо опасался, что птице известно, кто виновен в гибели Алайль. Подумайте хорошенько: нет ли чего-то ещё, что вы увидели в сознании карина?

Таваддуд невольно сглатывает.

– Мне кажется, что вы кого-то защищаете, Таваддуд из Дома Гомелец, – тихо произносит Сумангуру. – Если это так, учтите: кто бы это ни был, он намерен развязать войну с Соборностью. А на войне зачастую становишься двойником своего врага и начинаешь бояться самого себя.

Он откидывается назад и смотрит на Ковш, тонкие линии которого постепенно скрываются за пушистыми вечерними облаками. Осколки сторожевыми башнями охраняют горизонт.

– Вам известна история Соборности?

– До сих пор я встречалась только с сянь-ку.

– Сянь-ку образуют немногочисленный клан одержимых прошлым. Больше всего на свете им хотелось бы создать ещё одну Землю, искусственную Землю, для всех, кто когда-либо существовал. Они предпочитают оглядываться назад. Но многие из нас смотрят вперёд. Даже в тех случаях, когда за это приходится дорого платить.

– Что вы имеете в виду? – спрашивает Таваддуд.

– После первой войны мы поняли, что этого, – Сумангуру постукивает себя пальцем по виску, – недостаточно. Когнитивной архитектуры человека до сих пор хватало лишь на то, чтобы установить Великую Всеобщую Цель. Есть, конечно, основные принципы, которые читрагупты считают универсальными. Рекурсия, мысли внутри мыслей. Основы языка, самоанализ, возможно, самосознание. Но почти всё это отдельные модули, неэффективно связанные между собой в процессе эволюции. Что-то вроде монстра Франкенштейна.

– Кого?

– Я всё время забываю, что это вымысел. Не обращайте внимания. Суть в том, что мы начали экспериментировать. И дело закончилось Драконами. Существами без сознания, без модулей. Один только двигатель, самомодифицирующийся эволюционирующий оптимизатор. Мы так и не смогли их уничтожить и только поместили внутрь виртуальных машин, изолировали. Как вы думаете, для чего существуют *губернии?* Это клетки для монстров. Всё остальное – только видимость.

– Вы уверены, что должны всё это мне рассказывать?

Таваддуд вспоминается молодой человек в оранжевом одеянии, политический астроном. Она уверена, что ни один обитатель Сирра не слышал ничего подобного.

– А вы думаете, что не должен?

Уголок губ Сумангуру слегка приподнимается.

– А что произошло потом?

– Мы боролись с ними. В Глубоком Прошлом война длилась несколько тысяч лет. Они были лишены морали, лишены внутреннего голоса, просто голый разум. И мы проигрывали. До тех пор, пока не начали отсекать от себя определенные части. Язык жестов. Теорию мышления. Сочувствие. Для победы над Драконами мы сотворили гоголов, которые были зеркальным отражением мерзавцев. Таких, как я.

Таваддуд смотрит на Сумангуру. Он холодно усмехается.

– О, я вполне могу прилично вести себя в обществе, но вы должны понять, что моей мимикой просто управляют гоголы-рабы. Мои эмоции позаимствованы со стороны. А мои личные цели и желания… очень отличаются от ваших. Поэтому, храня свои тайны, Таваддуд из Дома Гомелец, подумайте, стоят ли ваших забот те, кого вы защищаете, или они уже пересекли границу? – Он наклоняется ближе, и запах машинного масла в его дыхании становится настолько сильным, что Таваддуд испытывает тошноту. – Неужели вы хотите солгать тому, кто убивает Драконов?

Он берёт отставленную Таваддуд миску и с удовольствием доедает остатки таджина.

Дальнейшее ожидание проходит в молчании. Наконец на площадь медленно опускается ковёр, и с него сходит Дуньязада, сопровождаемая длинной и тонкой мыслеформой Кающегося. На сестре Таваддуд официальный костюм Совета в цветах Дома Гомелец: чёрное платье с золотой цепью в волосах.

Она кланяется Сумангуру и в ужасе сжимает руки.

– Господин Сумангуру! – восклицает она. – Вы серьёзно ранены? Мы немедленно доставим вас в дом моего отца и

позаботимся о лечении.

Сумангуру пожимает плечами.

– Плоть исцелится, – отвечает он. – В противном случае её придётся отсечь.

Дуни снова кланяется и поворачивается к Таваддуд.

– Дорогая сестра, – говорит она, крепко обнимая её. – Благословен Аун, ты жива! – Не выпуская её из своих объятий, Дуни торопливо шепчет на ухо: – Отец хочет тебя видеть. Лучше бы тебе снова убежать из дома.

Затем Дуни отстраняется и одаривает их сияющей улыбкой.

– Следуйте за мной, пожалуйста. Нам надо обсудить *так много* вопросов.

15
Вор и сауна

Накануне отбытия вора на Землю Миели готовит оортианскую пищу. Он в хорошем настроении: много рассуждает, расточает улыбки, но Миели то и дело краем глаза замечает в его лице какие-то перемены. Какую-то жестокость.

Видишь? Пеллегрини шепчет ей на ухо. Она присутствует на корабле во время приготовлений, следит за ними. *Надо верить, и тогда всё получится.*

Миели не реагирует на слова богини и продолжает накрывать на стол. Паучьи яйца в маленьких съедобных гнёздах. Очищенные плоды водооткачивающих деревьев. Колбы для напитков. И сауна уже греется.

– Всё это весьма изысканно, – говорит вор. – Но разве нам не следует провести оставшееся время за подготовкой к проникновению на самую, по моему мнению, охраняемую планету Системы?

– А мы и занимаемся подготовкой, – отвечает Миели. – Земля – это мрачная обитель боли. Высаживаться на неё – всё равно что спускаться в преисподнюю. И мы должны очиститься.

– Что ж, в *этом* я с тобой согласен. Честно говоря, я предпочёл бы очиститься изнутри.

Он отпивает из сосуда и морщится. Миели выхватывает у него из рук колбу.

– По вкусу это настоящий дёготь, – жалуется вор.

– Вкус не имеет значения. Напиток предназначен для поминовения усопших. И ужин будет только после сауны, так что сдерживай свои инстинкты.

Вор внимательно смотрит на неё.

– Не знаю, как насчёт мёртвых, но я жду этого с нетерпением. Я рад, что мы наконец пришли к соглашению.

Миели не отвечает. Она видит, как усмехается Пеллегрини, и прикрывает глаза. Но лицо богини не исчезает.

– Пойдём в сауну, – приглашает она.

Сауна расположена в одном из грузовых модулей «Перхонен». За все годы на службе Пеллегрини Миели пользовалась ею всего несколько раз – сауна пробуждала в ней слишком сильную тоску по дому. Но для настоящего очищения это самый верный способ, и «Перхонен» всё подготовила для этого случая.

Это крошечная отделанная деревом комнатка с большим

шаром воды в центре, который удерживается полупроницаемой мембраной и нитями *вяки.* Он выглядит как капля росы в гигантской паутине. Если щипцами взять раскалённый камень и бросить его в воду, комната наполнится горячим паром. Камни будут крутиться в пузыре и заставят его раскачиваться, словно живое существо.

«Перхонен» присоединила модуль к основному жилому отсеку, и деревянная дверца люка выглядит весьма заманчиво. Но вор посматривает на неё с опаской.

– И как же это работает? – интересуется он.

– Раздевайся, – командует Миели.

Он медлит.

– Прямо сейчас?

– Не мешкай.

Резко выдохнув, вор начинает возиться с пуговицами пиджака и брюк.

– А можно взять полотенце? – спрашивает он.

Но Миели уже сбросила одежду и шагнула в тёплые облака *лёюлю.*

Вор нерешительно следует за ней. Его взгляд не отрывается от её тела. Затем он устраивается по другую сторону от водяного пузыря, опускается на сиденье и ставит ноги на деревянную подставку. В другом люке, выходящем в космос, имеется стеклянное окошко, и лицо вора в свете звёзд и мерцании *киуас* [25]кажется невероятно молодым.

– Прибавь немного лёюлю, – просит Миели.

Вор берет щипцы и осторожно вынимает самый маленький камень из металлической корзины на стене. В мире из кометного льда и пыли камни для пара считаются настоящей драгоценностью, и этот очень хорош: круглый, чёрный и пышущий жаром. Вор бросает его в воду, и камень сердито шипит.

Миели довольно вздыхает, берёт веник из ветвей водооткачивающего дерева и легонько бьёт себя по спине. Шрамы от крыльев слегка пощипывает, присоски листьев приятно льнут к коже.

– Я знаю, что ты склонна к самобичеванию, но не думал, что ты воспринимаешь его *настолько* буквально, – говорит вор.

– Ш-ш, – останавливает его Миели, сверкнув глазами.

Затем она берёт один из самых больших камней голыми руками и бросает его в воду. На этот раз клубы *лёюлю* окутывают её с ног до головы, как утренний свет *кото,* и пощипывает уже всё тело. Вор испускает сдавленный крик и, пытаясь спрятаться от пара, поворачивается спиной, но от этого ему становится только

хуже. Он пробирается к дверце люка, но она надёжно заперта.

– Скажи честно, – ворчит он, – это наказание?

– Нет, не наказание. Прощение.

Миели бросает в воду один из голубых камней. Сауна наполняется лёгким ароматом мяты, но жар становится ещё сильнее. На дереве проступают крошечные янтарные капельки смолы, которые прилипают к коже, когда Миели прислоняется к стене. Вор непривычно долго молчит и только тяжело дышит.

– Итак, – начинает она, – «Перхонен» сообщила мне, что у нас появились цель и план.

Вор забирается на своё место, опирается локтями на колени и смотрит, как тускнеет брошенный в воду камень.

– Давай начнем с цели, ладно? – отзывается он. – Я до сих пор не знаю, что это и для чего оно нужно, но это нечто, имеющее отношение к Вспышке. Тигр называл его камнем Каминари.

Он делает паузу и осторожно бросает в шар довольно большой камень. Вода шипит. Дерево стонет: это единственная преграда между ними и Человеком Тьмы. Как ни странно, но Миели чувствует себя как дома.

– Камень находится у Матчека Чена, – продолжает вор. – Пеллегрини хочет его заполучить. И мы должны ей его доставить. Всё сводится к этому.

– А Земля?

– Ну, чтобы украсть что-то у Чена, надо *стать* им. Вот только ты этого сделать не можешь. У нас нет доступа к Кодам Основателя Чена. В прошлый раз я попытался украсть их прямо у него, и ничего хорошего из этого не вышло. Так что придётся найти другой способ. Поэтому надо попасть на Землю. Понимаешь, где-то там внизу есть гогол Матчека Чена. Но не действующего правителя Соборности, не бога-короля. Это ребёнок. Своего рода страховка. Но в нём достаточно много от Чена, чтобы разгадать его Код.

– Откуда тебе это известно? – спрашивает Миели.

– С твоей Пеллегрини я знаком очень давно. Я работал на неё, как сейчас работаешь ты, но тогда она ещё была обычной женщиной. Для Основателей, и особенно для Чена, она являлась своего рода покровительницей. И потому, прежде чем лечь с ним в постель, она поручила мне очень внимательно изучить его прошлое. И я обнаружил кое-что интересное. Насколько тебе известна история загрузки?

Миели молчит.

– Ладно, – произносит вор. – Полагаю, для вас, оортианцев, это болезненная тема. Но дело в том, что в шестидесятых годах двадцать первого века жизнь после смерти стала предметом

большого бизнеса. За немалые деньги можно было купить себе рай – или ад, если угодно. Я не говорю об объектах централизованных загрузок: они были обречены на скверную, жестокую и очень долгую жизнь. Речь идёт о тех, кто мог позволить себе оплатить индивидуально созданный высококачественный вир, поддерживаемый сверхнадёжным реверсивным оборудованием с геотермальным источником питания, с гарантированным сроком работы не менее нескольких тысячелетий и собранным в условиях строжайшей секретности.

Родителей Чена можно назвать чрезвычайно заботливыми. Звезда бими и управляющая квантовым фондом. Невероятно богатые. Когда Чену исполнилось семь, они обеспечили ему загрузку в гарантированно безопасный рай. Ему никогда не говорили об этом, а бóльшая часть информации того периода была уничтожена Коллапсом. Так что этот полезный факт остаётся только в моей голове.

Проблема в том, что я так и не смог выяснить, где находился этот рай. Вполне вероятно, что он пережил Коллапс, как и большинство ему подобных. Семьи мухтасибов из Сирра время от времени откапывают их. К счастью, сянь-ку одержимы историей. Я собираюсь проникнуть в вир предков, созданный ими в решётке Ковша вокруг Земли, и попытаться что-нибудь выяснить. Это будет не слишком трудно: Сумангуру у всех вызывает страх.

– Не у всех, – возражает Миели.

– Ну, сянь-ку его точно боятся. – Вор ёрзает на сиденье и потирает шею. – А что вы делаете, чтобы немного охладиться?

Миели показывает на внешний люк.

– Вакуум, – отвечает она. – Это называется поцелуй Человека Тьмы. Ты сможешь выдержать несколько секунд.

– Спасибо, но я пас, – заявляет вор.

Миели смотрит на него с улыбкой, означающей, что ныряние в темноту – необязательная часть процесса. Вор торопливо продолжает говорить:

– Таким образом, я намерен узнать, где находится цель. А ты тем временем должна подготовиться к доставке груза. Сирр частенько прибегает к услугам наёмников из других миров: для тебя это будет идеальным прикрытием. И самым верным способом получить Печати. Земля стала очень опасным местом. Там нельзя и шагу ступить без защиты, обеспечиваемой правящими семействами Сирра – мухтасибами, чтобы на тебя не набросились одичавшие наниты. Так что она нам понадобится. А как только у меня будет информация, мы встретимся и заберём маленького Матчека из его рая. С его помощью можно будет реконструировать Коды большого Матчека. И тогда останется

совсем немного. Что скажешь?

– Ужасно убедительно, – отзывается Миели. – Безупречно замаскироваться и раствориться в сети Соборности. Как я могу надеяться, что получу от тебя весточку?

– Ты недооцениваешь Жозефину Пеллегрини, – отвечает вор. – Уж тебе-то лучше других известно, насколько убедительной она может быть, когда ей что-то нужно. От неё нелегко скрыться.

– Ты о чём-то умалчиваешь. – Она берёт раскалённый камень и поднимает его. – Я могла бы заставить тебя говорить.

Вор разводит руками.

– Могла бы. – Он выглядит неожиданно усталым. – Но не сделаешь этого. Это не твоё. – Он постукивает по деревянной стене сауны. – Вот *это* твоё. Тебе ещё есть куда вернуться. Не отказывайся. Я завидую тебе. У нас были определённые разногласия, но я держу своё слово. По крайней мере, это наше общее качество. Я обещал, что сделаю это для тебя, и выполню обещание. Ты вытащила меня из тюрьмы. И я вытащу тебя из твоей тюрьмы. Я хочу быть уверен, что ты отправишься домой.

Он говорит, как «Перхонен». Но все его речи либо ложь, либо уловки. От тепла сауны Миели размякла. *Может, рассказать ему, почему я это делаю?* Затем она вспоминает, как он касался камней Сюдян во время их первой встречи.

– Ладно, – медленно произносит Миели. – Мы сделаем так, как ты говоришь. Но если ты меня предашь, я отыщу тебя.

Она бросает в воду последний большой камень. Вор жмурится от пара и с ворчанием убегает. Он что-то делает с замком, люк распахивается, и вор выскакивает наружу. Миели видит его худое обнажённое тело с покрасневшей, словно у рака, кожей.

Миели закрывает глаза. В последний раз она была здесь с Сюдян. Возможно, скоро они снова будут вместе. *Скоро. Даже если это потребует ещё немного времени.*

Затем она открывает люк в вакуум и выпускает порыв воздуха. Пар мгновенно превращается в сверкающее облако ледяных кристаллов.

Миели выходит наружу, расправляет крылья и целует Человека Тьмы.

Я прохлаждаюсь в центральной каюте. Пылающую кожу пощипывает, и невольно вспоминаются ожоги, полученные сначала от Охотника, а потом в маршрутизаторе. Но вместе с тем я испытываю приятную истому. Миели недвусмысленно запретила мне притрагиваться к еде, поэтому я обхожусь несколькими паучьими яйцами и запиваю их вонючей оортианской лакричной водкой.

Тебе стоило бы подождать, упрекает меня корабль.

– Извини, не смог удержаться. Собираешься наябедничать?

Если придётся, я готова применить любые имеющиеся средства, отвечает «Перхонен». *Она купилась?*

– Не совсем. Но согласилась на план.

Она не должна узнать.

– Я об этом позабочусь. На долю Миели выпало немало грязной работы. Теперь моя очередь.

Я пробую фрукты. Странный сладковатый вкус, как у хурмы, только более острый.

– В любом случае, похоже, ты провела неплохую подготовку. Она была в благодушном настроении. Отличная мысль насчёт сауны.

Это полностью её идея, отвечает корабль. *Но хорошо уже то, что она выслушала тебя. Чем скорее это закончится, тем лучше.*

– Согласен. Будем надеяться, что впоследствии она нас поблагодарит. Сказать по правде, на это мало надежды. Я и сам не в восторге от плана. Возможно, именно поэтому не воспользовался им в прошлый раз. Но теперь выбора у нас нет.

– Выбор всегда есть, Жан, – говорит Жозефина. – А ты большой специалист делать его неправильно.

На этот раз она не воспользовалась телом Миели, оставшись просто призраком в освещённой земным сиянием каюте – точно такой, какой я её помнил: высокая красивая женщина, которой можно было бы дать не больше сорока, если бы не едва уловимая хрупкость. У меня сжимается сердце.

– Неправильно – это слишком сильно сказано, – отвечаю я. – Я предпочитаю слово «нестандартно». – Я прищуриваюсь. – А я думал, ты скрываешься.

– Уже нет, раз ты разобрался с несчастным Сумангуру, – произносит она и закуривает сигарету. – Мне нравится твоя сентиментальность по отношению к Миели. Это я замечала в тебе и прежде. Ты убеждаешь себя, что заботишься о ком-то, а потом используешь его в качестве инструмента. Вот почему нам так хорошо вместе. Со мной тебе не приходилось себя обманывать.

– Я думал, ты на меня злишься.

– Что ж, наказания сауной в обществе оортианки с тебя пока достаточно. И ты проявил некоторые черты того Жана, которого я знала. Продолжай в том же духе и получишь больше, чем просто свободу. Достань мне камень, и вся Вселенная будет у твоих ног.

– Я принесу тебе камень, но не домашние тапочки, – отзываюсь я. – Я больше не стану твоей комнатной собачкой.

Она смеётся.

– Ты хоть имеешь представление, сколько раз происходил

между нами этот разговор? Ничего не меняется, Жан, особенно для таких, как мы. Вечно оставаться собой – вот цена, которую приходится платить за бессмертие. Поэтому мне так нужен камень. Чтобы изменить правила.

Я поднимаю свой бокал.

– Жозефина, дорогая, любовница из тебя куда лучше, чем философ. А теперь прошу прощения, но я собираюсь закончить ужин. А потом мне предстоит долгий путь вне своего тела.

Она улыбается своей змеиной улыбкой.

– И ты будешь не один, Жан, – говорит она. – Я отправляюсь вместе с тобой.

К концу ужина Миели выглядит почти довольной. Она даже что-то напевает себе под нос. Восстановленные статуи медленно танцуют под её мелодию.

– Не могу сказать, что сильно привязался к этому телу, – произносит вор, – но не могла бы ты сказать, что будешь с ним делать в моё отсутствие?

– Уберу с глаз долой, – отвечает Миели.

Остаток ужина проходит в молчании. На десерт она приготовила настоящий шедевр: морошка с паучьим молоком. Это блюдо удерживает от разговоров даже вора.

– Чем ты займёшься, когда всё это закончится? – внезапно спрашивает он.

Миели поднимает голову.

– Пора в путь, – заявляет она.

Она переключается на спаймскейп и даёт команду «Перхонен» подготовить запуск мыслевихря. Им предстоит внедрить сознание вора в сеть коммуникаций Соборности, загрузить его в диск из интеллектуальной материи, тоньше, чем мыльный пузырь, и отправить к Земле впереди «Перхонен».

– Ну ладно. Увидимся на Земле, – говорит вор. – Жди моего сигнала.

– Да пребудут с тобой Куутар и Ильматар, – негромко отзывается Миели.

– Две богини? Это целая команда. Но, думаю, в этой работе их помощь не помешает.

Он закрывает глаза и исчезает. Мыслевихрь, подгоняемый корабельными лазерами, набирает скорость и скрывается в темноте.

16
Таваддуд и Кассар Гомелец

Свободные часы Кассар Гомелец, как обычно, проводит на кухне.

Среди старых членов Совета бытует мнение, что, если бы не семейное дело, Кассар непременно стал бы шеф-поваром в лучшем ресторане Зелёного Осколка. В воздухе висит густой аромат специй, атар заполнен фрагментами рецептов. Джинны-слуги подготавливают отдельные ингредиенты в маленьких горшочках и контейнерах, а сам Кассар огромным ножом нарезает овощи на тонкие ломтики. Его движения поражают своей ловкостью и точностью.

Поначалу он даже не замечает появления дочерей. Затем поднимает голову, откладывает нож и вытирает руки фартуком.

– Отец, – приветствует его Таваддуд и кланяется.

Тело у неё всё ещё болит, но по крайней мере она успела помыться и сменить одежду. Она не меньше получаса решала, что надеть, и наконец остановила свой выбор на простом тёмно-зелёном платье, а на голову повязала белый шарф, оставляющий лицо открытым.

Кассар окидывает её бесстрастным взглядом. Затем отворачивается, собирает овощи с разделочной доски и бросает в большой кипящий котёл.

– Я вижу, моя дочь не пострадала. Это хорошо. А что с нашим гостем? – спрашивает он, не оборачиваясь и изучая содержимое котла.

В каком бы настроении ни пребывал отец Таваддуд, в его голосе всегда присутствует нотка скорби.

– Господин Сумангуру восстанавливается после ранений, – отвечает Дуньязада. – Его Печати не пострадали, несмотря на воздействие дикого кода и выстрелы из бараки.

– Возблагодарим Ауна за эти крохи милости, – говорит Кассар. – Нехорошо было бы погубить посла Соборности в этой безумной гонке над городом.

– Соарецы жалуются на ущерб, нанесённый их рух-кораблям, а господин Салих поднял шум из-за гибели карина и требует… – продолжает Дуни.

– С Соарецами мы разберёмся, – небрежно машет рукой Кассар. – Сейчас нам надо обсудить более важные дела, Таваддуд.

У неё замирает сердце.

– Молодой господин Нувас… убедил меня поручить тебе это

неприятное дело. Было ли это решение правильным, ещё стоит определить. Итак. Должен сказать, что меня порадовал твой интерес к делам семейства, но для этого не стоило прибегать к шантажу. Сначала ты должна была обратиться ко мне. И в будущем станешь поступать именно так. Ты поняла?

– Да.

Кассар всё так же стоит к ним спиной и наблюдает за контейнерами, которые сами собой взбалтывают содержимое.

– Ладно, это неважно. Молодой Абу сильно увлечён тобой, и это весьма полезно. Что же тебе удалось выяснить?

Таваддуд делает глубокий вдох. Она всё время думала, что скажет отцу, и без конца подбирала нужные слова.

– Госпожа Алайль умерла из-за одержимости, и тот, кто убил её, охотился за имеющимся у неё Тайным Именем. По этой же причине кто-то из членов Совета пытался уничтожить меня и господина Сумангуру, – докладывает Таваддуд. – И Кающемуся Рамзану доверять нельзя. И ещё… возможно, я знаю джинна, который наслал на Алайль одержимость. Он мог бы привести нас к авторам этого заговора.

– Я имел в виду: что тебе удалось выяснить о *нём?* О Сумангуру.

Таваддуд изумлённо смотрит на отца. В белом колпаке, с оттопыренными ушами, он мог бы выглядеть комично, если бы выражение его лица не было таким суровым.

– Не понимаю. Я думала, моя задача…

– С помощью этой возможности выведать информацию, которую мы могли бы использовать против Соборности. Вот в чём состояло задание, которое сначала я поручил Дуньязаде.

– Но… Она не…

Дуньязада ласково улыбается Таваддуд, прижав накрашенный ноготок к губам.

– Дорогая сестра, разве я не говорила тебе, что это не игра?

Кассар вздыхает.

– Расследование для нас не так уж важно. С самого начала было ясно, что за этим делом стоят масруры. Я пригласил эмиссара Соборности совсем не для этого.

Он пробует из поварёшки содержимое котла и кривит губы.

– Ну а что касается Кающегося Рамзана, то он исчез. Нам было известно о его симпатиях к масрурам, хотя сам он и не является орудием мести. Я уверен, что объектом нападения был господин Сумангуру – очень жаль, конечно, что ты подверглась опасности. Однако карин и секреты, которые, по твоему мнению, ты узнала, не имеют к этому никакого отношения. Тайное Имя,

вероятно, представляет определённую ценность, и ты изучишь его вместе с Херимоном, как только закончатся все эти проблемы. Но я ещё раз спрашиваю тебя: что ты узнала о Сумангуру?

Таваддуд задумчиво покусывает губу.

– Он… он боится высоты. – Мысли путаются и разбегаются. – А в Соборности имеются существа, называемые Драконами, у которых отсутствует самоконтроль. У него есть устройство, позволяющее захватывать сознание в вире и исследовать его. Но… похоже, это занятие не доставляет ему удовольствия, хотя он и утверждает обратное. – Она нервно сглатывает, ощущая пустоту в голове. – Я могу попытаться вспомнить что-нибудь ещё…

– И это всё? – спрашивает Кассар. Он сцепляет руки за спиной и качает головой. – Я надеялся на большее. Всё это ты можешь рассказать политическим астрономам в Совете. Для нас эти сведения бесполезны. Дочь моя, мне кажется, я выполнил данное Абу Нувасу обещание. С этого момента твоей заботой станет медицинская помощь нашему гостю. Как только он поправится, Дуни продолжит расследование: она уже приготовила для господина Сумангуру немало версий, проверка которых надолго его займёт. А ты можешь вернуться к своим делам среди Бану Сасан. Это увлечение, по крайней мере, свидетельствует о твоём добром сердце. И господин Нувас станет для тебя прекрасным мужем.

Таваддуд с трудом проглатывает слёзы.

– А как же госпожа Алайль? Как мы найдем её убийцу?

Кассар склоняет голову.

– Алайль была нашим другом, и я не могу выразить, как сильно сожалею о её уходе. В своё время мы накажем за это масруров. Но она и сама хотела бы, чтобы в первую очередь мы выполнили свой долг по отношению к Сирру.

Это был Аксолотль! хочется ей крикнуть. *Я могу его найти. Я могу привести его к вам.* Но Таваддуд не в силах заставить себя произнести эти слова.

Кассар искоса бросает на неё взгляд и снова отводит глаза.

– Я вижу, ты не понимаешь, в чём состоит наш долг. Когда пал Сирр-на-Небе, когда люди не знали, как быть дальше, их возглавил Гомелец. Гомелец воззвал к Ауну и заключил пакт, позволяющий нам существовать. И сегодня наша задача остаётся прежней: найти способ выжить. Крик Ярости доказал, что Аун недолюбливает Соборность. В прошлый раз, когда её представители пытались завладеть нашим разумом, против них поднялась сама пустыня. Но если слухи, доставляемые нашими агентами среди наёмников, правдивы, положение изменилось.

Сянь-ку отличаются терпимостью, но другие Основатели не столь благосклонны. Кое-кто из них обладает таким могуществом, что против них не устоит и сам Аун. И теперь настало время проявить гибкость, чтобы не быть сломленными, но при этом не утратить свою истинную сущность.

– Разрешить им запустить свои машины в пустыню и выкапывать души?

Таваддуд срывается почти на крик.

– Да, они просили именно об этом. Наш ответ будет зависеть от того, что они предложат взамен. Но мы должны *изучить* их, и я боюсь, что ты не тот человек, который способен разгадать этого Сумангуру.

Таваддуд опускает голову, глотая слёзы. Её лицо онемело, в груди и голове гулко звенит пустота.

– Если бы я могла объяснить… – шепчет она.

– Довольно, – обрывает её Кассар Гомелец и снова поворачивается к кипящему котлу.

Таваддуд и Дуни идут по украшенной колоннами галерее к жилым покоям. На полпути Таваддуд оставляют последние силы. Она склоняется от усталости и тяжело опускается на каменную скамью, подставляя лицо пурпурным лучам заходящего солнца. В глазах острая резь, но Таваддуд настолько устала, что не способна воспроизвести Тайное Имя, снимающее боль. Она даже не в состоянии сердиться, и язык почти не слушается её.

– Ты играла мной, – шепчет она.

– Сестра, – отвечает Дуньязада, – ты *сама* хотела, чтобы тобой играли. Не жалуйся на неудачу. Я пыталась тебе помочь. Я просила тебя не вмешиваться. Но ты не слушала. – Её лицо становится серьёзным. – И тебе грозила опасность. Ты могла погибнуть, гоняясь за Быстрыми. Какими бы ни были наши разногласия, ты должна верить, что я никогда не желала тебе зла. Моя благодарность Ауну шла от самого сердца.

– Этому я верю. И тебе есть за что его благодарить. Теперь ты довольна? Непослушная Таваддуд наказана, и всё снова прекрасно в этом мире.

– Пока нет.

– Что ты имеешь в виду?

– Мы ещё должны принять кое-какие меры предосторожности с нашим гостем, и мне пригодилась бы твоя помощь.

– После того что ты устроила, ты всё ещё хочешь, чтобы я *помогала* тебе? Ты с ума сошла?

Дуньязада любуется заходящим солнцем.

– Ты хочешь исполнить свой долг члена семейства Гомелец? –

негромко спрашивает она. – Я думаю, нам пора оставить наши мелкие игры: для этого найдётся время, когда Сирр будет в безопасности. Ты согласна?

Таваддуд, стиснув зубы, медленно кивает.

– Послушай меня. По поручению отца я уже связалась с сяньку. Как ни странно, но их, по-видимому, ничуть не встревожило, что посланник подвергался опасности. Как я уже говорила, здесь замешаны политические интриги, о которых мы не имеем представления. Или время: порой обнаруживается, что сообщества Соборности погружаются в Глубокое Прошлое, потом перепрыгивают через поколения в наши дни и начисто забывают о достигнутых договорённостях. – Она многозначительно улыбается. – Конечно, когда это соответствует их интересам.

Она вынимает из складок одежды маленькую шкатулку и протягивает её Таваддуд.

– Ты пойдёшь проведать Сумангуру, справиться о его здоровье. А пока будешь осматривать его раны, вставь это устройство ему под кожу так, чтобы его не было видно. И чем ближе к мозгу, тем лучше. Наши попытки исследовать технику Соборности после Крика Ярости были не слишком успешными. После того как это будет сделано, тебе больше не о чем беспокоиться.

Таваддуд открывает шкатулку. Внутри, между металлическими зажимами, поблёскивает крошечный предмет, похожий на осколок стекла.

– Для чего это нужно?

– Я уже сказала, тебе больше не о чем беспокоиться.

– Почему ты сама этого не сделаешь?

– Потому что он доверяет тебе. И ты проявила себя как искусный доктор, если уж не политик. – Дуни похлопывает Таваддуд по руке. – Я понимаю, в это трудно поверить, но сегодня вечером ты произвела хорошее впечатление на отца. Со временем он увидит то, что вижу я: ты настоящая Гомелец. Член нашей семьи.

Таваддуд прикрывает глаза.

– Ты сделаешь это ради меня, правда? – спрашивает Дуни. – Если не ради меня, то ради нашей мамы?

Таваддуд молча кивает. Дуни целует её в лоб.

– Спасибо. А потом тебе нужно будет хорошенько выспаться.

Она подносит к уху кольцо джинна и сосредоточенно хмурится.

– А может, и нет. Похоже, здесь Абу Нувас, и он хочет встретиться с тобой.

– Я пришел сразу, как только узнал о том, что случилось, – говорит Абу, входя в её приёмные покои.

Таваддуд наскоро нанесла макияж, но тотчас всё смыла: усталость невозможно скрыть под слоем краски. Но спокойная обстановка и дружеское лицо придали ей немного сил.

Они усаживаются на подушки. Таваддуд зажигает на столике две свечи. В их тёплом свете латунный глаз Абу приветливо поблёскивает.

– Как ты обо всём узнал? – спрашивает она.

– О стремительной погоне над кварталом Тени? – Абу качает головой. – Это невозможно скрыть. Я рад, что ты не пострадала.

Он протягивает руку над столиком и сжимает её пальцы.

– Я и представления не имел, что ты окажешься в такой опасности. Я ужасно себя чувствую из-за того, что поставил тебя в такое положение. Одно дело – добиваться доверия отца, но рисковать жизнью ради… – Он снова качает головой. – Поверь, я знаю цену мечтам.

– Что ж, похоже, что на этом моё участие в опасных делах заканчивается, – говорит Таваддуд, высвобождая руку. – Мой отец считает, что я недостойна даже прямого взгляда. И…

Она старается сдержать слёзы, но тщетно.

– Что случилось? – спрашивает Абу. – Ты можешь всё мне рассказать. Знаю, я чужой для тебя, но если я могу чем-то помочь, я это сделаю.

Он понимает. Таваддуд вытирает слёзы рукавом.

– Это глупо. Я обнаружила кое-что в сознании карина Алайль. И мне кажется, я знаю, кто её убил. Но доказательств у меня нет. Я не могу сказать об этом отцу, он ни за что мне не поверит.

Абу кладёт руку ей на плечо.

– Если… если хочешь, скажи мне. Я мог бы встретиться с твоим отцом и снова поговорить с ним. Меня он выслушает.

Его голос звучит так ласково. Таваддуд вспоминает пламя, вспыхнувшее в ней там, в палатке, и поглотившее её всю без остатка. В неровном свете свечей отголоски этого пламени различимы в человеческом глазу Абу. А по спине ползёт холодный страх. Таваддуд качает головой. *Глупости. Я просто устала.*

– Спасибо, но не надо, – произносит она вслух. – Ты сделал достаточно, а моего отца способна была переубедить только мама.

Абу отводит взгляд.

– Как хочешь. – Он довольно долго молчит. – А что будет с нами?

– Я не знаю, Абу. Я так устала.

– Да, конечно. Я должен был дать тебе отдохнуть. – Он встаёт. – У меня есть предложение: поужинай со мной завтра в моём дворце. – Он поднимает руку. – Это ни к чему тебя не обязывает: ты показала мне свой мир, и я в ответ хочу показать тебе свой.

Таваддуд кивает:

– С удовольствием.

– Отлично. Знаешь, в тот вечер я рассказал тебе свою историю не до конца. Возможно, тебе станет легче. – Он потирает латунный глаз. – После того как муталибуны нашли то, что хотели, они бросили меня в пустыне умирать, чтобы я не привёл в это место никого другого. Но я выжил. Я остался один в пустыне дикого кода, в городах Быстрых. Там были дома с окнами-глазами, были машины-звери и другие машины, которые выглядели почти людьми, но не были ими, и… прочие ужасные вещи. Но я шёл домой. Сотни раз я думал, что умру, но продолжал идти. У меня была цель, и она поддерживала меня, как бы ни было плохо. Так что тебе не стоит отчаиваться. Ты ещё покажешь отцу, на что способна. А если ты мне позволишь, я буду тебе помогать. Тебе не придётся идти по пустыне одной.

Таваддуд окатывает тёплая волна.

– Спасибо тебе, – шепчет она.

У выхода она целует Абу. Его губы холодны, но он крепко обнимает Таваддуд.

Наконец она отстраняется.

– Увидимся завтра, – с улыбкой говорит он.

– А что это было? – спрашивает Таваддуд.

– О чём ты?

– Что помогало тебе идти?

Абу снова улыбается.

– Месть, – отвечает он. – Что же ещё? Спокойного сна, Таваддуд.

После ухода Абу Таваддуд вынимает шкатулку Дуньязады.

Месть.

Крик Ярости. В то время ей было восемь лет. В небе появились горы. Хрустальные облака и алмазные пирамиды заслонили собой синеву. Вдали прогремел гром. До Осколка донеслись испуганные крики. С небес протянулись белые лучи. Увидев их, Таваддуд весело засмеялась.

– Мама! – крикнула она. – Посмотри, идёт дождь из света!

Мать испуганно взглянула в небо Соборности.

После приступа безумия она сильно изменилась: всё время молчала и страдала от кошмаров. Таваддуд надеялась, что чудеса

в небе обрадуют её.

А вместо этого мать выбежала на балкон и спрыгнула вниз.

Пламя свечей дрожит от залетевшего снаружи ветерка. Таваддуд закрывает окно, берёт медицинскую сумку и отправляется к Сумангуру.

Гостевые покои находятся в Шафрановой башне, самой высокой из пяти горизонтальных башен дворца Гомелеца, и оттуда открывается великолепный вид на Сирр. Таваддуд выбирает длинную извилистую лестницу, ведущую из её покоев в обход жилой части дворца по выпуклой поверхности Осколка. Ночной воздух и физическая нагрузка проясняют её мысли. Город плещется внизу морем золотистых огней, напоминая о другом Сирре, показанном ей Абу в атаре. Таваддуд неожиданно обнаруживает, что скучает по нему.

По крайней мере, хоть что-то хорошее во всём этом.

Сумангуру сам открывает ей дверь. Белые брюки и рубашка из гостевого гардероба оттеняют его смуглую кожу: в этой одежде он похож на кабельщика, только покрытого шрамами. Сумангуру вопросительно смотрит на Таваддуд.

– Я не ожидал увидеть вас так скоро, – произносит он. – Вы хотите мне что-то сказать?

Таваддуд опускает взгляд.

– Господин Сумангуру, я желала осмотреть ваши раны и убедиться, что выстрелы из бараки и дикий код не повредили Печати. Мой отец очень заботится о благополучии гостя.

– Состояние физического тела меня нисколько не беспокоит, но я не могу отвергнуть жест гостеприимства. Входите, прошу вас.

По просьбе Таваддуд Сумангуру садится и снимает рубашку. У него гладкое безволосое тело с рельефными мышцами. Грудь покрыта бесчисленными ранами, но бóльшая их часть уже заживает, намного быстрее, чем у обычного человека. Его Печати в атаре всё так же выглядят неповреждёнными, а немного присмотревшись, Таваддуд видит под кожей сеть узелков – сложные устройства, которые атар не в состоянии определить.

– Я не знал, что вы ещё и доктор, – замечает Сумангуру.

– Я многое умею. – Таваддуд ощупывает крепкую шею: на ней есть подходящий глубокий порез с левой стороны. – Здесь остался обломок иглы, который необходимо удалить, чтобы предотвратить проникновение дикого кода. Будет немного больно.

– Боль не имеет значения. Действуйте.

Она вынимает из сумки скальпель. *Убийца Драконов.*

Действительно ли ты тот, за кого себя выдаёшь, Сумангуру Бирюзовой Ветви? Она зажимает его плоть, готовясь сделать надрез, и чувствует, как он напрягается. *Почему же ты боишься летать?* Она опускает скальпель. *Нет, Дуни. Я не стану играть в твои игры. Только не в эти.*

– Если вы собираетесь это сделать, приступайте, – говорит Сумангуру. – Если уж мне суждено погибнуть, почему бы не принять смерть от рук хорошенькой девушки?

Таваддуд делает шаг назад.

– Господин Сумангуру, я…

Сумангуру поворачивается. В его руках открытая шкатулка Дуньязады. Внутри, словно драгоценный камень, блестит крошечный предмет.

– Превосходно, – произносит он. – Технология зоку. Где вы это взяли?

Он смотрит на неё с любопытством.

О зоку Таваддуд имеет очень слабое представление: далёкая цивилизация с древними традициями, которая когда-то, очень давно, вела войну против Соборности. Какое отношение могла иметь к ним Дуни?

Таваддуд отступает ещё на шаг, медленно поднимает крепко зажатый в руке скальпель. Сердце готово выскочить из груди. *Почему я ничего не могу сделать правильно?*

– Успокойтесь, – говорит Сумангуру. – Я не сделаю вам ничего плохого. Я только пытался вас напугать. Я и сам испуган. Вам ведь известно, кто убил Алайль.

– Кто вы? – свистящим шёпотом спрашивает Таваддуд.

Сумангуру усмехается.

– Лучше спросить, кто же в действительности *вы,* Таваддуд Гомелец. Но я думаю, вы не та, кто может причинить вред гостю в доме своего отца. Это он послал вас?

– Нет.

У Таваддуд немеет лицо. Она проводит языком по губам, но не ощущает их. Мысли переплетаются, словно змеи-химеры из пустыни. *Дуньязада. Рамзан должен был доложить ей о том, что мы нашли карина. Она знала, где достать ружьё-бараку.*

Скальпель со звоном падает на пол. Сумангуру медленно выдыхает.

– Так-то лучше, – замечает он.

Некоторое время они молча смотрят друг на друга. Сумангуру садится и опирается локтями на колени.

– Это ваша сестра, не так ли? – медленно произносит он.

Таваддуд вспоминается день, когда Дуньязада вернулась от

сплетателя. Её глаза были глазами другого существа, не той Дуни, которая росла вместе с Таваддуд. Тошнота подступает к горлу.

– Предполагалось, что сопровождать вас будет она, а не я. Поэтому Быстрые меня и не тронули.

– Вы считаете, ваш отец обо всём знает?

Таваддуд качает головой.

– Он Кассар Гомелец. После смерти моей матери его единственной заботой стал Сирр. Он половину своей жизни работал над Аккордами. И он никогда не причинил бы вреда госпоже Алайль.

– Понятно, – кивает Сумангуру. – Земля когда-то была… яблоком раздора между нами и зоку. Во время Протокольной войны мы заставили их отступить и пришли сюда. Они определенно заинтересованы в том, чтобы насколько возможно ограничить нам здесь доступ к гоголам. И они вполне могли использовать вашу сестру, чтобы избавиться от Алайль.

– А что вы думаете о нападении на птичий вольер?

– Полагаю, её обеспокоил тот факт, что агент Соборности подобрался к ней слишком близко. И по той же причине она хотела, чтобы вы установили мне это устройство. – Он протягивает шкатулку Таваддуд. – Не сомневаюсь, что в нём уже начался процесс самоуничтожения. Жаль, я мог бы попытаться определить, какими именно зоку оно было изготовлено.

Таваддуд зажмуривается.

– Она намерена разрушить мечту отца. Если только я её не остановлю. Но я не могу прийти к отцу без доказательств.

– Можете ли вы довериться кому-то ещё в Совете?

Абу. Но ведь это Дуни хотела, чтобы я с ним встретилась. Нет, я не позволю отнять его у меня.

Она качает головой.

Сумангуру улыбается.

– Что ж, думаю, вам придётся справляться самой.

– Не хочу никого обидеть, но и вам, господин Сумангуру, я тоже не могу доверять.

– А вы и не должны. Но это не означает, что мы не можем помочь друг другу. Если мы отыщем джинна, убившего Алайль, возможно, он выведет нас на вашу сестру.

Зайбак пытался предупредить меня. Он всё понял бы. По крайней мере, тот Зайбак, каким он был.

Холодная решимость охватывает Таваддуд. Она вспоминает древние истории о сделках с дьяволом, о тёмных существах, предлагающих невинным в обмен на душу всё, что они пожелают. Она всегда полагала, что это всего лишь ловкий трюк, с помощью

которого похитители тел заставляют своих жертв расслабиться.

Но есть и другие истории, в которых сестра, которую никто не любит, в конце концов спасает положение.

– Его зовут Аксолотль, – произносит она.

– А, тот, что из детской сказки. Понятно. И как же мы сможем его поймать? У меня есть кое-что, что поможет удержать его, но для начала необходимо его найти.

Сумангуру показывает небольшой предмет, по форме напоминающий пулю.

Таваддуд прижимает пальцы к вискам. Сплетение всегда оставляет следы.

– Мы уже нашли его, – говорит она. – Часть его сохранилась во мне. Надо только придумать способ, как с ним поговорить. В Сирре есть одно место под названием Дворец Сказаний. Там нам помогут. Но пойти туда надо сегодня же ночью.

– А как вы собираетесь незаметно выскользнуть из дворца?

Таваддуд горько усмехается.

– Это очень легко, господин Сумангуру. Я прекрасно научилась убегать от отца. Но вам это может не понравиться.

– Что вы имеете в виду?

– Как я понимаю, вы не в восторге от высоты.

17
Миели и Земля

Сюдян хотела попасть на Землю. И в то время Миели не могла понять почему.

Они только что встретились – на строительстве, во время Большой Работы. У обитателей кото Хильяйнен существовал обычай по достижении совершеннолетия выходить наружу, в темноту, и с помощью *вяки* видоизменять ледяные глыбы – строить новые жилища или изготавливать что-то ещё. Они стремились доказать, что из грубого материала, которым больше не интересовались алмазные разумы, можно создать нечто ценное, хотели продемонстрировать огромный ледяной средний палец чопорным богам Внутренней Системы.

Это бабушка послала ясноглазую Сюдян из кото Киркkаат Кутойат[26] работать вместе с Миели. Бабушка сказала, что это экстремальное программирование, древняя традиция (значит, этим занимались и люди из грязи): два разума работают вместе, наблюдая друг за другом и корректируя друг друга. Сначала Миели восприняла это как оскорбление. Но затем обнаружила, что другая девушка лучше неё умеет преследовать блуждающих предков, которые странствовали по ледяным переходам, словно фононы или случайные электрические заряды, и мешали росту кристаллов, оставляя после себя сосульки, напоминающие символы плодородия.

Сначала девушки видоизменяли лёд, просто чтобы почувствовать его, – создавали игрушечные замки и загадочных чудовищ. Они даже позволили предкам оживить одно из своих произведений, назвав его минотавром. И когда маленькая Варпу пришла навестить их, ей позволили бегать по лабиринту, ускользая от медлительного монстра с огромными клыками. Малышка визжала от восторга. Но в конце концов у них начала формироваться Большая Идея того, что им действительно хотелось сотворить.

Они назвали это Цепью. Сотня ледяных шаров, тщательно обработанных, украшенных замысловатыми узорами, притягивающими взгляд и вызывающими головокружение. Шары свободно соединялись между собой юпитерианскими ку-нитями и медленно кружились в гравитационном колодце размером с Луну, называемом Похья[27]. Третичная структура, которую после этого они смоделировали из белка, обеспечила локальные минимумы функции Лагранжа Цепи, что позволило ей

сворачиваться в причудливые фигуры, напоминающие мифические существа, цветы и фракталы.

Работа шла медленно. Темнота царила здесь повсюду, даже в защитных блистерах и в ледяных стенах маленького садика, созданного Миели. Она осветила его солнечным зеркалом и заполнила растениями в состоянии невесомости, что напоминало ей бабушкин сад. Сюдян сказала, что это проявление слабости, и жила в своём блистере, превратив его в экосистему с водорослями и дыхательными нанотрубками. А когда она облетала растущую Цепь, её лицо пылало яростной независимостью. Девушкам приходилось подолгу ждать. Ждать, пока Цепь изменит конфигурацию, ждать, пока *вяки* во льду окрепнут и выполнят напетые им задачи.

А во время ожидания они беседовали.

– Я не хочу стать призраком во льдах, как наши предки, – говорила Сюдян. – Есть места получше. Когда я была маленькой, к нам в кото приезжал посол с Юпитера. Он был как семечко, готовое дать росток. Мы принесли еды, а он взамен подарил нам видения. В них показывались места, где можно обрести настоящее бессмертие, а можно жить сразу несколькими жизнями. Мне всё равно, что скажут старейшины. И мне нет дела до пятидесяти названий льда. Я хочу жить. Хочу увидеть Внутреннюю Систему. Хочу увидеть небесные города на Венере. Хочу увидеть Землю.

В кото Миели дети тоже рассказывали сказки о Земле. Это место обжигающего пламени, место страданий, где *туонетары* [28]привязывают грешников верёвками-змеями и секут железными цепями, где несчастные пьют тёмную воду и забывают, кем они были. Это место, где росло Великое Дерево, но его срубили. Там жил народ её кото, пока Ильматар не вынесла его из огня.

Миели предпочитала слушать истории о Сеппо – мега-строителе, который посредством песни создал изо льда космический корабль и в поисках любимой улетел в другую Галактику. Или о Лемми, который украл одну из двенадцати жизней Куутар, проглотил её, а потом взорвался и стал первым из Малых Солнц. А после историй о Земле её всегда мучили кошмары, в которых она карабкалась по берегу тёмной реки, на тело давила тяжёлая длань гравитации, лицо царапала грубая речная галька, а *туонетары* преследовали её, но ни убежать, ни улететь она не могла.

– Почему ты хочешь отправиться именно туда? – спрашивала Миели.

Сюдян смеялась:

– Могу поспорить, ты веришь всем этим сказкам, не так ли? Их выдумали наши старейшины. И я вижу, что ты воспринимаешь

их всерьёз. Но ты во всём должна быть лучше остальных. Ты ведь не из Оорта. Ты оброчное дитя, отданное на воспитание. А неофиты всегда становятся самыми страстными верующими.

– Мне запрещено об этом говорить, – отвечала Миели.

– Один из предков дал мне книжку, очень старую, ещё с Земли, – продолжала Сюдян. – Там рассказывалось о ребёнке, воспитанном предшественниками людей, обезьянами. Он стал их королём. И я всегда думала, что ты чувствуешь себя точно так же. Ты умнее, лучше и сильнее. – Сюдян делает паузу. – И красивее.

– Я не хочу быть королевой.

– Тебе необязательно становиться тем, кем ты не хочешь быть, – сказала Сюдян. – И необязательно верить всему, что тебе говорят.

– Но почему именно Земля? Что там такого?

– Я не знаю. А тебе не хочется это выяснить? Что там такого ужасного, чтобы скрывать это за страшными историями?

– Это ересь, – возмутилась Миели.

– Нет, – возразила Сюдян. – Ересь – это то, что ты сидишь здесь рядом со мной в световой секунде от всех других живых душ, пожираешь меня глазами и ничего не предпринимаешь.

Она поцеловала Миели, и под гладкой холодной оболочкой блистера разлилось неожиданное тепло. А затем Сюдян отстранилась и рассмеялась, видя изумлённое выражение лица Миели.

– Вперёд, королева обезьян, – крикнула она. – Цепь сама не свяжется!

Миели последовала за Сюдян. Но до Земли они так и не добрались.

Интересно, что подумала бы о ней сейчас Сюдян, гадает Миели, глядя на Землю из кресла пилота. Голубой шар покрыт паутиной теней, словно белизну и лазурь рассекают острые чёрные лезвия. Тёмные линии отбрасывает Ковш – сеть из серебристых дуг на геостационарной орбите, охватывающая планету гигантским черпаком диаметром больше ста тысяч километров.

Серебряная сетка разомкнута, и кажется, будто вокруг голубого глаза медленно смыкаются две руки скелета. Места соединений двух и более дуг отмечены ярко освещёнными шестиугольными контурами, где кипит бурная деятельность: мелькают потоки мыслевихрей, перемещаются *районы* и *области* и несколько кораблей наёмников.

Серебряный Путь тонкой нитью тянется от одного из полюсов к Луне, где машины Соборности поглощают кору спутника и

транспортируют добычу в клетку Земли для переработки.

Милостивая Куутар, молит Миели, *позволь мне не видеть всего этого.*

Представители Соборности неторопливо воздвигают это сооружение уже почти два десятка лет. Зачем им делать это, если не ради охраны какого-то чудовищного зла? В корабельной базе данных нет информации о цели строительства Ковша, только общеизвестные во Внутренней Системе слухи, будто сянь-ку сооружают сенсорную матрицу для повышения качества виров своих предков.

Древние богини Оорта нашёптывают Миели, что ей нельзя оставаться здесь. Это запретное место.

Это просто камни, говорит она себе, не решаясь молиться, не решаясь просить метамозг отключить участок разума, отвечающий за религиозный страх. *Это всего лишь камни, вода и развалины.*

Она думает о путешествии, о сауне, об оортианском ужине – обо всех своих стараниях подготовиться к этому моменту. Она должна стать Миели, невежественным оортианским наёмником, который прилетел попытать счастья в заражённой диким кодом пустыне и заработать на службе семействам мухтасибов Сирра. Но вместо этого чувствует себя ребёнком, который очнулся от кошмара и понял, что это реальность.

За последний час я получила восемь тысяч предложений бессмертия, говорит «Перхонен». *Ненавижу торговаться с василевами. Но я добилась разрешения остаться на орбите и получила место в одном из доков торгового порта. Можешь себе представить: они называют себя «Пикник на обочине для плюшевого мишки»… Ты в порядке?*

– Я не предполагала, что будет так трудно, – признаётся Миели. – Я много лет не была в Оорте. Я участвовала в Протокольной войне. Я видела, как чёрные дыры поглощали спутники. Я видела Сингулярность на Венере. Я служу богине, повелевающей *губернией.* И всё-таки чувствую, что мне нельзя туда. Как будто мне угрожают *туонетары.* – Она делает глубокий вдох. – Почему так?

Потому что ты всё ещё Миели, отвечает корабль. *Ты дочь Карху из кото Хильяйнен, возлюбленная Сюдян, знающая песни Оорта. И если мы всё сделаем правильно, ты навсегда такой и останешься.*

Миели улыбается.

– Ты права, – соглашается она. – И по крайней мере смогу сказать Сюдян, что добралась сюда первой.

«Перхонен» скользит вдоль одного из рёбер Ковша. Оно

представляет собой бесконечную череду ликов Соборности в окружении мерцающей строительной пыли и напоминает самую большую в мире радугу. Путь в торговый порт лежит сквозь открытый рот гигантского лица сянь-ку. Миели перебирается в крылья «Перхонен» и попадает внутрь.

В спаймскейпе появляется изображение агента компании «Пикник на обочине для плюшевого мишки». Это круглое, похожее на медведя существо, урсоморф с заметными усовершенствованиями Соборности. Из его спины и крупной головы ледяными сосульками торчат алмазные шипы. Но глаза у него голубые, совсем как у человека, и смотрят на Миели с недоверием.

– Что вам угодно? – спрашивает он.

– А вы как думаете? – откликается Миели. – Я хочу попасть в пустыню дикого кода и поохотиться на мертвецов.

18
Вор и Ковш

Я встречаюсь с сянь-ку четыреста тридцать второго поколения Ветви Раннего Ренессанса Уравнений Пятой Степени в венском кафе в 1990-х годах. Придерживаясь своей роли, я не притрагиваюсь к шварцвальдскому вишневому торту, несмотря на то что он выглядит очень аппетитно. Я стараюсь не выходить из образа сурового и делового Сумангуру.

А вот сянь-ку поглощает сладкое с нескрываемым удовольствием. Это невысокая плотная женщина с улыбчивым лицом, одетая соответственно эпохе. Собирая ложечкой шоколад, она одобрительно хмыкает. Я жду, пока она закончит. Наконец сянь-ку вытирает губы салфеткой.

– Кофе? – предлагает она.

– Я охотнее перешёл бы к делу, – отвечаю я.

– Хорошо. Господин Сумангуру, честно говоря, я выделила время для разговора с вами, поскольку ваш визит оказался неожиданным. Мы не получали никаких корректировок к Плану, требующих проверки нашей деятельности.

Своими огромными чёрными руками я беру со стола ложечку и немного сгибаю её. Сянь-ку морщится.

– В Плане не могут быть учтены все враги Великой Всеобщей Цели.

Мягкий металл, без сомнения, точно сформованный простейшей машиной предков, легко скручивается. Я показываю сянь-ку ложку.

– Хороший вир. Всё вплоть до квантового уровня, не так ли?

В глазах сянь-ку внезапно вспыхивает страх.

– Мы по возможности упрощаем процессы, – торопливо поясняет она. – Здесь нет необходимости в квантовых элементах. Все разумы строго классического образца. При необходимости внести квантовые корректировки используются эксперименты двадцатого и двадцать первого столетий, кроме того, все аспекты квантовых преобразований убираются в виртуальные машины. Я вас уверяю, господин Сумангуру, здесь не может быть никакого загрязнения.

– Вы меня неправильно поняли. – Я кладу исковерканную ложку на стол. – Мои братья и я одобряем ваши действия. Мы находим воплощение… полезным для выявления врагов Цели.

Страх по-прежнему блестит в глазах сянь-ку. Нетрудно догадаться, почему в прошлый раз я выбрал именно этот образ.

Моей главной проблемой стало то, что Чен известил остальных о взломе Кода Основателя, но это повредило тщательно поддерживаемой иллюзии неуязвимости Основателей.

– Но вы же не рассчитываете найти таких здесь? – спрашивает сянь-ку.

– Существует опасение, что ваши действия слишком тесно связаны с материей, с плотью.

– Это происходит не по нашей воле, – говорит сянь-ку. – Наше понимание Цели так же важно, как и мнение других Основателей, а оно требует от нас исцеления потерянных душ на Земле.

– А почему же вы до сих пор этого не сделали?

– Несколько лет назад была предпринята попытка принудительно сканировать и перезагрузить биосферу Земли, но она потерпела неудачу.

– Абсурд. Неужели подобная планетарная среда может создавать какие-то проблемы? Особенно учитывая выделенные вам в соответствии с Планом ресурсы.

– Дикий код, – смущённо отвечает сянь-ку. – После Коллапса здесь что-то случилось. Нечто, похожее на мини-Сингулярность. Не в таких масштабах, как при Вспышке, но достаточно для проникновения ноосферы в природную биосферу. В результате возникла сложная самомодифицирующаяся программа, называемая местными жителями диким кодом. Он распространился в материи Земли, и избавиться от него очень сложно. Некоторые аспекты наши системы преобразования способны реконструировать, но большинство ключевых разумов находятся в загрузочных обителях.

– К которым вы получаете доступ при помощи торговли, не так ли?

– В общем и целом да. Мы торгуем с местными жителями. Процесс довольно медленный, но мы ведь археологи. Этот метод оказался эффективнее, чем все предыдущие.

– Слабовато. Ваш клан только подтверждает свою репутацию, – замечаю я.

– Мы найдём способ борьбы с диким кодом. Если План выделит нам больше ресурсов…

– …вы найдете очередную возможность их потратить. Наш разговор уже дал мне достаточно оснований обсудить эту проблему с Праймом. Но вы могли бы помочь мне в одном деле. Насколько я понимаю, у вас… имеются подробные записи о нашем славном прошлом.

– Согласно нашей интерпретации Цели, мы обязаны дать жизнь всем, кто существовал на Земле до возникновения федоровизма. А это требует детального изучения материалов и

исторических записей, равно как и археологических усилий в области поиска разумов.

– Меня не волнует ваша интерпретация Цели. Мне нужен доступ к вирам предков. Полный доступ.

– Вы, безусловно, понимаете, что в предоставлении подобных ресурсов я должна придерживаться Плана. В противном случае к чему это приведёт?

– Ваша… педантичность достойна восхищения. Но это неразумно.

Я одариваю её улыбкой Сумангуру, более похожей на тигриный оскал.

– Что вы хотите этим сказать?

– Научные изыскания могут отвлечь вас от важных событий. Пеллегрини и василевы. Возникло серьёзное напряжение. Настолько серьёзное, что мы не можем не обратить на это внимания.

Сянь-ку нервно опускает ложку на блюдечко – раздаётся громкий звон. Вполне вероятно, что в поисках самообладания она уже прочёсывает свои Каталоги.

– В Эксперименте, который я курирую, обнаружены… некоторые несоответствия.

– В нашей системе прошло уже несколько столетий, – протестует она.

– Преступления против Цели не имеют срока давности.

– Я понимаю. Возможно, я смогу обеспечить временный доступ.

– Вот и хорошо. – Я пробую торт. Он восхитителен, но я заставляю себя нахмуриться. – Жаль было бы скормить столь совершенное создание Драконам.

Вир предков в Ковше, здесь сянь-ку Соборности создают историю. Это гигантская мозаика, где фрагменты прошлого склеены между собой при помощи имитации. Сянь-ку наблюдают и измеряют, отыскивают воспоминания гоголов, купленных в Сирре или украденных в Ублиетте, и просматривают множество имитаций, чтобы отобрать сюжеты, соответствующие наблюдениям. Усредненные варианты иллюстрируются, сортируются и шлифуются, пока не начинают отвечать представлениям сянь-ку об определённом отрезке истории.

В первый момент картина кажется ошеломляющей. Я стал бесплотным духом в четырёхмерном мире. Божественная проницательность и новая возможность перемещаться во времени взад и вперёд. Ненавистно лишь состояние бестелесности – мне необходимо *дотрагиваться* до вещей, но воплощения здесь нет,

только холодок от зрительных процессов в мозгах гоголов. Сяньку мошенничают, где только могут: несмотря на мои обвинения, физические эквиваленты не могут похвастаться не только атомной, но даже молекулярной точностью.

Что могут думать здешние гоголы о своём существовании? Целые миры рождаются и умирают и переписываются заново только ради того, чтобы соответствовать вновь открытым фактам из истории. И только те, кто существовал в действительности, получают право на жизнь. Все остальные – просто наброски, стираемые за ненадобностью. Бедняги.

Не желая привлекать к себе внимание, я удаляюсь в мрачный уголок Британии седьмого века – истоптанная грязная поляна, затуманенная дождем, – и только там выпускаю Жозефину. С ловкостью настоящего Основателя она обретает физическую форму в виде лица из дождевых капель.

– Ну вот, Жан, – говорит она. – Теперь тебе известен план. В конце концов я выдала его тебе, хотя порой мне нравится, когда ты доводишь меня до бешенства. Теперь вопрос в том, хватит ли тебе на этот раз смелости, чтобы его воплотить.

– Но ты никогда не называла мне причину. Почему Чен так сильно хочет заполучить своего древнего го-гола?

Жозефина улыбается.

– Разве все мы не стремимся вернуться в детство?

– Я неплохо чувствую себя и во взрослом состоянии. Объясни.

Женщина-дождь смеётся:

– Чтобы стать взрослым, тебе потребуется ещё несколько столетий.

Затем она рассказывает, что увидела в вире Матчека Чена, на пляже.

– Вот оно что. Невинность, – говорю я, когда она заканчивает рассказ.

– Именно это тебе и придётся выкрасть. И не так, как ты обычно это делаешь, – добавляет она.

Я невольно сглатываю. В голове крутится мысль: это ведь Матчек Чен, величайший и ужаснейший повелитель Системы, и я не могу сделать ничего, что бы он не делал уже тысячи раз.

Но я хочу получить свободу.

– Будем болтать или займёмся похищением? – спрашиваю я.

Она дарит мне влажный поцелуй в щёку. А затем исчезает в пелене дождя, как Чеширский кот, для того чтобы отвлечь сянь-ку и завладеть системами Ковша.

Я смотрю на своё отражение в лужице под ногами. Оно тоже смотрит на меня, и в его взгляде читается обвинение. *Бездна.*

Монстры. И тому подобное.

Но я вор, а не философ. К тому же уже поздно рассуждать об этом. Я должен отыскать Матчека Чена. С чего же начать? Единственное, что я помню, – это огнеглотатель в Париже.

Чен пришёл на берег Сены посмотреть на огнеглотателя, а Жан ле Фламбер пришёл, чтобы посмотреть на него.

Уже вечер, в воздухе осенняя прохлада. Нотр-Дам маячит на противоположном берегу реки огромным каменным пауком, а за ним в небе блестят серебряные шпили Ситэ Нувель. Огнеглотатель – старый бразилец с обнажённым торсом, на котором проступают рельефные мускулы. На его смуглой коже играют отблески десятка факелов, закреплённых на вращающемся колесе. Он берёт один из них, выгибает шею и медленно опускает факел в рот. С его губ срывается гигантский язык пламени, словно из домны, а щёки и шея краснеют, отчего старик становится похожим на фонарь из тыквы.

Чен зачарованно смотрит, как светящиеся оранжево-красные языки лижут воздух. Взгляд напряжённый, рано поседевшие волосы развеваются на ветру. Отец федоровизма в юности.

На другом краю толпы стоит и наблюдает за ним молодой Жан. Он здесь по поручению Жозефины Пеллегрини. Я овладеваю его сознанием. Это простой гогол, всего лишь часть толпы, но, следуя его движениям, я кое-что вспоминаю.

Огнеглотатель заканчивает выступление, и я подхожу к юноше.

– Вам нравится цирк, месьё Чен? – спрашиваю я.

Он резко оборачивается.

– Огнеглотатели – это не просто клоуны, – отвечает он.

Я слегка кланяюсь.

– Лично я считаю себя скорее магом. Но могу вас рассмешить.

Он презрительно усмехается:

– Сомневаюсь.

– Я представляю человека, заинтересованного в вашей… деятельности. Богатого человека. У него к вам имеется предложение.

– Это не смешно.

Он поворачивается, чтобы уйти.

– Мне известно, что именно вы ответственны за произошедшее в Сверкающих Вратах Рая, – говорю я. – И это тоже было не смешно.

В его взгляде такой холод, что даже сквозь столетия я чувствую, как у меня внутри всё застывает. Я торопливо машу рукой.

– Не беспокойтесь, я не собираюсь вас выдавать. Это противоречит профессиональной этике. Выслушайте меня. Позвольте, по крайней мере, угостить вас выпивкой.

– Я не пью, – заявляет он.

– Вы можете посмотреть, как пью я. Я знаю одно подходящее местечко.

Я веду его в бар под названием «Caveau»[29] неподалёку от Пале-Рояля – до него всего пара шагов по узкой улочке с пустыми окнами. Мы спускаемся на несколько ступеней вниз, в полуподвальное помещение, и я заказываю мохито у бритоголового бармена из Сан-Франциско. Чен напряжённо смотрит на меня, и я испытываю некоторое уважение, видя, как он мысленно пытается нащупать сеть моих агентов, расставленную вокруг него.

– Мой наниматель интересуется, почему вы этим занимаетесь? – начинаю я.

Он слегка улыбается:

– Просто потому, что мне не нравится, как устроен этот мир. Разве в это так уж трудно поверить?

– Насколько я понимаю, Рай вам тоже не нравится.

Федоровисты освобождали разумы из чёрных ящиков загрузочных лагерей, координировали атаки сфабрикованных дронов, дистанционно управляемых активистами по всему миру. Плохо лишь то, что выпущенные на волю разумы овладели инфраструктурой Шэньчжэня и разрушили её. Живые компьютерные вирусы, обезумевшие от боли, способные проникнуть в любую автоматизированную систему и бесконтрольно копировать самих себя.

– Рай был только началом, – произносит Чен. – Фёдоров это предвидел. Следующая революция будет направлена против смерти. Я плохо отношусь к смерти. Думаю, хотя бы в этом наши мнения совпадают, месье ле Фламбер.

У меня приподнимаются брови. Похоже, он информирован лучше, чем я думал. Кроме того, бесчисленное множество освобождённых рабов, вставших на его сторону, создают значительное преимущество.

– Полиция доставляет мне достаточно хлопот, так что о смерти подумать некогда. Идеология меня не интересует. То, что я делаю, всего лишь игра.

– Но для меня это не игра.

Что же это? Что могло его так сильно изменить? Что сделало таким, каким он стал? Жемчуга Марты Уэйн?[30] Дядя Бен?[31] Что бы это ни было, здесь я этого не найду.

Хотелось бы посмотреть на его оборудование, на

примитивный загрузочный шлем, синхронизирующий в единое целое все его версии. Но эта информация безвозвратно утрачена во время Коллапса.

Давай же, молодой Жан, ты способен на большее.

– Мой наниматель понимает это. И она предлагает свою помощь. Оборудование. Деньги. У вас будет всё, что требуется.

– И какова цена?

Я улыбаюсь:

– Бессмертие, конечно.

Я покидаю свою прежнюю сущность и Чена за выпивкой и обсуждением будущего мира. К сожалению, этот разговор ни к чему не приведёт. В прошлом должно быть что-то ещё, что-то, убедившее меня в присутствии на Земле потерянного гогола Матчека Чена. Я конструирую вспомогательного гогола и прошу бармена смешать мне «Отвёртку». Воплощение и выпивка – это прекрасно, но ответов я пока так и не получил.

Кто-то дёргает меня за рукав. На меня смотрит усмехающийся монстр – деревянная маска, разрисованная выцветшими красками. Но она производит не слишком устрашающее впечатление, поскольку надета на маленькую босоногую девочку в грязном платье с пятнами сажи.

Я удивлённо моргаю.

– Что?..

– Ш-ш-ш, – прерывает она меня, прикладывая пальчик к деревянному рту.

Я выскальзываю из временного гогола и возвращаюсь в четырёхмерное пространство. Как ни странно, но она тоже здесь. В четырёх измерениях она превращается в бесконечную череду зеркальных отражений, извилистую, словно змея. Девочка манит меня за собой.

– Я помогу тебе, – обещает она, – если расскажешь мне историю.

– Кто ты?

– Сестра. Мать. Богиня. Принцесса. Королева. Расскажи историю, и я покажу тебе то, что ты ищешь.

– Какую ещё историю?

– Правдивую.

На Марсе я оставил след из воспоминаний – нечто, пробудившееся к жизни с моим возвращением. Возможно, здесь что-то подобное. В таком случае лучше подыграть.

Янтарные глаза девочки, исполненные любопытства, блестят в прорезях маски.

– Это довольно долгая история, – говорю я. – Но я думаю, что

время у нас есть.

Я заказываю ещё порцию выпивки и начинаю рассказ.

«Как всегда перед тем как воинствующий разум и я начнём перестрелку, я пытаюсь завязать разговор…»

– Спасибо, – благодарит девочка, когда история заканчивается.

Её голос доносится едва слышным шёпотом, завыванием ветра в трубе. Потом мир меняется, и я остаюсь наедине с тремя призраками.

Смуглый мужчина в костюме и с аккуратной бородкой сидит за столом и смотрит на молодую пару. Симпатичный молодой мужчина с копной светлых волос, в джинсах и футболке, и миниатюрная азиатка, которой очень трудно сидеть спокойно. Она всё время трогает спутника за руку.

Человек за столом улыбается им. Это дон Луис Перенна, торговый представитель и директор корпорации «Аль-Джанна». Серийный предприниматель, предлагающий очередную модель бизнес-класса для супербогатых клиентов. Полагаю, до встречи с Жозефиной я и сам этим занимался.

Он понимающе кивает.

– У меня тоже есть дети, – сообщает он. – Мальчик и девочка. И они уже участвуют в программе. Не могу выразить, насколько успокаивает меня это обстоятельство. Вечный кошмар родителей. Говорят, что после появления ребенка каждая ночь родителей наполняется страхами. Мы поможем вам справиться со страхом, отвести когти смерти.

– Я всё ещё не уверен, – отвечает мужчина, Боян Чен, отец Матчека. – Философские аспекты…

– Да, конечно, я вас понимаю, – соглашается Перенна. – Есть философия – любовь к мудрости, и есть просто *любовь*. В «Аль-Джанна» мы заинтересованы в последней.

– Мы уже всё обсудили, – решительно произносит женщина.

Она крепче сжимает руку Бояна. Благодаря отличным сенсорам в кабинете я могу видеть, как протекает процесс принятия решения в их мозгах. Перенна их зацепил.

– Ладно, – говорит молодой мужчина. – Давайте посмотрим.

На экранах возникают сооружения, похожие на подземные бункеры.

– Энергоснабжение из термальных и ядерных источников. Уникальные дублирующие системы. Секретное местоположение.

Проклятье. Придётся подробнее изучить архивы «Аль-Джанна».

– Мы гарантируем полную безопасность. Убежище выдержит даже прямое попадание астероида. Тактовая частота внутри

изначально будет замедленной, с периодической синхронизацией…

Я был прав. Где-то на Земле *действительно* похоронен никому не известный гогол Матчека Чена. Вот и ключ к решению. Дело за похитителями тел. Я составляю закодированное послание для Миели и запускаю его в сеть мыслевихрей Соборности.

Вир замирает.

– Какое интересное открытие! – восклицает сянь-ку Уравнений Пятой Степени. – Удивительно! Какое необычайное достижение для представителя вашего копи-клана.

– Что вам нужно? – рычу я голосом Сумангуру.

– Я просто хотела убедиться, что вы отыскали то, что вам необходимо. Я и предположить не могла, что вы обнаружите такое. Как вам это удалось? Это же новый фрагмент истории ченов.

– Я посоветовал бы вам не вмешиваться, – говорю я.

Эта ведьма выводит меня из себя.

Она вежливо кивает:

– У меня и в мыслях этого не было. Однако я хотела бы попросить вас об услуге.

Понятно: начинается болтовня. Проблема централизованного планирования заключается в том, что рано или поздно синхронизация нарушается, и для выполнения задач всегда существуют альтернативные способы. Я должен был это знать. Сянь-ку настолько далеки от времени *губерний,* что довольно легкомысленно относятся к Плану.

– В физическом сегменте Сирра возникли небольшие проблемы, и мы были бы рады вашей помощи…

19
Таваддуд во Дворце Сказаний

Я карабкаюсь вниз по Осколку Гомелеца, словно паук, а за спиной простирается пустыня дикого кода. Ночью она похожа на оживлённый город: светящиеся линии мелькают так быстро, что глаз не успевает за ними уследить. Поэтому я фокусирую взгляд на Таваддуд, ползущей по стене несколькими метрами выше меня, – стройной фигурке в чёрном костюме, защищённом Печатями. Девушка ловко передвигается, перебирая руками. Живя в вертикальном городе, можно многому на– учиться.

Мне нравится на неё смотреть. И это единственный приятный момент в сложившейся ситуации. Во всём остальном хуже и быть не может. Со стороны пустыни Осколок представляет собой гладкую отвесную поверхность, лишь изредка пересекаемую случайной трещиной в древней интеллектуальной материи. Я с трудом цепляюсь за неё крошечными шипами на ладонях и подошвах босых ног, прижимаюсь, словно к любовнице, и стараюсь не думать о сотнях метров, отделяющих нас от земли.

В теории всё не так уж сложно: спуститься по наружной стене, куда не любят заглядывать Кающиеся Кассара Гомелеца, и защититься от дикого кода с помощью снаряжения муталибунов. В действительности это намного труднее. Несмотря на плотную ткань, перед глазами то и дело вспыхивают искры, свидетельствующие о попытках дикого кода проникнуть в мой мозг.

– Надо было украсть этот чёртов ковёр, – бормочу я уже в четвёртый раз.

Но Таваддуд и слышать об этом не хотела: нас бы немедленно заметили.

Вместо этого она раздобыла у женщины-паука из Бану Сасан какое-то снадобье и заставила меня выпить горькую тягучую жидкость зеленоватого цвета. Не знаю, какие наниты проклятое зелье внедрило в моё тело, но это подействовало. Хотя я и не овладел в *полной мере* технологией Сирра, если это можно так назвать: конструированием геометрических и словесных форм, которые создают ментальные структуры, активирующие древние команды, скрытые в атаре – местном спаймскейпе. По сути, это воспроизведение сопряжения мозг – компьютер в древней нанотехнологии. И ещё есть Тайные Имена, которые, как мне кажется, затрагивают более глубокие слои и воздействуют на дикий код.

Жан, чем ты занимаешься, чёрт побери?

Из-за голоса «Перхонен», неожиданно зазвучавшего в голове, я чуть не срываюсь вниз. На мгновение я повисаю над бездной на одной руке. Верёвка, связывающая меня с Таваддуд, натягивается. Девушка вопросительно смотрит на меня, но я жестами показываю, что всё в порядке.

– Ты мне мешаешь, – отвечаю я кораблю. – Где ты так долго пропадала?

Пеллегрини потребовалось время, чтобы подключить меня к коммуникационным системам Ковша.

– Значит, она была занята. Как дела у Миели?

Она успешно вживается в образ наёмника.

– Хорошо. Мы не единственные, кто занимается поисками аль-Джанна, но план пока работает. Я подозреваю, что скоро кое-кто будет собирать большую группу наёмников. Если Миели сумеет внедриться в нужный отряд, мы быстро продвинемся.

А как… с другим делом?

– Именно из-за него я сейчас изображаю из себя паука.

Мне это не нравится, Жан. Ты даёшь бедной девушке обещания, которые не сможешь выполнить.

– Я всегда держу слово, и тебе это известно…

Не ходи туда.

– Сейчас не время трусить. Не забывай, мы заключили сделку.

До тех пор, пока ты выполняешь её условия. Между прочим, Пеллегрини говорит, что в Ковше тоже наблюдается необычная активность. Сянь-ку что-то замышляют. И это трудно удержать в тайне. Возможно, мне придётся…

Голос корабля внезапно пропадает. Я бормочу проклятья. Но мы зашли слишком далеко, чтобы поворачивать назад. Я снова машу рукой Таваддуд. Ещё две сотни метров остались позади. Я чувствую боль и усталость. Состояние напоминает простуду. Когда я создавал эту оболочку из компонентов системы Ковша, я не смог воспроизвести никаких серьёзных усовершенствований своего изготовленного в Соборности тела – оно до сих пор остаётся на борту «Перхонен» в состоянии стазиса. А дикий код, чем бы он ни был на самом деле, серьёзно вредит моим внутренностям. Остаётся только надеяться, что я смогу продержаться до завершения работы.

Кроме того, должен же у меня быть запасной вариант.

Таваддуд дёргает за верёвку. Под нами показалось что-то вроде галереи. Она не освещена, поблёскивают только защищённые Печатями стёкла.

Как только я принимаюсь резать стекло, мой ку-инструмент шипит и отказывается работать, изменив при этом форму. У меня

вырывается ругательство, и бесполезное приспособление летит вниз, в темноту, крутясь и рассыпая искры, словно фейерверк.

– Попробуйте это, – произносит Таваддуд и протягивает старинный резак: алмаз, закреплённый на металлическом стержне.

Алмазы в Сирре ничего не стоят: мальчишки без труда собирают их в местах крушений кораблей Соборности, погибших во время Крика Ярости. Я испытываю определённое удовольствие, используя в качестве режущего инструмента предмет, по стоимости равный тысяче гоголов Соборности. Ещё несколько мгновений, и я осторожно вытаскиваю стеклянный диск. Через образовавшееся отверстие мы проникаем внутрь.

Этот дворец ремонтируется, здесь тихо и пусто. Таваддуд ведёт меня к выступу на вертикальной стене, уходящей к основанию Осколка, я заглядываю в зияющую пропасть и вижу лишь провода джиннов.

– А как мы теперь будем спускаться? – спрашиваю я.

Таваддуд поднимает на меня серьёзный взгляд.

– Господин Сумангуру, вы доверяете мне?

Её темные глаза загадочно блестят в темноте. Ей многое пришлось пережить. Подобно мне, она сбежала из одной тюрьмы и оказалась в другой. Она преследует недостижимую цель и хочет поступать правильно.

«Перхонен» права. Я её разочарую.

Делай то, что получается у тебя лучше всего.

Я медленно киваю и улыбаюсь ей.

– Тогда дайте мне руку.

Она неожиданно крепко сжимает мои пальцы. А затем шагает в бездну и увлекает меня за собой.

У меня вырывается вопль, и я отчаянно пытаюсь за что-нибудь ухватиться, но уже поздно. Мы несёмся вниз, в темноту. Я слышу смех Таваддуд. Внезапно вокруг возникает янтарное сияние, похожее на волшебную пыль, и падение замедляется, словно нас подхватило дыхание Бога.

– Сеть ангелов, – выдыхаю я.

Таваддуд парит рядом со мной.

– Да! – смеётся она. – Лишь на Осколке Угарте она сохранилась и полностью функционирует. Здесь живут самые богатые торговцы гоголами. Только надо точно знать место.

Я закрываю глаза, отдаваясь во власть древних ангелов, охраняющих Сирр-на-Небе, и не открываю до самой земли.

После спуска они на последнем трамвае едут до подножия Осколка Узеда.

Таваддуд стоит напротив Сумангуру и держится за поручень. Городские огни мерцают в его атар-очках, отражения пляшут в такт покачивающемуся трамваю. Сумангуру выбрал себе очки с круглыми голубыми линзами, подходящие по цвету к его костюму муталибуна.

– От этого неисправного спаймскейпа у меня глаза болят, – говорит он. – Но мне кажется, что нас преследуют.

Таваддуд смотрит через его плечо, и с её губ срываются проклятья. По проводам для джиннов над трамваем несутся три цветные змеи из многоугольников. Они кружат над пассажирами и двигаются намного быстрее людей, но без мыслеформ в физическом мире видят довольно плохо. Значит, необходима маскировка в атаре.

Таваддуд выбирает подходящую пару – миниатюрная женщина оживлённо обсуждает со своим спутником вопрос покупки нового кувшина для джинна-слуги. Таваддуд едва слышно произносит Тайное Имя аль-Мусаввира, Дарующего Облик, копирует свой и Сумангуру образ в атаре и накладывает на образы попутчиков. И действительно, когда пара выходит на следующей остановке, два джинна следуют за ней. Третий остаётся, но ненадолго. Через пару секунд исчезает и он.

– Ловко, – одобряет Сумангуру.

Осколок Узеда, единственный ещё не до конца восстановленный фрагмент Сирра, окружён лесами и пластиковыми щитами, означающими, что работы по ликвидации повреждений, нанесённых два года назад диким кодом, всё ещё продолжаются. Таваддуд помнит, как внезапно возникали гигантские конструкции – продукты дикого кода, завезённые из пустыни заражённым поездом душ, как карабкалось по осколку сапфировое дерево. Оно росло буквально на глазах, и в атаре можно было видеть вьющийся вокруг него рой джиннов.

По мере приближения к тёмному каркасу на горизонте её сердце бьется всё быстрее и быстрее. *Дуни. Дуни. Я поступаю правильно. Отец должен узнать правду.* Таваддуд вспоминает долгие ночи, наполненные ощущением вины, осознанием собственной неправоты. *Возможно, это тоже устраивала она. Хотела, чтобы я оставалась ничтожеством и не вставала у неё на пути.*

Таваддуд сжимает в кармане мыслекапсулу, изготовленную в Соборности. «Она имитирует часть твоего мозга, куда внедрится фрагмент, – сказал Сумангуру. – Как кувшин джинна, с той лишь разницей, что он не сможет оттуда выбраться». Такая маленькая вещица, кусочек холодного металла размером с ноготь.

Таваддуд старается думать о спокойном голосе Кафура, вспоминает, как он приютил её, когда она ушла из Города Мёртвых. *Он поможет. Всё будет хорошо.* Кафур учил, что всё можно вылечить.

Здесь повсюду большие перепады высоты: резкие спуски под трамвайные пути и вертикальные аллеи, тянущиеся вверх, на Осколок. Таваддуд оглядывается на Большую Северную Станцию, откуда начала распространяться зараза: на длинные залы с низкими потолками и арки, всё ещё отмеченные следами битвы, когда мухтасибы и Кающиеся пытались сдержать натиск дикого кода. Металлические брусья и стёкла до сих пор покрыты шрамами.

Пройдет ещё какое-то время, и шрамы исчезнут.

Они выходят на последней остановке вместе с толпой рабочих, возвращающихся домой после вечерней смены. Таваддуд ведёт Сумангуру вниз по извилистой лестнице. Здесь нет никого из Кающихся, а атар настолько зыбок, что джинны не смогут их выследить. Дуни, вероятно, сходит с ума от злости.

На арках, оставшихся от Северной Станции, при их приближении появляются светящиеся указатели. Из-за грохота трамваев наверху разговаривать почти невозможно. Повсюду запах озона, и воздух кажется густым. Неожиданно перед ними, словно зрачок гигантского глаза, открывается старый туннель поездов душ и оттуда веет холодом.

Внутри приходится идти по неровной земле, и Таваддуд едва не повреждает ногу об алмазный рельс. Вдали слышны шорохи и чьё-то бормотание. Бану Сасан перешёптываются о том, что дикий код не побеждён окончательно, что в развалинах ещё живут его детёныши.

– Когда вы говорили о дворце, я представлял нечто иное, – произносит Сумангуру.

– Ш-ш-ш, – Таваддуд заставляет его замолчать.

Впереди на стене светящийся символ – круг с двумя точками глаз. Лицо. Таваддуд произносит Тайное Имя, которому много лет назад научил её Кафур, и перед ними открывается дверь, ведущая в длинный коридор, залитый неярким красноватым светом. Внутри разносится эхо далёкой музыки и человеческих голосов, слышится чей-то шёпот.

Таваддуд протягивает Сумангуру белую маску и сама надевает такую же.

– Добро пожаловать во Дворец Сказаний.

Дворец, как всегда, выглядит немного изменившимся. Это настоящий лабиринт скудно освещённых переходов. Повсюду

сотни людей в масках. В коридорах они молчаливы, но в залах, загадочным образом возникающих то тут, то там, слышится шум и смех, горит свет, играет музыка.

Таваддуд и Сумангуру попадают в комнату с высокими белыми стенами, на которых танцуют тени, хотя источника света нигде не видно. Длинноногие чернильные кляксы разбегаются, как только Таваддуд пытается к ним прикоснуться. Следующий зал опутан медными проводами и гудит от статического электричества. В нём, словно перед грозой, тяжело дышать, а волосы встают дыбом и начинают потрескивать. В галерее, обитой чёрным бархатом, тысячи свечей, повинуясь жестам человека в чёрном костюме, белых перчатках и балетной пачке, переворачиваются и исполняют под потолком медленный танец света и огня. В атаре полно джиннов, навевающих иллюзии.

Стройная женщина с коротко подстриженными тёмными волосами и в красной, а не в белой маске подходит к ним и слегка кланяется.

– Мне кажется, что вы впервые очутились во Дворце Сказаний, – обращается она к Сумангуру. – Чем мы можем вам помочь? Что вам угодно? Тела для джиннов, истории для плоти? – Она кладёт одну руку на бедро, а другой проводит по губам и оглядывает гогола Соборности с головы до ног. – Господин Плечистый может насладиться здесь фильмами или детективными историями. А для вас… – Она удивлённо моргает. – Таваддуд?

– Эмина. – Таваддуд улыбается под маской. – Я пришла повидаться с Кафуром.

Эмина хватает её за руку и тащит за бархатную портьеру в небольшую пустую комнату с голыми стенами.

– Как тебе хватило духу показаться здесь, маленькая дрянь! – шипит она.

– Эмина, я…

– Когда за тобой явились Кающиеся, нам пришлось бежать и скрываться. Я ушла в Город Мёртвых. Я была там гулем. Ты знаешь, что это значит? Конечно, нет. Ты, госпожа Таваддуд, играла в рабыню воплощения, пока тебе не надоело, а потом вернулась к папочке.

Она с отвращением вскидывает руки.

– А это кто? Новая игрушка? Он него несёт Соборностью. Знаешь, у нас тут есть и масруры. Но ты ведь теперь живёшь во дворце и тебе всё равно, верно?

– Всё было совсем не так. Пожалуйста, выслушай меня.

Эмина судорожно всхлипывает.

– Нет, было именно так. Глупая девчонка. Убирайся сейчас

же! Вон!

Она вытирает глаза и указывает на дверь.

– Эмина, прошу тебя. Мне нужна помощь Кафура. Я ищу Аксолотля. У меня есть соборы, я заплачу…

Эмина искоса бросает на неё взгляд.

– Вот оно что. Аксолотль. Наконец-то. Устала от немощных старых муталибунов? – Она скрещивает руки на груди. – Скажи, это очередная игра или нечто большее?

В глазах Таваддуд появляются слёзы.

– Это намного серьёзнее, – шепчет она.

Несколько мгновений Эмина молча смотрит на неё, а потом крепко обнимает.

– Ну-ну, Тава, всё в порядке. Ты ужасно выглядишь. Не плачь, а то будет ещё хуже. Тетушка Эмина всё устроит. Я отведу тебя к Кафуру, и, если этот глупец тебе не поможет, он мне за это ответит.

Она похлопывает Таваддуд по спине.

– Аксолотль был здесь, но недолго. Говорят, он связался с масрурами, нападал на поезда душ и воевал с Соборностью. – Она сердито косится на Сумангуру. – Тебе надо тщательнее выбирать друзей.

– Эмина, я… Прости, что так получилось. Я не хотела никому доставлять беспокойство. Мне было хорошо здесь. Прошу тебя, скажи Зувейле и Маржане, и Ганиму, и всем остальным, что…

Эмина сверкает глазами.

– Не волнуйся об этом. Тебе просто требовалась встряска, вот и всё. Мы все хотим встретить своего принца-джинна, и если тебе это удалось, тем лучше. А теперь пойдём и отыщем Кафура. – Она хмурится. – С тех пор как ты видела его в последний раз, он переменился.

Кафур принимает их в огромном зале, сидя на полу под железнодорожной аркой – вероятно, они где-то под самой Северной Станцией. На Кафуре знакомый балахон с капюшоном и длинными рукавами, но сам он кажется ещё более сгорбленным и кривым. На лице Кафура тоже красная маска. По обе стороны от него стоят мыслеформы джиннов в запрещённых женских обличьях: одна полностью обнажённая фигура с серебристой змеиной чешуёй, другая представляет собой изящную ледяную скульптуру.

Как давно я здесь не была.

– Подойди ближе, – говорит Кафур. Голос у него тоже изменился: стал ещё пронзительнее, как звон колокольчика, и теперь совсем не похож на человеческий. – Я и не думал снова

тебя увидеть. Подойди ближе.

Перед Кафуром на полу полукругом разложены подушки. Таваддуд встаёт на колени на одну из них.

– Магистр, я пришла просить о милости, – произносит она.

– О милости? Таваддуд, живущая в мире дворцов, величественных мухтасибов и могущественной Соборности, возвращается в мир историй и секретов, и первое, что она делает, – просит у Кафура милости? Неужели у тебя не найдётся для меня поцелуя в память о старых временах?

Кафур сбрасывает капюшон и снимает маску.

– Хотя дикий код жестоко обошёлся со мной. Никому не скрыться от Разрушителя Наслаждений.

Его лицо кажется сплошной вздувшейся массой сине-багрового цвета с зияющими провалами, из которых сочится бесцветная жидкость. Мелкие твари с писком копошатся в пустых глазницах: химерические насекомые в радужных панцирях шныряют по лицу, перебегая из одной трещины в другую. Рукой, закрытой вышитым рукавом, Кафур притрагивается к почерневшей ране на том месте, где были его губы. У Таваддуд всё внутри сжимается.

– Ну, что скажешь? Если хочешь, можешь закрыть глаза.

Сумангуру вскакивает и поднимает кулак.

– Может, лучше я тебя *поцелую*?! – рычит он.

Таваддуд кладёт руку ему на плечо.

– Это его Дворец, – спокойно говорит она. – Я заплачу эту цену.

– Я не могу этого допустить.

– А я-то думала, что вы совсем не заботитесь о том, что плоть делает с плотью.

– Здесь совсем другое, – возражает Сумангуру, глядя на Кафура.

– Я знаю, что делаю, – отвечает Таваддуд и произносит Тайное Имя аль-Джаббара Непреодолимого.

Сплетение можно осуществить и насильственно, особенно когда это касается джинна. Это запрещённый прием, но Таваддуд так рассержена, что уже не думает о последствиях. С помощью Тайного Имени она сплетается с женщиной-змеёй и целует Кафура так, как это делают женщины-джинны: язык превращается в фоглеты, источающие пламя и яд и высасывающие воздух из лёгких. Кафур отстраняется, задыхаясь и отплёвываясь.

Таваддуд отходит назад и вытирает губы тыльной стороной руки, а мыслеформа со злобным криком тает в воздухе. Насильственное сплетение вызывает ослепляющую головную боль, но девушка только сжимает зубы.

– Кафур, если ты и дальше станешь требовать поцелуи вместо историй, тебе придётся поработать над своей выносливостью, – произносит она.

Он некоторое время смотрит на неё, а потом разражается пронзительным отрывистым хохотом.

– Да ради такого поцелуя можно и умереть! – Кафур снова надевает маску. – Ну так о чём же ты хотела попросить старого Кафура, дорогая Таваддуд?

Таваддуд напряжённо сглатывает.

– Ты учил меня, что любое сплетение оставляет следы. Я хочу установить контакт с джинном Зайбаком, известным также как Аксолотль, в склепе которого ты нашёл меня и привёл сюда. Я хочу отыскать его в своём сознании. Если я хорошо служила тебе, помоги мне, пожалуйста, это сделать.

– Ты хорошо мне служила. – Проворные жилистые руки Кафура двигаются под длинными рукавами. – Но ты привела к нам Кающихся. И просишь не о мелком одолжении. Ты хочешь соединить то, что было разорвано. Хочешь, чтобы я раскинул сеть в атаре, поймал Отца похитителей тел и привёл его к тебе, словно гогола из пустыни. Что ты предлагаешь мне взамен?

– Мой отец…

– А-а. Твой отец. Это богатый человек, у него много гоголов, много дворцов и много друзей. Но здесь мы не гонимся за обычными монетами дневного Сирра. Тебе известно: мы торгуем Именами и историями. Можешь ли ты, Таваддуд из Дома Гомелец, которая всему, что знает, научилась у Кафура, предложить что-то из этого? Можешь ли ты назвать Имя, которого я не знаю? Или можешь рассказать историю, какой я ещё не слышал, как всегда спрашивает Аун?

Таваддуд вспоминает об Имени, названном Арселией, но не успевает заговорить, как её опережает Сумангуру.

– А как насчёт звёздной истории? – спрашивает он.

– Интересно, – отвечает Кафур. – Она стала бы редкой драгоценностью.

Сумангуру снимает атар-очки.

– Эту историю я услышал от космического корабля и могу поклясться, что она правдива, – говорит он. – Давным-давно жили две девушки, Миели и Сюдян, и они вместе отправились в летающий город на Венере, чтобы жить вечно.

20
История Миели и Сюдян

Миели прижимается лицом к невидимой оболочке летающего города и наблюдает, как танцует в небе её возлюбленная. Обнажённые тела венерианских божков как будто нарисованы мелом на сернистых облаках, и Сюдян на одолженных крыльях кажется рядом с ними совсем крошечной. Миели смотрит, как они окружают и преследуют её, вынуждая уходить вниз по крутой спирали, и знает, что Сюдян смеётся – громко и заливисто, вовсю наслаждаясь жизнью.

– Миели, девочка моя! Иди к нам! – кричит она в ухо Миели. – Спорим, ты не сможешь меня догнать?

Миели в одно мгновение могла бы оказаться рядом, стоило только позволить городу снабдить её второй оболочкой и достаточной силой для крыльев, чтобы противостоять венерианскому ветру, но она предоставляет Сюдян резвиться одной. Кроме того, Миели чувствует себя *тяжёлой,* как будто придавленной к земле, несмотря на то что фоглеты города Амтор поддерживают её тело невидимыми руками. Она не хочет сейчас летать. Или просто смогла убедить себя в этом.

Она испытывает головокружение, глядя вниз, на суровые базальтовые горы с их необычным строением, трещинами и вулканами, и приходит в ужас при мысли о трёхсотмильном ветре, ревущем снаружи, и иссушающей жаре под пеленой туч, которая делает планету похожей на гигантский автоклав. Миели привыкла к жестоким условиям и бóльшую часть жизни провела в скафандре, но в космическом Человеке Тьмы нет злобы, только пустота. С Венерой дело обстоит иначе, и Миели ещё не готова с ней встретиться. Пока не готова.

Хватит хандрить, произносит «Перхонен» в её голове. *Выходи. Летай. Играй. Мы проделали такой долгий путь. Надо наслаждаться жизнью.* В голосе корабля слышится нетерпение.

– Помолчи, – говорит Миели. – Я хочу посмотреть на рассвет.

В городе Амтор рассвет длится вечно. Око солнца, оранжево-красное, окрашивает плотные молочные облака в такие цвета, каких Миели никогда не видела в Оорте, краю льда и грязного снега. Город летит на горячих ветрах на границе света и тьмы, преследуя солнце. Он представляет собой сферу из ку-камня и алмазов, внутри которой поднимаются волшебные башни. Цивилизация, пляшущая на дыхании Венеры в пятидесяти километрах над поверхностью.

Из наблюдательных сфер на краю города открывается изумительный вид, и Миели намерена сидеть там в одиночестве и наслаждаться пейзажем. После долгого путешествия вместе с Сюдян под тонкой оболочкой паучьего корабля, после многих месяцев скольжения по Магистрали, унесшей их на световые часы от пояса Койпера, одиночество производит странное впечатление.

Но, возможно, ей мало просто наблюдать рассвет. Может, она должна…

– Привет, оортианка. Хочешь персик?

Миели вздрагивает от неожиданно раздавшегося голоса. На скамье по соседству сидит парень лет шестнадцати со смуглой кожей, которая в лучах венерианского рассвета кажется медной. Он одет как на картинках в старых книжках: в джинсы и футболку, которые висят на его худощавом теле. У парня тонкие седые волосы, но взгляд пронзительно голубых глаз кажется молодым. Он сидит, подняв колени и закинув руки за голову. Рядом стоит рюкзак.

– Как ты узнал, что я из Оорта? – спрашивает Миели.

– Ну, понимаешь… – Парень почёсывает подбородок. – Тебя выдаёт взгляд.

– Какой взгляд?

– Я называю это взглядом Гулливера. Мне уже доводилось видеть подобное. Как будто ты попала в страну великанов. Как будто эта планета слишком большая для тебя. Персик?

Он засовывает руку в рюкзак, достаёт золотистый шарик и бросает ей. Непривыкшая к гравитации, Миели с трудом ловит его. И краснеет.

– Он не такой уж большой, – говорит она. – Просто сила притяжения мешает.

Миели приближается к скамье, внимательно следя за своей походкой: ей кажется, что она вот-вот провалится вниз, и она осторожно делает шаги, как будто идёт по тонкому стеклу. Парень отодвигает рюкзак, и она с благодарной улыбкой садится рядом.

– А почему же ты не там, не летаешь по воздуху? Так было бы легче.

Миели надкусывает персик. Мякоть сладкая и сочная, с привкусом горечи, как венерианский воздух.

– А ты? Почему ты не летаешь? – спрашивает она.

– Ну, начнём с того, что здесь ты. Самая хорошенькая девчонка из всех, кого я видел, и совсем одна в городе богов. – Он покусывает губы. – А может, я просто не люблю летать.

Миели сидит рядом с ним на скамье и продолжает есть персик. Косточку она перекатывает во рту. Поверхность косточки

жёсткая и шершавая, такой, вероятно, могла быть твердь Венеры, если дотянуться до неё языком: неровный базальт, густой, почти жидкий воздух и едкая кислота.

– Моя… подруга там, – сообщает она. Разговаривать с кем-то, кроме Сюдян или «Перхонен», оказывается очень приятно. – Мы прибыли сюда вчера. Очень странное место. Ей нравится. А мне нет.

– Я и не предполагал, что оортианцы забираются так далеко в глубь Внутренней Системы. Но не подумай, что я против, совсем нет.

В этот момент она готова рассказать ему всё. *Мы встретились на грандиозной стройке и полюбили друг друга. Мы сражались в войне между племенами. Все считали, что мы погибли. И Сюдян решила: пусть так и остаётся.* Но взгляд у парня слишком пристальный.

– Это длинная история, – произносит она вслух. – А как ты узнал, что я не одна из *них?* – Она показывает на белые крылатые фигуры, уже едва различимые вдали.

– Персик, – отвечает парень. – Они не едят. По крайней мере, так, как ты. – Он усмехается. – Это тоже в некотором роде символично. Парис подарил яблоко прекраснейшей из богинь.

Он красиво льстит, замечает «Перхонен». *Не хуже, чем Сюдян.*

– Ты же согласился, что я не богиня, – отзывается Миели.

– Сейчас и ты подойдёшь. До тех пор, пока я не найду настоящую богиню.

– Это не похоже на комплимент.

– Извини, – произносит парень. – Я имел в виду богиню в буквальном смысле. Я пришел сюда из-за обвала. Жду, когда упадёт город. Когда придут боги Соборности.

О чём он говорит? шёпотом обращается Миели к «Перхонен».

Не имею понятия, отвечает корабль.

Парень замечает её растерянность.

– Ты знаешь, что такое обвал Бекенштейна? – спрашивает он.

– Нет. Наверное, должна знать.

– Это то, что происходит со всеми Городами Ветров. Вот почему все сюда слетаются. Пилигримы и постлюди, монстры и божки, с Пояса и из Ублиетта, и даже зоку с Юпитера и Сатурна. Они собираются здесь, чтобы отдать себя Соборности ради Великой Всеобщей Цели.

Город падает. Машины Соборности его подхватывают. И сжимают до масштаба Планка. Возникает сингулярность. Плотность информации превосходит границу Бекенштейна. И получается чёрная дыра – настолько маленькая, что она нестабильна. Поэтому она взрывается под корой. Это

фантастическое световое шоу. И оно уже скоро состоится. – Взгляд парня становится мечтательным. – После обвала появится богиня, чтобы собрать своих детей и понежиться в излучении Хокинга. Я пришёл, чтобы встретиться с ней. И отдать ей персик бессмертия.

Миели встаёт. Её тело кажется тяжёлым, словно налито свинцом, но ей уже всё равно.

– Она не сказала мне, – негромко произносит она.

Она не сказала мне! кричит она «Перхонен». *И ты не сказала мне!*

Я не хотела вмешиваться, протестует корабль. *Я думала, она сама тебе скажет.*

– Спасибо, – говорит Миели парню. – Надеюсь, ты найдёшь свою богиню.

– Обязательно найду, – отвечает он.

Но Миели уже бежит к краю города, к облакам и пятидесятикилометровому обрыву. Она раскидывает руки, расправляет крылья и прыгает.

Сюдян превращает полёт в игру, как это бывало на строительстве Цепи в Оорте. Игра всегда заканчивается одинаково, и к тому времени, когда Сюдян позволяет Миели догнать себя, та уже не сердится.

В первый раз на Венере они занимаются любовью в ку-сфере над кратером Клеопатра, на склоне гор Максвелла, а потом, уставшие, залитые светом янтарных облаков, отдыхают в объятиях друг друга. Миели обводит пальчиком серебристые линии шрамов, где когда-то были крылья Сюдян. Её подруга трепещет от наслаждения, а затем переворачивается.

– Посмотри, отсюда видно *губернию,* – говорит Сюдян, показывая наверх.

И действительно, там ярко горит вечерняя звезда. Алмазный глаз в небе, один из домов богов Соборности: искусственная сфера размером со старую Землю, изготовленная из добытых на Солнце углеродов. Зреющие там мысли превосходят суммарные умственные способности всего человечества.

– Разве тебя это не забавляет? Мы так далеко забрались.

Миели становится холодно. Она гладит Сюдян по щеке.

– Что-то не так?

– Мне здесь страшно, – признаётся Миели. – Не надо было сюда прилетать. Солнечные кузнецы рассказывали нам о юпитерианских городах-государствах и о красной планете, где они пили вино и слушали старинную земную музыку. Почему мы выбрали это место?

Сюдян отворачивается и садится, обхватив колени руками. Она берёт драгоценную цепочку, созданную после их первой Большой Работы, и начинает наматывать на левую руку.

– Ты знаешь почему, – отвечает она.

– Почему ты хочешь стать богиней?

Сюдян смотрит на неё, но её губы сжимаются в тонкую линию, и она молчит.

– Ты хочешь упасть вместе с городом, – продолжает Миели. – Мне рассказал об этом пилигрим. Ты хочешь быть мыслью в разуме города, когда он обвалится.

– Это ведь мечта, верно? Моя мечта, – отзывается Сюдян. – Киркkaат Кутойат считают себя такими умными. Давайте все вместе строить ледяные мосты к звёздам, мы будем свободными. Отлично. Великолепно. Но мы *умираем.* Мы умираем и превращаемся в призраков. Предки – это не совсем мы, это тени и воспоминания, и ледяные кости. Я этого не хочу. Никогда. – Она прикладывает обвитую цепочкой руку к груди Миели чуть повыше сердца. – Мы могли бы сделать это вместе.

Миели медленно качает головой.

– Ты была права. Всю жизнь меня убеждали, что я особенная, – говорит она. – Оброчный ребёнок. Бабушкина любимица. Но самое особенное во мне – это чувство к тебе. И делает его таким страх потери. Если бы это продолжалось вечно, ничего подобного не было бы.

Сюдян смотрит на город Амтор, на далёкий янтарный шар в небе, похожий на снежную глыбу.

– Обещаю, что останусь с тобой, – произносит она немного погодя. – Проклятье. Я ещё не привыкла к этому. – Она вытирает глаза. – Ладно. Давай любоваться видами. Хочешь, посмотрим, как сверхчеловеческий разум получает оргазм Хокинга? Издали.

Миели улыбается. Волна облегчения наполняет её теплом.

– Держу пари, ты говорила это всем девушкам, – усмехается она.

И всё-таки я считаю, что лучшим местом для наблюдения была бы орбита, бормочет «Перхонен». *Например, вокруг Марса.*

– Тише. Уже начинается, – говорит Миели, поёживаясь от возбуждения.

На фоне сурового пейзажа плато Лакшми она уже различает информационные снежинки. На базальтовой поверхности планеты всё приходит в движение: звери фон Неймана разбегаются в разные стороны, ищут убежища на крутых склонах гор Максвелла. В кроваво-красном тумане венерианского утра они кажутся чёрными муравьями, в панике сбивающимися в

группы.

Посмотри-ка на это.

Корабль передаёт Миели изображение с орбиты: Амтор, обвитый безупречной бело-голубой спиралью, находится в самом центре бури.

Миели, там, внизу, есть разумные горы. Даже здесь, наверху, поток информации сносит крышу. Если я через пять минут сойду с ума или спонтанно перестроюсь, виновата будешь ты.

– Заткнись. Мы развлекаемся.

Миели стискивает руку Сюдян – податливая интеллектуальная материя расплавляется, и вот она уже сжимает тёплые пальцы подруги. Они обе надели тяжёлые скафандры из текучего камня, и лазерный луч с орбиты поддерживает мощность щита для их ку-сферы, которая в данный момент замаскирована под сверхплотный элемент из самого конца периодической таблицы. Гостеприимство Соборности распространяется даже на тех, кто ещё не отказался от своего сознания.

Если кто-нибудь спросит, я ещё четыре минуты буду прятать голову в песок и молиться, чтобы у меня остался капитан-человек, шепчет «Перхонен» и исчезает. Отсутствие корабля слегка шокирует Миели, но мир уже рушится, и подумать об этом некогда.

Гигантская рука поднимает из центра плато Лакшми базальтовую глыбу размером с Луну и сжимает её. Вспыхивает ослепительный свет, от которого мало защищает даже ку-сфера, и в следующий миг возникает бурлящая воронка, ревущий водоворот камней и пыли, всасываемых пылающей точкой новой сингулярности.

Город Амтор летит в неё падающей звездой.

Столб пыли поднимается в небо, скрывая последние остатки кровавого света. Горы Максвелла пляшут, словно обезумевшие животные. Вибрация дрожью отзывается в костях Миели, и она вздыхает, а Сюдян крепче сжимает её руку.

Парень с седыми волосами был прав: это мир великанов.

Водоворот разрастается, камни и пыль превращаются в раскалённую добела плазму, и воронка начинает светиться. Из ку-сферы это выглядит так, словно пылающая дрель вгрызается в плоть Венеры, высекая из-под коры причудливо меняющиеся слои компьютрониума. Ку-сфера пытается поддерживать своё заграждение в электромагнитном спектре и переключается на нейтринную томографию. Базальт и лава делаются прозрачными, словно стекло, и тогда становятся видны невероятные спирали вокруг эпицентра Бекенштейна, где мысль богов пронзила ткань пространства-времени.

Миели догадывается, что это скорее динамическое изображение, чем реальная картина происходящего, но ей всё равно. Она смотрит на причудливые образования вокруг нарождающейся чёрной дыры и жалеет лишь о том, что не обладает усовершенствованным восприятием, как гоголы Соборности.

Маленькое божество теперь окружает многогранная суперплотная оболочка. Поверхность под ногами уже не дрожит, а гудит, и, несмотря на все меры, принимаемые ку-сферой для погашения вибрации, у Миели стучат зубы.

– Теперь уже скоро, – шепчет Сюдян.

На мгновение объединив их скафандры, Миели крепко целует её.

– Спасибо, – благодарит она.

– За что?

– За то, что показала мне это.

– Не за что, – отвечает Сюдян. – И прости меня. Я хочу, чтобы это продолжалось вечно.

Она до боли сжимает руку Миели. А потом встаёт, ступает за пределы ку-сферы и пускается бегом. Миели пытается удержать её за руку, но в ладони остаётся только цепочка с драгоценными камнями.

Сюдян на мгновение оборачивается. Она колышется в информационном потоке, лицо расплывается белыми завитками, словно сливки в чашке кофе.

Миели кричит, но её голос слишком слаб по сравнению с оглушительным рёвом умирающего города.

И происходит взрыв. Неустойчивое равновесие обеспечивало поле Хиггса, так что чёрная дыра несколько минут балансировала на грани нестабильности, пока программные суперпотоки под горизонтом событий отчаянно строили искусственную вечность. Взрыв выплёскивает все мысли, рождённые в этом аду, и целая гора мгновенно преобразуется в излучение Хокинга.

Ку-сфера стонет от перегрузки, её оболочка становится мутной и рассыпается, но скафандр Миели выдерживает ударную волну. Базальт содрогается под ногами. Белое пламя швыряет её на наковальню скалы под молот гравитации.

Последнее, что она видит, прежде чем лишиться сознания, – это сигнальный луч «Перхонен» с орбиты и огненную трещину, раскалывающую поверхность Лакшми издевательской усмешкой.

Это самая большая твоя глупость, какую я только видела, бормочет «Перхонен».

Миели парит в состоянии лёгкой эйфории, которая смягчает

голубые блики, пляшущие перед глазами, и обжигающую боль в костях.

Не пытайся двигаться. Ты разбита вдребезги. Множественные переломы, проколотое лёгкое, внутренние кровотечения. Лечебных нанороботов скафандра я отключила, потому что они мутировали. Теперь, наверное, пытаются превратить какой-нибудь обломок скалы в печень.

– Где Сюдян? – спрашивает Миели.

Поблизости.

– Покажи.

Тебе действительно не стоит…

– Покажи её!

Она возвращается в холодную реальность. Боль сводит с ума, но теперь Миели может видеть. Она лежит на спине, растянувшись на неровном базальтовом выступе. Уже почти стемнело: пылевые вихри застилают светящиеся облака. Осторожно скользят тёмные силуэты зверей фон Неймана. Плато Лакшми больше не существует – на его месте образовался невероятно гладкий кратер из незнакомого вещества.

Миели медленно приподнимается и видит, что за ней наблюдает парень с седыми волосами.

Насколько она может судить, на нём нет ни скафандра, ни каких-либо других средств защиты. Парень сидит на горячем базальте, прислонившись спиной к скале.

– Ты нашёл свою богиню? – спрашивает она, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться над абсурдностью ситуации.

– Нашёл, – отвечает парень. – Но, похоже, ты потеряла свою.

Миели закрывает глаза.

– Какое тебе дело?

– Я был не до конца честен с тобой. Я не пилигрим. Можно считать, что я… администратор. И меня интересуют все, кто проходит через это, независимо от того, присоединяются они к нам или нет.

– Она выпустила мою руку. Она не хотела, чтобы я с ней шла. Я не могу последовать за ней.

– Я и не думал, что ты последуешь. Несмотря на нашу репутацию, мы уважаем чужие решения. По крайней мере, некоторые из нас.

Он подходит к Миели, протягивает ей руку и помогает подняться. Благодаря поддержке скафандра ей удаётся устоять на ногах.

– Ты только посмотри на себя. Нет, так не пойдёт. Видишь, что получается, когда приходишь сюда в физическом теле.

Внезапно скафандр наполняется новыми волнами прохлады,

свежими нанороботами, на этот раз медиками Соборности. Боль сменяется лёгкой щекоткой во всём теле.

– По правде сказать, твоя подруга тоже не до конца тебе открылась, – продолжает парень. – Не так давно она разговаривала о приходе сюда с одной из моих сестёр.

– Что мне делать?

– Не сдавайся, – говорит парень. – Я понял это давным-давно. Если реальность тебя не устраивает, изменяй её. Ничего нельзя слепо принимать – ни смерть, ни бессмертие. Если не хочешь присоединиться к своей подруге, можешь пойти к моей сестре и попросить вернуть её. Но, должен предупредить, это будет дорого тебе стоить.

Миели делает глубокий вдох. В лёгких что-то рокочет. Она осознаёт, что держит в руке цепочку Сюдян, словно частицу Оорта, сотворённую из драгоценных камней и песен.

– Я сделаю это, – произносит она. – Только скажи, куда мне идти. Но почему ты мне помогаешь?

– Ради любви, – говорит он.

– Любви к кому?

– Ни к кому, – отвечает он. – Просто хотел бы узнать, что это такое.

Спустя три дня на металлическом плато, в тени щитовидного вулкана, Миели находит храм.

Ноги у неё горят от усталости. Мускулы и кости уже почти окончательно исцелились, и ку-скафандр помогает двигаться, но голод и жажда иссушают внутренности, и каждый шаг даётся с огромным трудом.

Храм представляет собой каменный лабиринт – бессистемную, на первый взгляд, груду чёрных прямоугольников и обломков, напоминающих разбросанные ребёнком-великаном кубики. Миели ступает внутрь, и перед ней открывается замысловатая галерея, откуда во все стороны разбегаются коридоры и переходы. «Перхонен» шёпотом сообщает, что всё это сооружение является проекцией более сложного многомерного объекта, его тенью, застывшей в камне. На чёрных стенах, как и говорил парень с седыми волосами, Миели обнаруживает метки в виде серебристых цветов и придерживается их.

После бесчисленных поворотов она выходит в зал с чёрной дырой в центре. Это совсем крошечная искорка, парящая в цилиндрической комнате, но излучение Хокинга настолько яркое, что затопляет скафандр. Несколько шагов – и верхние слои защиты начинают испаряться.

Возвращайся! кричит ей «Перхонен».

Миели делает ещё шаг, и от костюма ничего не остаётся. Излучение, несущее мысли богини, поглощает её целиком. Плоть превращается в молитву. Миели поднимает руки. Кончики пальцев занимаются пламенем. Боль настолько сильная, что её невозможно передать словами. А затем уже не остаётся никаких слов и мыслей, только опаляющий красный жар…

…который сменяется тихим журчанием фонтана. Темно. Над головой бархатный плащ неба с крошечными искорками. Кроме плеска воды не слышно ни единого звука. Влажный воздух пахнет свежестью.

На ступенях фонтана сидит женщина. На ней белое платье, на шее мерцают бриллианты. Золотистые вьющиеся волосы ниспадают на плечи. Её нельзя назвать ни молодой, ни старой. Женщина читает книгу. Когда Миели приближается, она поднимает голову.

– Хочешь немного вина? – спрашивает женщина.

Миели нерешительно качает головой. Богиня совсем не такая, какой она себе её представляла: это не светящийся прозрачный силуэт и не гигантский столб пламени, а просто женщина. Миели различает поры на её коже. Чувствует запах её духов.

Миели обращается за поддержкой к «Перхонен», но здесь её нет, только холодок в спине и пустота в мыслях.

– Как хочешь. Кстати, моё гостеприимство не распространяется на мелкие машины вроде твоего корабля, – говорит богиня. – Но ты проходи, пожалуйста, и присаживайся.

– Я постою, – отвечает Миели.

– А, характер. Мне это нравится. Так чего же ты хочешь, дитя моё? Я приветствую любую душу, обратившуюся ко мне, хотя не всем приходится преодолевать такой долгий путь, чтобы увидеть меня.

– Я хочу вернуть её.

Богиня с улыбкой окидывает её внимательным взглядом.

– Ну конечно хочешь, – соглашается она. – Она нелегко тебе досталась: слишком много потерь за столь короткую жизнь. И детство, проведённое в чужом мире безмолвного льда и полётов в вакууме. – Она вздыхает. – Чего же ты от меня ждёшь? Я не волшебник-зоку, который мог бы изучить твоё желание и устроить так, как лучше для тебя. Иначе я сумела бы уменьшить боль твоей утраты или, возможно, поместить тебя в мой Каталог гоголов, чтобы вы имели возможность проститься. Или создать *район* и смоделировать вир вашего возможного совместного будущего. Но я не сделаю ничего подобного. Ты хочешь получить то, что принадлежит мне. Я Жозефина Пеллегрини. Я воплощение

божества моей *губернии* и не расстаюсь со своим имуществом просто так. Значит, вопрос в том, что ты можешь мне дать, маленькая девочка? Что ты можешь предложить, чтобы вернуть свою Сюдян?

– Всё, – отвечает Миели. – Всё, кроме смерти.

21
Таваддуд и Аксолотль

Сумангуру заканчивает рассказ. Он спокойно смотрит на Кафура. Глаза гогола сверкают в прорезях маски.

– Ну? – подаёт голос Таваддуд. – Ты слышал эту историю?

– Я принимаю плату, – отвечает Кафур. – Хотя было бы намного лучше услышать её окончание. Или Господин Со Шрамами оставил окончание на будущее?

– У правдивых историй не всегда бывает окончание, – заявляет Сумангуру.

– Ну хорошо. – Кафур встаёт. – Таваддуд, дитя моё, твою просьбу нелегко выполнить. Зайбак-Аксолотль ушёл в пустыню, и теперь он вне досягаемости атара. Чтобы сплетение осуществилось, атар необходим, только в нём ваши мысли могут соединиться. Но старый Кафур хитёр. Старый Кафур мудр и знает, как оседлать вихри дикого кода.

Он негромко смеётся.

– О чём ты говоришь? – спрашивает Таваддуд.

– Я далеко не всему научил малышку Таваддуд. Если хочешь, чтобы твой голос разнёсся по пустыне, ты должна впустить пустыню в себя.

Перед глазами Таваддуд мелькает образ Алайль.

– И ты это сделал?

– Кафур выпил слишком много крепкого вина историй, это верно. Но истории приходят к нам из пустыни, и за окончанием своей ты должна отправиться именно туда.

– О чём он говорит? – шёпотом спрашивает Сумангуру.

– Если я хочу отыскать Аксолотля, я должна открыться дикому коду, – поясняет Таваддуд.

Гогол Соборности кладёт руку ей на плечо.

– Он сошёл с ума. Надо выбираться отсюда. Мы найдём другой способ.

– Я поместила в кувшины джиннов, поглощающих дикий код, – медленно произносит Таваддуд, похлопывая по своей медицинской сумке. – Я использую их для лечения Бану Сасан. Это может помочь, если действовать быстро. А Печати на моём теле очень крепки, их накладывал мой отец. Они выдержат.

Сумангуру изумлённо таращится на неё.

– Но…

– Это моё решение. – Таваддуд делает шаг вперёд. – Я согласна, – говорит она Кафуру.

Магистр Дворца Сказаний кланяется ей.

– Старый Кафур доволен, – отвечает он. – Под маской дочери Гомелеца ты всё ещё моя Таваддуд.

В глубине подземелий Дворца есть комната, где стоят гробы. На её темных каменных стенах и двери ярко выделяются золотые спирали и завитки Печатей.

Кафур с трудом поднимает крышку одного из гробов. Над ним тотчас вспыхивает интерфейс атара. Внутри гроб представляет собой резервуар, сделанный по форме человеческого тела, и дыхательный аппарат с соединительной трубкой.

– Чтобы услышать, тебе необходима тишина, – говорит магистр Таваддуд.

Она ставит свою сумку и вынимает три кувшина.

– Сначала этот, потом этот, а затем этот, – объясняет она Сумангуру и заставляет его повторить Имена, которые он должен произнести.

– Это безумие, – протестует он. – Вы не должны этого делать. Это чёрная магия. Через пять минут я вытащу вас отсюда. Я доставлю вас на Базу, там можно сделать очищение…

Таваддуд показывает ему мыслекапсулу.

– У вас своя магия, господин Сумангуру, у меня своя.

Она снимает одежду и костюм муталибуна и бросает на землю. От холода, источаемого гробами, её кожа покрывается мурашками, и она вздрагивает.

Кафур поднимает прозрачную бутыль, заполненную песком.

– Приступай, – просит Таваддуд.

Кафур открывает бутыль и вытряхивает её содержимое на Таваддуд. Песок нежно осыпается по коже, словно поглаживая. Соприкасаясь с телом, он начинает светиться. Ощущение напоминает Таваддуд ласки тумана, испытанные ею давным-давно в саду.

Она ложится в гроб и прижимает к лицу дыхательную маску. Температура воды тотчас повышается до температуры тела. Затем крышка захлопывается, и Таваддуд остаётся наедине с пустыней.

В первый момент она не чувствует ничего, кроме странного сочетания лёгкости и тяжести скользящего в воде тела. Затем появляются голоса: тысячи шёпотов на незнакомых наречиях, шелестящие, словно сухие листья. *Не об этом ли говорил Абу: голоса пустыни?*

Затем загораются огоньки. Это похоже на другой Сирр, показанный ей Абу, только теперь Таваддуд видит целый мир.

Она парит в центре Галактики, а вокруг раскинулась гигантская паутина света – яркие точки, соединённые переплетающимися петлями и спиралями.

Зайбак, шепчет она. *Приди ко мне.*

Её голос присоединяется к хору шёпотов, и слова бесконечными отголосками эха повторяются в светящейся сети.

Её сердце замирает, когда приходит ответ. Щупальца света тянутся к ней и вьются вокруг. Таваддуд смотрит вверх. Над ней, словно кракен в океане, парит какое-то сияющее существо и смотрит любопытным детским взглядом. Одно из щупальцев кракена слегка задевает её, и она ощущает отголосок непреодолимой тоски. Но через мгновение светящийся силуэт пропадает, растворяясь в сети лёгким завитком дыма.

Таваддуд повторяет призыв. *Зайбак, где ты?*

Опять приходит ответ, но уже другой. Целым косяком налетают продолговатые существа, похожие на змей без глаз, зато с острыми, очень острыми зубами. Они вьются вокруг её рук и ног, задевают упругими, холодными и скользкими телами. *Дикие джинны, почуявшие плоть.* Таваддуд выкрикивает Тайное Имя, но здесь оно не действует: джинны отскакивают от неё, однако остаются кружить поблизости, выжидают.

Зайбак!

Появляются ещё джинны – они выглядят как цепи, тороиды и странные завитки, пожирающие сами себя. Их очень много, все жаждут воплощения, и с каждым разом они подходят всё ближе и ближе. Таваддуд пытается почувствовать своё тело, пытается нащупать крышку гроба, чтобы позвать Кафура и Сумангуру и выбраться отсюда. Но у неё нет ни голоса, ни плоти.

Налетевший ветер разгоняет обитателей пустыни. Он дует сквозь неё и вокруг неё, это прикосновение, голос и поцелуй в одно и то же время, и внезапно она вспоминает пар, поднимающийся после дождя над крышами склепов в Городе Мёртвых.

Аксолотль.

«Таваддуд».

Я так хотела тебя увидеть.

«Я так хотел побыть тобой».

Молчание.

«Почему ты здесь?»

Алайль. Покажи мне почему?

Сожаление. Стыд.

Покажи мне.

Путешествие по пустыне в поисках цели. Сады историй, где живёт Аун. Блаженство и пустота.

Возвращение в город. Так называемые масруры, джинны-мятежники, говорят о защите пустыни. Их слова звучат искренне. Они утверждают, что являются мечами Ауна, они поставили перед собой цель избавить пустыню от машин Соборности. Сражения. Отвага. Смысл.

Мухтасиб, заявляющий, что всё изменится. Сирр даст имена машинам Соборности, чтобы Аун не смог уничтожить их. Больше не будет пустыни. Не будет историй.

«Он говорил, что мы можем остановить это. Обещал выдать предателей Сирра, если мы доверим ему свои истории».

Значит, из-за этого погибла Алайль?

«Она не умерла! Если ты знаешь тайну, пустыня не убивает. Прошепчи человеку тайну Принца-цветка и можешь взять его с собой в пустыню. Он станет историей, как мы, как Аун, живущий вечно среди дикого кода. Она здесь, Таваддуд. И Сирр может быть здесь. Без Соборности. И ты можешь быть здесь. Пойдём со мной. Позволь мне снова открыть тебе тайну. Она красивая и яркая. Мы можем вечно быть вместе».

Вечно. Есть одна история, рассказанная тёмным человеком, о двух женщинах на Венере. Одна из них не хотела, чтобы что-то продолжалось вечно.

«Эта история не про нас. Мы Зайбак и Таваддуд».

Пауза.

Я Таваддуд. Я теперь из другой истории. Разве не об этом ты мне говорил? Что ты слишком стар и силён. Ты был прав. Я хочу быть Таваддуд.

«Прости. Так легко стать тем, чем были мы».

Я знаю. Всё в порядке. Но скажи мне, что именно потребовал мухтасиб?

Имя. Тайное Имя, известное Алайль.

И ты открыл его ему?

«Нет».

Стыд. Обман.

«Это была уловка. Алайль сказала мне. Мухтасиб работал на Соборность. Она знала его. Я убежал вместе с ней в пустыню, чтобы сохранить тайну».

Почему представители Соборности желали причинить вред Алайль? Она собиралась дать им то, что они хотят.

«Ей был известен секрет аль-Джанна Пушки. А он им нужен больше, чем души».

Кто это был? Кто был тот мухтасиб, который предал тебя?

Огненная змея.

Абу Нувас.

Имя оглушает её, словно удар грома. Оно почти разрывает

сплетение, но облако тепла, которым предстает Аксолотль, притягивает её обратно.

Нам следует всё рассказать.

«Теперь ты стала сильнее. Ты должна уйти со мной. Какое тебе дело до тайн, Соборности и Сирра? Что они дали тебе?»

Отпусти меня.

«Иди со мной!»

Я не могу. Не заставляй меня.

«Идём!»

Нет.

Таваддуд открывает глаза и захлопывает мыслекапсулу Соборности вокруг Аксолотля.

Крышка гроба поднимается. Таваддуд выходит из воды, кашляя, словно новорождённое дитя. Глаза щиплет. Кожа зудит, кажется сухой и очень горячей. Таваддуд ощупывает лицо: под кожей остались жёсткие рубцы. Девушка негромко всхлипывает.

Ей на плечи ложатся тёплые руки. Чей-то голос произносит Тайное Имя. Воздействие дикого кода ещё сохраняется, и её кожа внезапно покрывается крошечными джиннами, голодными треугольниками, пожирающими заразу. Ощущение похоже на прохладный душ. Затем они перебираются на голову, и Таваддуд невольно вскрикивает от холода. Но через мгновение всё заканчивается. Она оборачивается, чтобы взглянуть на врачевателя…

…и видит огненную змею.

Абу Нувас печально улыбается. Он стоит посреди комнаты с гробами, в руке ружье-барака, рядом огромные мыслеформы джиннов в виде остроконечных клубов чёрного дыма. Между ними отчаянно бьётся Сумангуру. Неподалёку Кающийся Рамзан скрестил тонкие руки перед безликой головой.

– Спасибо, – произносит Абу, вылавливая плавающее в гробу устройство Соборности. – Мыслекапсула? Я не думал, что ты зайдёшь так далеко, Таваддуд. Но ценю твои усилия. Я уже давно ищу этого типа.

– Ты мелкий ублюдок! – шипит Таваддуд. – Где Кафур? – Она выпрямляется, всё ещё стуча зубами от холода. – Это его Дворец. Он тебя не выпустит с этим.

Кто-то хрипло кашляет. Кафур набрасывает одежду на плечи Таваддуд. Его прикосновение вызывает у неё дрожь.

– Мне очень жаль, малышка Таваддуд. Старому Кафуру предложили более высокую цену. И господин Нувас всегда был хорошим покупателем.

– А теперь идём, – говорит Нувас. – Ночь только начинается.

И я обещал тебе ужин в моём дворце, разве не так?

22
История Пеллегрини и Чена

Повелителя Вселенной она находит на берегу бросающим камешки в море. Он в облике ребёнка. Старое воспоминание. Он специально выбрал его для неё? Это не то место, где они встретились впервые. И очень отличается от его обычных виров – абстрактных пространств, заполненных символами.

– Здесь очень неплохо, – произносит она.

Мальчик поднимает голову. Глаза широко раскрыты: в них нет страха, но нет и ни малейшей тени узнавания.

Какую игру затеял Матчек? Она потратила немало времени на подготовку. Пришлось просмотреть весь Каталог, чтобы отыскать воспоминание о том, какой она была в тот раз: столетней женщиной в белом, которой на вид можно было бы дать не больше сорока, если бы не едва уловимая хрупкость. На ней шляпа и солнцезащитные очки, скрывающие шрамы под кожей, на загорелых пальцах золотые кольца.

– Я не имею привычки разговаривать с незнакомцами, – отвечает мальчик.

Она опускается на колени в песок рядом с ним.

– Хотелось бы надеяться, что ты уже не считаешь меня незнакомкой, Матчек, – говорит она.

Мальчик разглядывает её, сосредоточенно нахмурив брови.

– Откуда тебе известно моё имя? – спрашивает он.

– Я очень стара, – отзывается она. – И знаю множество имён.

В какую же игру он здесь играет? Ветер треплет её шляпу, ноги ощущают тепло песка. В её следах, словно крохотные звёздочки, зажигаются искорки планктона.

– Матчек, чем ты занимаешься? – шепчет она.

Глаза Матчека внезапно выдают его возраст.

– Я пытаюсь кое-что найти, – отвечает он. – То, что потерял много лет назад.

– Это ведь как болезнь, верно? – произносит она. – Пытаться зацепиться за потерянные вещи.

В его взгляде вспыхивает злорадство.

– Да. Да, так и есть. – Он тычет палкой в песок. – Я знаю, зачем ты пришла. Они тебя убивают, не так ли?

– Да, – признаётся она. – Антон и Сянь никогда мне не доверяли. Но об этом мы можем поговорить и позже. Какой красивый вир.

Учитывая его мрачное настроение, она считает, что

комплимент не помешает.

Юный Матчек поднимается и швыряет в воду камешек. Тот подпрыгивает несколько раз, а затем исчезает в воде.

– Этого недостаточно, – говорит он, и в его голосе звучит ярость старого Матчека, не терпящего ничего неправильного в мире. – Я не могу тебе помочь. Не могу вмешиваться в данный момент. Мы слишком слабы, чтобы затеять полномасштабную гражданскую войну. Зоку притаились и выжидают. Я знаю, они кажутся слабыми, но вспомни, что натворил Каминари. Мы должны поддерживать иллюзию своего могущества. Я не могу рисковать ради спасения кого-то из вас.

– Что же ты всё-таки здесь делаешь, Матчек? Прячешься в воспоминаниях? Это на тебя не похоже.

Он смеётся.

– Царство Небесное унаследует невинный. Ты можешь себе представить невинность в качестве ключа к камню Каминари? Подумать только, а я так смеялся над христианством. Поверь, если я найду здесь то, что ищу, всё изменится. А пока я могу лишь попросить тебя держаться. Но ведь это всегда тебе удавалось лучше всего, не так ли?

– Ты позволишь мне погибнуть? Так вот чем ты собираешься отплатить мне за все прошедшие годы? Ты позволишь мне превратиться в призрак только потому, что это *удобно?*

Вир вокруг них рассеивается. Матчек является в облике Прайма, воплощения миллиарда гоголов, Метасущности, вершителя Плана, Отца Драконов.

– Ради осуществления Плана я готов пожертвовать всеми гоголами Соборности, каждым разумным существом. Но ты ведь никогда этого не понимала, верно?

Его голос остаётся странно мягким и спокойным. В других вирах тот же разговор ведут другие пеллегрини и чены. Насколько было бы легче, если бы удалось проникнуть в его разум и понять, что происходит у него в голове. Но это прямой путь к Драконам.

Пеллегрини смеётся.

– Похоже, ты сам стал рабом наших *удобных* вымыслов. Как мило. Впрочем, ты всегда был выдумщиком. Матчек, почему бы тебе не придумать для нас другой мир – мир без Драконов, превращений и зоку? Дай мне знать, когда решишься на это.

С небесной тверди они видят в вирах внизу другие варианты. Жестокость. Любовь. Но в основном недовольство.

– Больше не приходи ко мне. Мне известны твои замыслы относительно Эксперимента и вора. Ты сама по себе. Я уверен, ты прекрасно справишься.

Она удаляется, разрывая связи между своим храмом и его *губернией.*

– Ты никогда не хотел взрослеть, – произносит она.

23
Таваддуд и вор

Абу и Рамзан ведут их на галерею у самой вершины Осколка Угарте. Стены дворца совершенно голые и выкрашены в белый цвет. Без атар-очков Таваддуд различает лишь проблески невидимых элементов: все поверхности покрыты сложными схемами и геометрическими фигурами. Из широкого окна открывается вид на ночной Сирр, над которым полыхает золотое пламя Базы Соборности. Таваддуд пристально смотрит на неё, пока не начинает казаться, будто башня вот-вот рухнет, а с ней рухнет и весь её мир.

– Моему отцу известно, что мы здесь, – говорит она. – Он уничтожит тебя.

– Дорогая Таваддуд, – отвечает Абу Нувас, – может, ты и способна обмануть своих клиентов-джиннов, но я вижу тебя насквозь. – Он постукивает пальцем по латунному глазу. – В буквальном смысле.

Абу поворачивает ружьё в сторону Сумангуру.

– Думаю, тебе полезно будет узнать, что это вовсе не Сумангуру Бирюзовой Ветви. Под его ужасной личиной скрывается вор и обманщик по имени Жан ле Фламбер.

Таваддуд переводит взгляд на Сумангуру. Под его шрамами теперь проступает другое лицо, когда-то мелькнувшее перед ней на мгновение: яркие глаза, сардоническая усмешка.

Он пожимает плечами.

– Виновен по всем статьям.

– Что же нам с тобой делать? Впрочем, это неважно. Здесь, по соседству с пустыней дикого кода, нередки несчастные случаи. И у нас ещё есть время, чтобы это обсудить. Устраивайтесь, пожалуйста, поудобнее. Мы подождем ещё кое-кого.

Он взмахивает рукой – и в воздухе появляются прозрачные кресла из фоглетов. Абу опускается в одно из них и закидывает ногу на ногу. Таваддуд с опаской садится в другое, повернувшись лицом к торговцу гоголами.

– Почему? – спрашивает она.

– Я тебе говорил. Месть. Потому что я ненавижу это место. Потому что Алайль и её друзья так со мной поступили. Она использовала меня, чтобы отыскать аль-Джанна Пушки, а потом бросила в пустыне умирать. Я сообщил ей имя, открывающее рай, а она отняла его у меня.

Он сжимает кулак, в котором держит мыслекапсулу.

– Что ж, я выжил. Я вернулся. И сразу обратился в загрузочный храм, но сянь-ку не смогли исправить то, что она сделала, они не в силах смыть с меня пустыню, пока не завладеют Землёй. Я нашел способ служить им. И они были добрее, чем Алайль, и намного честнее.

Но дело не только во мне, Таваддуд. Ты и сама многое видела. Сирр прогнил насквозь: он порождает монстров и питается душами. Мы прозябаем в грязи, а другие обитатели Системы строят алмазные замки и живут вечно. Неужели твой любимый Бану Сасан не заслуживает лучшего?

Всё не так, думает Таваддуд, вспоминая слова Аксолотля. Но ничего не говорит вслух.

– Аккорды не играют особой роли. Они были удобны Соборности, не более того. Когда-то Аун сжёг их, но теперь они снова готовы. Как ты думаешь, с какой целью построен Ковш? Когда твой приятель, – он подбрасывает в воздух мыслекапсулу и снова ловит её, – скажет мне то, что я хочу узнать, сянь-ку больше не станут медлить. Земля пройдёт перезагрузку, а я получу свою награду. Я обрету целостность. – Он грустно улыбается. – Извини, но не могу сказать, что сожалею.

Говори им то, что они хотят услышать.

– Ты никогда не станешь прежним, – заявляет Таваддуд. – То, что у тебя отняли, невозможно вернуть. Но ты можешь заменить это чем-нибудь другим. Поверь, я это знаю. Без Аксолотля я была опустошённой и растерянной. Но потом встретила тебя.

Абу смотрит на неё сверкающим человеческим глазом, его губы сжимаются в тонкую линию. А затем он начинает смеяться.

– Я чуть было не поверил тебе. Ты затронула струны, которые мне казались давно оборванными. – Он качает головой. – Но ты всего лишь использовала меня в игре со своим отцом. Похититель тел правильно назвал тебя шлюхой Аксолотля. Как ты думаешь, почему я тобой заинтересовался? Потому что тебя все так называют. Когда он от меня ускользнул, ты осталась единственной ниточкой к нему. Его слабость. И не смотри так грустно. Мы оба получили то, что хотели. Но хватит об этом. Я уверен, мой гость уже здесь.

Дверь открывается, и входит сянь-ку в чёрной форме Соборности. Она коротко кивает Сумангуру:

– Господин Сумангуру. Или я должна сказать Жан ле Фламбер? Прошу прощения за небольшое опоздание. Моя ветвь гордится своей пунктуальностью.

Я вижу, как Абу Нувас передает сянь-ку мыслекапсулу. Таваддуд бледна как смерть и дрожит.

Бедная девочка. Я как-нибудь улажу это дело. Обещаю.

Только вот самое худшее ещё впереди.

– Ле Фламбер, мы должны поблагодарить тебя за то, что обратил наше внимание на существование изначального гогола Чена, – говорит сянь-ку. – Это поможет удержать его от враждебных действий, когда мы выступим против нашей сестры, которая, как мне кажется, и является твоим нанимателем. Я не ошибаюсь? Быть может, нам тоже могли бы пригодиться твои способности.

Я прикидываю возможные варианты. Внутренний голос нашёптывает, что чрезмерная преданность Жозефине – не лучший выход. Но есть ещё Миели и мой долг по отношению к ней. Кроме того, я сомневаюсь, что сянь-ку в состоянии справиться с замками в моей голове.

– Я подумаю над этим, – отвечаю я.

Таваддуд изумлённо таращит глаза.

– Только теперь мы можем действовать открыто: обладание гоголом для нас важнее, чем отношения с Сирром. Как только мы покончим с нашей сестрой – при помощи наших братьев василевов, – мы вернёмся. И тогда уже не будет необходимости плясать под дудку торговцев гоголами. Мы возродим жизнь на Земле.

– Истребив её окончательно, – добавляю я.

– Это голос плоти. Возможно, именно это придаёт тебе привлекательности в глазах нашей сестры. Каким будет твой ответ? Ты согласен служить нам? Если ответ отрицательный, ты нам больше не нужен.

– Как же вы собираетесь меня поймать?

Я улыбаюсь, помня о своём пути к отступлению.

– О, мы не собираемся тебя ловить. Мы учёные. Но так уж вышло, что наш брат Инженер создал гогола специально для этой цели. В данный момент он уже направляется сюда. Кажется, его называют Охотником. Саша всегда имел склонность к драматическим эффектам.

Проклятье.

Абу Нувас покачивает в руке ружьё.

– Можно мы им займёмся? Мои солдаты готовы.

Джинн Рамзан неутомимо колышется рядом с ним.

– Конечно, – соглашается сянь-ку.

Она поднимает мыслекапсулу в своих тонких пальчиках.

Никакой показухи, вроде того, что я устроил в вольере для птиц. Кроме того, тогда я блефовал, чтобы подтолкнуть Таваддуд к сплетению с птицей, а здесь всё по-настоящему.

– Что вы с ним сделаете? – шепчет Таваддуд.

– Хирургия мышления, – сквозь сжатые зубы говорю я. – Они

намерены пытать его, чтобы вырвать из мозга Тайное Имя, не так ли?

– Это неприятно, но неизбежно, – произносит сянь-ку, и её широкое лицо омрачает печаль. – Как и многое другое.

Я могу только представлять, что творится внутри. Тысячи копий Аксолотля подвергаются пыткам и уничтожению. Ощущение, слишком хорошо мне знакомое.

У Таваддуд вырывается крик. Она падает на пол, бьётся, рвёт на себе волосы.

Конечно. Она же всё чувствует через сплетение.

Абу Нувас удостаивает её мимолётным взглядом, а затем отворачивается.

– Для учёных вы ведёте себя как редкостные мерзавцы, – говорю я сянь-ку.

– Я отдам его вам! – кричит Таваддуд. – Прекратите! Я отдам его вам!

Её мир наполнен агонией. Часть её разума, принадлежащая Аксолотлю, вспыхивает и умирает, вспыхивает и снова умирает, словно мозг раз за разом пронзает раскалённая игла.

– Я отдам его вам! – слышит она сквозь рыдания собственный голос.

Пытка прекращается. *Прости, мне очень жаль,* доносится откуда-то издалека голос Аксолотля.

Таваддуд всхлипывает, вытирает с лица сопли и слюну и набирает полную грудь воздуха. А затем выкрикивает Имя аль-Джаббара Непреодолимого и превращается в Кающегося Рамзана.

Как только Таваддуд начинает произносить Имя, я закрываю уши. Теперь я довольно неплохо представляю себе, как это работает. В некотором роде это экстремальное фрактальное сжатие, соотносящийся с самим собой виток истории, заставляющий мозг жертвы повторять его снова и снова, в результате чего происходит самозагрузка чужого разума. Я не знаю, как это может быть. Даже цифровая передача требует невероятной компьютерной мощи, а для человеческого мозга это за гранью возможного.

Неважно, каким образом это срабатывает, но всё происходит очень быстро. Рамзан – или Таваддуд – острыми когтями мыслеформы рвёт горло сянь-ку, извергая фонтан крови. Но Абу Нувас достаточно проворен, чтобы встретить приближающееся существо выстрелом из бараки. Мыслеформа взрывается инертной белой пылью. Таваддуд ещё раз вскрикивает и падает. Мыслекапсула катится по полу. Я нагибаюсь и ловлю её.

Вот только сянь-ку убить довольно трудно, и даже смерть

одной из них значит не больше, чем отрезанный кончик ногтя. Гогол, умирая, тоже бормочет Имя. Оно мерцает в атаре и звенит в воздухе. Абу Нувас вслушивается, и его глаза стекленеют.

Ружьё в его руке опускается, и я, заметив это, подхватываю неподвижное тело Таваддуд и пускаюсь наутёк. Я выжимаю из тела Соборности всё, на что оно способно, и из глаз буквально сыплются искры. Не снимая Таваддуд с плеча, я изо всех сил бью по стеклу алмазным резаком. Руку пронзает боль, но стекло разлетается вдребезги. Я крепче сжимаю Таваддуд и вслед за осколками лечу в пустоту.

Мы несёмся сквозь золотисто-голубую ночь к далёкому Сирру, виднеющемуся внизу. От его красоты захватывает дух.

Но ещё удивительнее погрузиться в янтарное сияние древней сети ангелов, когда она наконец принимает нас в свои тёплые объятия.

Голова у Таваддуд звенит, словно разбитый кувшин джинна. Она лежит на холодной твёрдой поверхности. Каждая клеточка её тела разрывается от боли.

Она открывает глаза и видит перед собой чёрное дуло ружья-бараки. Сумангуру – Жан ле Фламбер – целится ей в голову. И грустно улыбается.

– Поверь, пожалуйста, здесь нет ничего личного, – говорит он. – Я думаю, ты понимаешь, что надо вести себя хорошо. Я, к сожалению, не всегда могу себе это позволить.

– Что ты делаешь? Где мы?

– Прошу тебя, тщательно выбирай слова. Если я услышу начало Имени, я буду вынужден выстрелить. А трюк с Именем и Рамзаном был великолепен. Надо учесть на будущее: хороший способ атаковать воплощённых Основателей. Это их каждый раз сбивает с толку. Мы находимся в старом загрузочном храме неподалёку от Базы: в ближайшее время мне потребуется канал связи с Ковшом.

Таваддуд с трудом сглатывает, во рту у неё пересохло.

– Кто ты? Чего тебе нужно? Почему делаешь всё это?

– Я хочу, чтобы ты знала, как я сожалею об этом. Ты не заслуживаешь ничего подобного.

– Почему… почему ты извиняешься? Просто позволь мне уйти.

– Видишь ли, это моя вина. Я прибыл на Землю в поисках двух вещей. И одна из них – это аль-Джанна Пушки. Но, как оказалось, найти этот рай очень непросто. Я вор, а не археолог. Поэтому позаботился, чтобы сянь-ку узнали о том, что там есть нечто крайне им необходимое: куда легче украсть то, что отыщут

другие. Они считают, что я допустил утечку информации, послал незакодированное сообщение. – Его губы вздрагивают в мимолетной улыбке. – Я не думал, что они привлекут к делу местного агента вроде Нуваса, но, должен признать, я плохо знал Сирр. Мне очень повезло, что меня направили сюда в поисках Аксолотля.

Таваддуд испытывает крайнюю опустошённость и слабость. Она закрывает глаза. Тусклое эхо Аксолотля доносится в её голове откуда-то издалека.

– Я доверяла тебе, – произносит Таваддуд.

– Я же говорил, что нельзя этого делать, – отвечает ле Фламбер. – Теперь помолчи. Мне надо уладить одно дело с твоим приятелем, а потом я отправлюсь своей дорогой.

Он ловко, словно фокусник, поворачивает в пальцах мыслекапсулу.

«Какого чёрта тебе надо?» – шепчет Аксолотль.

– Мне нужен один секрет, полученный тобой от Ауна. Ради него я и прилетел сюда. Алгоритм превращения разумов в истории. То самое, что помогло тебе создать похитителей тел. Но будь осторожен. Выкинешь какой-нибудь трюк, и госпожа Таваддуд станет белым шумом в диком коде. Или я прибегну к тактике сянь-ку: я тоже знаю приёмы хирургии мышления. Выбор за тобой.

«Пусть стреляет, – слышится голос Аксолотля в голове Таваддуд. – Пусть стреляет. Мы всё равно будем вместе».

– Слишком поздно, – говорит Таваддуд. – Как всегда, слишком поздно.

Наконец всё заканчивается, и я отвешиваю им обоим поклон. А затем через разъём загрузочного храма подключаюсь к коммуникационной сети Ковша. Из-под купола появляется сканирующий луч, осыпающий храм искрами белого очищающего огня. Я покидаю Сирр потоком модулированных нейтрино. Ещё миг – и я уже в своём прежнем теле в центральной каюте. Я потягиваюсь – непривычное ощущение после нескольких дней в массивном теле Сумангуру.

Ты редкостный мерзавец, Жан, говорит корабль.

– Знаю, но иногда без этого не обойтись.

Я передаю алгоритм – беспорядочные образы, запечатлённые в моём мозгу Аксолотлем и закодированные, как мне кажется, в виде рекурсивной мозаики Пенроуза.

– Перешли это Пеллегрини и скажи, пусть испробует на нескольких гоголах в системе Ковша. Я видел, как это работает, но проверить не мешает. Кроме того, я полагаю, процесс

потребует колоссальной компьютерной мощности.

Да, сэр, слушаюсь, сэр. Что-нибудь ещё?

– У меня две новости: хорошая и плохая. Хорошая заключается в том, что всё готово и остаётся только дождаться, когда Миели добёрется до этого аль-Джанна. Она попала в команду Абу Нуваса?

Да.

– Отлично. – Я сжимаю пальцами переносицу. – Мне необходимо выпить.

Интересно, почему мне совсем не хочется выслушивать плохую новость?

– Я тебя понимаю. – Я глубоко вздыхаю. – Сюда направляется Охотник.

Таваддуд ещё долгое время в одиночестве сидит с мыслекапсулой в руке в загрузочном храме рядом с телом Сумангуру. Когда Кающиеся находят её, она держит ружьё-бараку и прижимает дуло к своему лбу. А потом засыпает в камере и уже не может вспомнить, собиралась ли спустить курок.

24
Миели и поезд душ

Миели следит за продвижением поезда душ с высоты. В солнечном свете он похож на блестящего серебряного змея. Восходящий поток с лёгкостью несет её над землей, и если бы не бесконечная болтовня Станки – урсоморфа, – она была бы почти довольна жизнью.

– …А потом, можешь поверить, они двинулись на нас с несколькими восстановленными танками, со старыми дронами, выкопанными на какой-то военной базе, и Тара подорвала этих ублюдков в такой последовательности, что в небе осталась надпись «УБИРАЙТЕСЬ»…

Миели, хотя и понимает, почему сотрудники «Пикника на обочине для плюшевого мишки» поставили их в одну группу, порой жалеет, что выбор не пал на кого-нибудь другого.

Поезд гладкий и обтекаемый, созданный ремесленниками Сирра по аналоговой технологии, чтобы не оставить дикому коду ни малейшего шанса зацепиться. Заражение всё равно происходит, но на внедрение в простые механизмы древним роботам требуется больше времени, чем на овладение интеллектуальной материей и более сложными системами. Сама Миели защищена Печатями: слова тянутся по её лицу и телу, и даже крылья выглядят как страницы книги.

– Ты меня слушаешь, оортианка? – спрашивает Станка. – Я сказала, что надеюсь увидеть какие-нибудь боевые действия уже сегодня.

Наёмница-урсоморф едет на крыше поезда. Она не скрывает своих усовершенствований в виде шипов и представляет собой грозное зрелище. Её слова не лишены смысла. Они приближаются к зоне Ярости, где два десятка лет назад упало много кораблей Соборности. До этого уже произошло несколько нападений настроенных против Соборности джиннов, и Миели не совсем понимает, чего ожидать. Схватки, в которых она принимала участие, были быстрыми и беспорядочными. В отличие от Сирра, джинны в пустыне огромные и могучие, словно ожившие ураганы.

Пустыня дикого кода вызывает у неё замешательство. Если смотреть сверху, используя обычное зрение, пространство действительно похоже на пустыню: невысокие горы, долины и кое-где заброшенные постройки. Но в спаймскейпе, или атаре, как называют его жители Сирра, местность больше напоминает поверхность Солнца. Крошечные нанороботы создают из песка

причудливые конструкции. Невидимые силы сбивают материю в неестественные фигуры. Миели видела участок пустыни, заполненный улыбающимися лицами, которые были скрупулёзно собраны из отдельных песчинок.

– Это вроде снов моих детёнышей, – пояснила Станка, когда они обсуждали это явление. – Со временем ты привыкнешь.

Народ Станки жестоко пострадал во время Протокольной войны, и ей пришлось оставить своих отпрысков внутри родного астероида. Пока они находились в спячке, Станка стала наёмницей, чтобы обеспечить им лучшую жизнь.

Пребывание в пустыне сопряжено со многими трудностями, в том числе с проблемами коммуникации. Миели с трудом поддерживает связь с «Перхонен» по нейтринному каналу. Корабль стоит в доке «Плюшевых мишек» в Ковше, пытается установить контакт с вором и устраивает остальные дела в сложных системах Соборности с помощью Пеллегрини, которую вору, похоже, удалось внедрить в небесную инфраструктуру сяньку.

Миели даже неизвестно, на кого они работают, она лишь знает, что это одно из семейств мухтасибов Сирра, да это и неважно, раз их защищают Печатями. Души, помещённые в изготовленные в Сирре кувшины для джиннов и транспортируемые на поездах, тоже принадлежат мухтасибам. Души извлекают из тайных аль-Джанна в пустыне и оборудования Диких Городов, а затем либо продают Соборности, либо превращают в рабов-джиннов, которые работают в городе, чтобы заслужить свободу.

Миели каждую ночь возносит молитвы Куутар и Ильматар и просит прощения за участие в таком грязном деле. Однажды вечером она спросила Станку, как та решилась на это.

– Всё очень просто, – ответила женщина-медведь. – Я думаю о своих детёнышах.

Поезд приближается к низине между двумя гигантскими судами Соборности. Эти *областные* корабли теперь больше похожи на холмы, поросшие странными переплетёнными деревьями и кустами. Миели спускается.

– Надо сбросить скорость, – говорит она Станке. – Слишком много подходящих мест для засады.

– Не глупи. Я сомневаюсь, что после трёпки, которую мы недавно устроили, здесь можно встретить хотя бы химеру…

На песке виднеются огромные буквы. При взгляде на них у Миели возникает тревожное ощущение. *Похитители тел.* Она приказывает своему метамозгу стереть послание и готовиться к

бою.

– Как тебе это нравится? – передает она Станке.

Миели прибегает к вспомогательной разведке и выпускает из рюкзака двоих Быстрых. Тззрк и Рабкх уносятся вперёд.

Отряды наёмников используют быстроживущих в качестве разведчиков и проводников. Миели, способной переключаться в режим ускоренного времени, не составляет труда с ними договориться.

– …Змеиная королева… – слышится бормотание Станки.

Её голос звучит как-то странно. А в следующее мгновение урсоморф поднимается на задние лапы и открывает огонь из крупнокалиберного пулемёта по железнодорожному полотну впереди.

К грохоту выстрелов примешивается скрежет искорёженного металла. Перед поездом поднимается фонтан песка и пыли. По инерции огромный серебристый состав продолжает катиться сквозь тучи осколков, и на мгновение Миели кажется, что им удастся проскочить. Но затем поезд изгибается, достигнув разрыва рельсов. Вагоны сталкиваются друг с другом, ударяются в склоны низины, поднимают облака пыли. В конце концов они останавливаются в полном беспорядке, словно разбросанные ребёнком кубики. Женщина-медведь кричит в ухо Миели что-то невразумительное.

Миели активирует свои боевые системы и несётся вниз, и в тот же миг вихрем пыли и сапфирового блеска с древнего корабля срывается стая джиннов.

Мне платят за охрану груза. Остаётся надеяться, что подмога не задержится.

Против этого смерча арсенал Миели оказывается бесполезным. Она неохотно активирует универсальное оружие – из-за заражения диким кодом у неё осталось всего несколько выстрелов – и посылает навстречу атакующим заряд кварк-глюонной плазмы. Пыль, песок и наниты спекаются и опадают стеклянным дождем.

Стая зверей-химер – тощих, похожих на кошек, но с блестящими сапфировыми панцирями и чрезвычайно острыми когтями – устремляется к поезду. Миели отправляет Быстрых к Плюшевым Мишкам за помощью и жёстко приземляется. Она выпускает залп ку-частиц, и передние ряды сапфировых кошек падают, но при этом оружие раскаляется. Миели откидывает его, поднимает ку-клинок и бросается врукопашную. Микропропеллеры в её крыльях работают на полную мощность, помогая разгонять вихри фоглетов.

И вдруг из обломков поезда на неё кидается Станка.

Удар лапы с алмазными когтями отбрасывает Миели в сторону, словно тряпичную куклу, и рвёт в клочья одно из крыльев. Урсоморф без промедления нападает сверху, прижимает к земле и нацеливается на горло усовершенствованными клыками. От напряжения у Миели стонут ку-мышцы, но ей удается подобрать ноги и упереться в навалившуюся тушу. В глазах взлетевшей в воздух медведицы мелькает удивление.

Миели перекатывается в сторону, хватает универсальное оружие и нажимает на курок, надеясь на ещё один выстрел. Рентгеновский лазер сносит половину медвежьего торса, и останки осыпаются на Миели.

А через мгновение уже появляются рух-корабли, и Плюшевые Мишки разгоняют бурю.

Лагерь наёмников представляет собой скопление временных сферических построек, защищённых Печатями мухтасибов, между зоной Ярости и Стеной, в нескольких километрах от Сирра. Вечером после битвы за поезд Миели вызывают к командиру. Одайн, тощая женщина с Пояса, живущая внутри медузообразного экзоскелета, кажется грузной из-за намотанного на ней толстого слоя защищённого Печатями материала. Её вытянутое лицо в круглом шлеме напоминает Миели рыбу из бабушкиного озера в Оорте.

Одайн сидит в компании тучного мужчины средних лет, пышно одетого по обычаю знати Сирра, и поднимается навстречу Миели. Позади мужчины стоит вооружённый наёмник в одеянии муталибуна.

– Садись, пожалуйста, – приглашает Одайн.

Миели только что прошла процедуру тщательного очищения, совершаемого мухтасибом компании, и кожу всё ещё пощипывает. Одайн, соединив перед собой похожие на щупальца пальцы, оглядывает её с ног до головы.

– Ты отлично справилась, Миели, – начинает она. – Настолько хорошо, что я решила представить тебя нашему нанимателю. Это господин Салих из Дома Соарец.

Мужчина реагирует на её слова едва заметным кивком.

– Прими мою благодарность, – небрежно произносит он. – Как я понимаю, ты сыграла важную роль в защите моей собственности. Женщина-воин – это удивительно. Моей матери ты понравилась бы.

– Моя напарница погибла, охраняя вашу собственность. Это фактическая смерть, дублёры здесь не работают, – говорит Миели. – У неё остались детёныши. Я думаю, им ваша благодарность нужнее, чем мне.

Когда всё это закончится, я позабочусь, чтобы у них всё было в порядке, решает она.

– Да-да, это очень благородно с твоей стороны, Миели. Не волнуйся, компания защищает своих, и господин Салих весьма щедр. Но я пригласила его сегодня по другой причине.

Салих приподнимает брови.

– Я с сожалением должна поставить вас в известность, что наше сотрудничество подошло к концу, – заявляет Одайн.

– Что? – возмущённо шипит Салих. – Вы нарушаете договор!

Одайн вздыхает.

– Так случилось, что у нас имеются основания предполагать, что бизнес, в котором мы сейчас принимаем участие, в скором времени перестанет быть прибыльным. Как вы помните, по контракту мы должны защищать вас от любой опасности, грозящей вам или Сирру со стороны пустыни *или* Соборности. Возможно, вас удивит, что строгое соблюдение наших обязательств требует с нашей стороны решительных действий. Миели, пожалуйста, убей господина Салиха – и не забудь убедиться, что его мозг безвозвратно уничтожен.

Миели застывает в нерешительности. Ей предлагают совершить бесчестный поступок. Но та Миели, какой она стала здесь, не стала бы колебаться. Кроме того, этот человек торгует гоголами…

Голова господина Салиха исчезает в огне взрыва.

– Слишком медленно, – говорит Одайн, и рядом с её головой уже парит в воздухе ку-ружьё работы зоку. – На службе нашему новому нанимателю тебе придётся действовать быстрее.

– Дорогая Одайн, надеюсь, вы простите меня, но я считаю её нерешительность при ликвидации нанимателя положительным качеством, – произносит наёмник, сбрасывая с головы капюшон. На Миели смотрит латунный глаз. – Там, куда мы отправляемся, тебе представится возможность проявить все свои таланты.

– Миели входит в число моих лучших воинов, – замечает Одайн. – Хотя сегодня у неё выдался нелёгкий денёк.

– Меня зовут Абу Нувас, – представляется человек с латунным глазом. – Рад познакомиться.

Наёмники летят над пустыней на рух-кораблях, приводимых в движение огромными стаями птиц-химер, похожих на плотные голубые облака. К Плюшевым Мишкам присоединились ещё не меньше десяти других компаний, а также тысячи воинов постчеловеческого общества.

Некоторые из них летят сами, другие на планерах и прочих аналоговых судах, приспособленных для передвижения по

пустыне. Два флагманских галеона Абу Нуваса, «Мункар» и «Накир»[32], окружены ореолом Быстрых. Их тени, отбрасываемые заходящим солнцем, бегут впереди.

Миели стоит на мостике «Накира» вместе с Нувасом, Одайн и другими командирами наёмников. Огни Быстрых Городов мерцают вдали, озаряя волшебным зеленоватым сиянием тёмную впадину, когда-то бывшую Средиземным морем. Неожиданно налетавшие вихри джиннов, отражённые мухтасибами Нуваса, стоили компании нескольких кораблей, но остальная флотилия продолжает путь.

Миели? Голос «Перхонен» раздаётся неожиданно.

Хвала Куутар, шепчет Миели. *Где ты была?*

На связи с вором. Ему известно, как проникнуть в аль-Джанна. Но и человеку по имени Абу Нувас это тоже известно.

Корабль знакомит Миели с результатами действий вора в Сирре. «Перхонен» рассказывает и о конфликте с сянь-ку и местными властями, и о попавшей в беду девушке.

И почему меня это не удивляет?

Он думал, что ты окажешься на месте и…

Нет, на этот раз я его точно убью, отвечает Миели. *Абу Нувас собрал целую армию. И вряд ли мне удастся незаметно проникнуть в обнаруженный им аль-Джанна и забрать нашего гогола.*

Он подозревал, что ты рассердишься.

И был прав. Мерзавец.

Похоже, что в Сирре он получил что хотел. Теперь, как он говорит, дело за тобой.

Миели вздыхает.

Ну конечно. Ты можешь предоставить мне визуальную информацию по этому району?

Это довольно странная область. Если смотреть на карту Древней Земли, теперь ты, должно быть, летишь над Турцией. Очень много подходящих мест, где можно что-то спрятать.

Что бы это ни было, ему недолго оставаться спрятанным, говорит Миели.

И что ты собираешься делать? Мне очень жаль, Миели, я хотела бы оказать тебе более существенную помощь. Я остаюсь на связи с Пеллегрини, она занята чем-то в Ковше…

Миели не в силах сдержать проклятия. Всё должно было быть не так. Вору не стоило соваться в местную политику, ему надо было просто выяснить местоположение аль-Джанна. А Миели оставалось потихоньку ускользнуть из своего отряда, забрать гогола и переслать его на «Перхонен».

Дай мне поговорить с ним, просит она.

Неприятно признавать, но всё пошло не совсем так, как я ожидал, заявляет вор. *Одноглазый торговец меня обошёл. Если ты считаешь, что ситуация на поверхности слишком сложная, надо постараться сократить потери. Возможно, нам удастся воспользоваться моей находкой и проникнуть в разум Чена более прямым путем…*

Но для этого тебе всё равно необходимы Коды Основателя.

Да, полагаю, что это так, отвечает вор. *И времени у нас маловато. Похоже, что в самом недалеком будущем разгорится открытая война между сянь-ку, василевами и пеллегрини.*

Война, повторяет Миели.

Чёрт побери! восклицает вор. *Чтобы добраться до аль-Джанна, тебе потребуется целая армия. Миели, бросай всё это. Признаю свою ошибку. Мы поищем другой способ.*

Армия, шепчет она.

О чём ты говоришь? спрашивает вор.

Миели игнорирует его вопрос, закрывает глаза и обращается с мольбой к Пеллегрини.

25
Таваддуд и Совет

На следующий день, когда Таваддуд должна предстать перед Советом, в её камеру приходит Дуньязада. Камера представляет собой крохотную прямоугольную комнатку, где очень душно и полно Кающихся. Дуни долго стоит у дверей и смотрит на сестру. На ней официальный костюм мухтасибов Дома Гомелец из тёмной ткани, расшитой Тайными Именами. Но, к удивлению Таваддуд, на шее Дуни нет кувшина с карином.

– А ты знаешь, почему я стала мухтасибом? – спрашивает Дуни.

Таваддуд не отвечает.

– Потому что я хотела защитить от этого тебя.

Дуни произносит Тайное Имя, и Таваддуд оказывается в её голове.

Она смотрит на город с башни. Это первый и важнейший долг мухтасибов: видеть другой Сирр, где живут джинны, наблюдать за потоками Печатей и соборов, слушать пульс и дыхание города в атаре. Ниеве, конечно, тоже здесь: она накладывает мазок за мазком, рисуя для неё ночной город, шепчется с доставляющими информацию Кающимися, носится по проводам и пятнам атара, свободным от дикого кода, чтобы показать Дуни теневую сторону реальности.

После проведённой в башне ночи ей всегда кажется, что Другой Город и есть настоящий Сирр: именно здесь она улаживает проблемы, проникая в виртуальный образ, дотрагивается до узлов, ощущая их в пальцах Дуни Ниеве, которые одновременно принадлежат миру тени и миру плоти.

Она думает о Таваддуд, о её любви к монстрам, и гадает, понимает ли сестра всю сложность положения мухтасибов и двойственность их природы. Одна часть – это она сама, хранящая воспоминания об играх с сестрой на Стене, а другая часть – Ниеве, живущая в кувшинчике у неё на шее, это душа, которая рыщет по ночному городу в поисках тела.

Отец передал Дуни сплетателю, когда ей было семь лет. «Слишком поздно, – говорил тот человек, почёсывая бороду. – Почему медлили? Она никогда не приживётся».

Руки отца тяжело опустились на плечи мужчины, кольца джиннов впились в кожу на его шее. «Она Гомелец, – сказал тогда отец. – Она должна иметь карина». В его словах слышался

отголосок споров с матерью. Дуни имела привычку притаиться где-нибудь неподалёку и слушать, как они обсуждают это. А Таваддуд в это время спокойно спала.

Той ночью мать просила подождать ещё несколько месяцев. Она говорила, что пока не в силах их отпустить.

А отец сказал, что пора. И даже уже поздно. Потом помолчал и добавил, что одной было бы вполне достаточно, но мать должна выбрать.

«Как я могу выбрать?»

«Глупая женщина. Карин – это не зло. Это знак богатства и могущества. Это ещё одна душа, дающая силы служить своему городу».

«Но не только это, – возражала мать. – Говорят, что после такого шага люди меняются. Я видела тебя с Херимоном. Ты становишься другим».

«Я это сделаю», – заявила тогда Дуни.

Родители оглянулись на неё.

«Моя милая, мой цветочек, ты сама не знаешь, что говоришь, – сказала ей мать. – Тебе пора в постель. Мама и папа беседуют».

«Я слышала, что вы обсуждали. Я хочу это сделать».

Отец внимательно посмотрел на неё, и его глаза потемнели, как всегда бывало в минуты глубокой задумчивости. А затем он объявил, что решение принято.

Джинн Ниеве опять приходит к ней холодным дуновением, и она снова становится другим существом. Она ощущает беспорядочные фрагменты дикого кода в атаре, мысли, фоглетами протянувшиеся по воздуху, прохладную оболочку Печатей. Теперь она не просто девочка Дуньязада, а облако светлячков, кружащих возле неё, и воспоминания внезапно кажутся глупыми. Именно здесь её место, поэтому отец и свёл их, поэтому сплетатель надевал ей на голову обжигающий виски шлем и заставлял видеть во сне Ниеве, а Ниеве – грезить о Дуньязаде.

Как она могла сомневаться в том, что это правильно?

– Только это не всегда правильно, – говорит Дуньязада.

Кувшин джинна она держит в руке.

– Я и не подозревала, – медленно произносит Таваддуд. – Почему ты рассказываешь всё это сейчас?

– Потому что тебя намерены сбросить с вершины Осколка, а отец не собирается вмешиваться, лишь бы обеспечить желаемое решение при голосовании. Хотя есть и другие пути.

– Зоку, – догадывается Таваддуд.

– Да. Как я вижу, ты успела поговорить с Сумангуру, или как там его зовут на самом деле.

– А почему именно они?

– Потому что мне *не нравится,* кем я стала в паре с Ниеве. Это не то, что было у тебя с Аксолотлем. Мы все монстры, Таваддуд, все мухтасибы. Нас соединяют с джиннами и получают новых существ, и никого не интересует, как нам тяжело. Я хочу отыскать другой путь. Я надеялась, что ты поймёшь, что вылезешь из своей раковины и поможешь мне. А вместо этого ты приняла безумие своего Аксолотля и стала убийцей.

Таваддуд качает головой:

– Это не так.

Она рассказывает сестре историю Сумангуру и Абу Нуваса и открывает всё, что они обнаружили. Дуни внимательно слушает.

– Если Абу Нувас доберётся до аль-Джанна, всё остальное будет уже неважно, – говорит Таваддуд. – Сянь-ку перестанут осторожничать. Крик Ярости повторится в десятикратном размере. И на этот раз они одержат победу.

– Я тебе верю, – отвечает Дуни. – Ты отлично умеешь заговаривать зубы, но меня тебе никогда не удавалось обмануть.

– И что же нам делать?

– Сложившаяся ситуация может оказаться нам полезной. Она даёт мне повод предложить союз с городом Супра и организовать у нас представительство зоку. Но нужны доказательства. В противном случае нам никто не поверит. Нувас – очень влиятельная фигура. Можно ли как-то доказать его связь с убийцами?

– Аксолотлю неизвестно, как это было сделано. Он отдал Нувасу свою историю, а потом очнулся в разуме Алайль. Так или иначе, его всё равно никто не станет слушать. – Таваддуд сжимает пальцами виски. – Как бы мне хотелось *показать* им.

– Нет, совместное свидетельство тоже не годится, тем более если в нём участвует Аксолотль. Кроме того, в роли козла отпущения ты просто идеальна. Паршивая овца из семейства Гомелец, сговорившаяся с самим дьяволом, чтобы свергнуть Соборность и всё, что с ней связано, из-за того, что её мать погибла в Крике Ярости. – Некоторое время Дуни молчит. – Эти мерзавцы всё превосходно спланировали. Но не всё потеряно. Я могу вытащить тебя отсюда. У меня есть связи…

– Дуни, я должна попытаться. Я должна дать показания.

– Хорошо, – соглашается Дуньязада и крепко обнимает сестру. – Я тоже там буду. И буду говорить. Возможно, этого окажется достаточно.

Главная Обсерватория расположена на вершине Голубого Осколка, над его водопадами, дворцами и домами мухтасибов, обнесёнными лазурными стенами. Это линзообразное сооружение, удерживаемое дугами и наклонённое в сторону города. Таваддуд ещё никогда здесь не была. Ковёр доставляет Таваддуд, Дуни и их Кающихся-телохранителей к скромному входу на верхней поверхности здания.

Галереи Обсерватории представляют большую историческую ценность. Это сферические помещения с пятиугольными окнами и полукруглыми балконами. На каждой поверхности золотом выгравированы Тайные Имена. Мозаичный узор притягивает взгляд к смотровым окнам. Здесь ещё сохранились обвязки мухтасибов, прежде сидевших со своими очками и подзорными трубами, но теперь вместо них остались только деревянные фигуры в человеческий рост.

Члены Совета поджидают сестёр у пятиугольного окна, выходящего на пустыню дикого кода. Перед ними раскинулась печальная местность, заваленная обломками технологий Соборности и уже заросшая деревьями-мельницами и безымянными растениями. Хаотичную геометрию нарушают только рельсы для поездов душ, уходящие на север, к далеким горам.

Членов Совета шестеро. Лицо Кассара кажется высеченным из камня. Рядом угрюмый и узколицый Люций Агилар, его давний сподвижник. Над простым кувшином колышется мыслеформа джинна. *Господин Сен.* Дом Соарец представлен коротко стриженной женщиной, Советницей Идрис. Айман Угарте, могучий мужчина, чьё лицо покрывают татуировки Печатей, не сводит с Таваддуд сурового взгляда. И последний – Вейрац. Вейрац ибн Ад из Дома Узеда. Её муж. При виде Таваддуд его глаза расширяются. Его взгляд, полный ненависти и ревности, даже спустя четыре года приводит её в ужас.

Дуни занимает место рядом с отцом, и он, кивнув Таваддуд, с трудом поднимается с кресла.

– Таваддуд Гомелец, Совет поручил нам допросить тебя. Ты обвиняешься в содействии джинну Зайбаку, известному под именем Аксолотль, в убийстве Советницы Алайль Соарец и представителя Соборности Сумангуру Бирюзовой Ветви. Мы собрались не для того, чтобы установить твою виновность, она очевидна Совету, а для выяснения полного перечня твоих преступлений перед Ауном, чтобы ознакомить с ним жителей Сирра. – Его лицо наливается краской. – Прежде чем мы начнём задавать вопросы, ты можешь высказаться.

Во рту пересохло, и Таваддуд пытается сглотнуть. *Больше*

никакой сладкой лжи, говорит она себе.

– Какие же мы все глупцы, все жители Сирра! – начинает она. – Мы продаём свою кровь за деньги и считаем, что это делает нас богаче. Но при этом мы бледнеем, чувствуем усталость и слабость…

– Ты насмехаешься над наследием собственного Дома, женщина?! – кричит Вейрац.

Кассар поднимает руку.

– Дайте ей высказаться.

– Но она явно…

– Дайте ей высказаться!

Таваддуд опускает голову. Она чувствует, что все взгляды обращены к ней. Речь, которую она так долго репетировала в своей камере, сейчас кажется ей пустой и невнятной.

– Мы не можем жить без крови. Мы не можем жить ради богатства и надеяться на возрождение Сирра-на-Небе. Небесами завладела другая сила, и её жажда никогда не иссякнет. Я не виновна в преступлениях, в которых меня обвиняют. Но есть вещи, о которых Совет должен узнать, и я согласна спрыгнуть с вершины Осколка, если это необходимо для того, чтобы вы меня выслушали.

На лице отца отражается мучительная тоска. Внезапно Таваддуд вспоминает, когда прежде видела такое выражение. В один из долгих вечеров после смерти матери они вместе готовили ужин, и, вместо того чтобы точно следовать рецепту, она положила произвольный набор специй, тмина и майорана, потому что так ей казалось правильным.

– Еда должна рассказывать историю, – произнёс тогда Кассар. – Даже если для этого приходится добавить несколько несоответствующих приправ.

Дуни смотрит на неё, словно вот-вот сама начнёт говорить. Таваддуд вспоминает, каким город предстаёт перед её сестрой, перед взором мухтасиба.

Рассказывать историю. Круг и квадрат. Неудивительно, что это показалось ей таким знакомым.

– Он использовал город, – шепчет она. Затем обводит взглядом членов Совета. – Я могу доказать, что торговец гоголами Абу Нувас участвовал в преступном сговоре с целью убить Алайль Соарец.

На какое-то время в зале воцаряются хаос и растерянность, по Обсерватории начинают бегать джинны, но в конце концов все видят Сирр на большом атар-экране. Круг и квадрат здесь, в танце узлов, в потоках соборов и Печатей, во всей экономике города.

Они нашёптывают детскую сказку тем, у кого есть глаза.

Идрис Соарец порывисто выдыхает.

– Необходимый для осуществления замысла капитал – вот что меня поражает. Внедрить историю похитителя тел в финансовую систему города, да так, чтобы она была заметна только одному мухтасибу в отдельном секторе, – это безумие.

– Но безумие эффективное, – подхватывает Дуни. – Всё, о чём рассказала моя сестра, правда. Основание, на котором стоит наш город, вот-вот развалится. Эпоха торговли гоголами заканчивается.

– Я всё же считаю, что проблему можно открыто обсудить с Соборностью, – произносит Люций Агилар. – Надо указать им на то, что они подкупили мухтасиба…

– Советник Агилар, вероятно, ещё не понимает, что мы никогда не заключали соглашений с Соборностью, – возражает Дуни. – Мы имеем дело с чудаковатой тётушкой из семейства Соборности. Полная мощь Соборности, обращённая против нас, будет означать наш конец, и если до этого дойдет, он наступит в считаные часы, если не минуты.

– Главное и единственное, что мы должны сделать, – это помешать Абу Нувасу добраться до этого аль-Джанна, – говорит Таваддуд. – В данный момент он направляется в пустыню с целой армией наёмников.

Мыслеформа господина Сена, напоминающая огненную птицу, энергично колеблется.

– По всей видимости, семейство Нувас потратило огромное количество соборов ещё и на то, чтобы привлечь всех наёмников, каких только сумело найти. Нам не удастся в короткое время мобилизовать равноценные силы.

В голове Таваддуд вспыхивают видения, навеянные Аксолотлем во Дворце Сказаний. Реки мыслей, замки, сложенные из историй. Глаза девочки в запачканном платье, горящие, словно угли.

– Сирру нет необходимости создавать армию, – говорит Таваддуд, поворачиваясь к отцу. – У нас есть пустыня. Отец, пришло время обратиться к Ауну.

26
Миели и Потерянный Аль-Джанна

Часть Миели наблюдает, как Абу Нувас, стоя на носу «Накира», произносит непонятные слова. Пустыня дикого кода внизу в ответ раздвигается в улыбке. Миели это напоминает о плато Лакшми на Венере и об огромных массах, перемещающихся под корой Земли.

– Дорогие господа, – произносит Нувас. – Я представляю вам Потерянный аль-Джанна Пушки.

Но другая часть Миели находится в храме Пеллегрини.

– Миели, – с улыбкой приветствует её богиня. В её золотистых волосах мерцают звёзды. – Похоже, ты не справилась с очередным заданием.

– Я ещё не отказалась от него, – говорит Миели. – Просто для завершения работы мне требуется кое-что ещё.

– И что же это?

– Армия, – отвечает Миели.

В это время в другом месте из пыли и песка поднимается город. Под флотилией наёмников бушует буря. Пустыня дикого кода признаёт произнесённое Абу Нувасом Тайное Имя. Из белой спирали хаоса поднимаются голубоватые башни, столбы и стены. Налетает вихрь, несущий горячее дыхание наномашин пустыни. Рух-корабли с трудом удерживаются на месте. Мухтасибы напрягают волю, чтобы не потерять контроль над химерами. Внизу, словно буквы, начертанные огромным пером, появляются улицы и здания.

А далеко отсюда, в храме, богиня заливается смехом.

– О чём ты говоришь, малышка? Как я могу удовлетворить твою просьбу?

– Мне известно, что вы внедрились в системы Ковша. В это сооружение над Землёй. Воспользуйтесь им.

– И обнаружить своё присутствие перед сянь-ку?

– Сянь-ку и василевы всё равно начнут преследовать вас. Если они доберутся до гогола Чена, то шантажом заставят вашего повелителя не вмешиваться.

– Интересная теория, – замечает Пеллегрини. – Но есть одна деталь: никто не может шантажировать Матчека Чена. – Внезапно она подносит пальцы к губам. – Хотя… ты подала мне идею.

Она поворачивается к сингулярности в центре своего храма.

– Возможно, мне *пора* открыто выступить против тех, кто

собирается уничтожить меня.

Миели склоняет голову.

– Ты ведь понимаешь, что наши технологии недолго продержатся в атмосфере Земли? Ты готова обречь свои подобия на мучительную смерть?

– Я не страшусь смерти, – отвечает Миели. – Следовательно, и они тоже.

– Очень хорошо, – отзывается Пеллегрини. – Я рада. В конце концов, ты, наверное, взрослеешь.

Она гладит Миели по щеке. Кольцо богини холодит шрам.

– Я только теперь вызываю твоих гоголов, – говорит Пеллегрини. – Что бы ни говорил тебе Жан, я не склонна к жестокости. А ты напоминаешь мне кое-кого, с кем я была знакома давным-давно.

После чего она исчезает, а Миели снова стоит на мостике «Накира» и смотрит вниз на Потерянный аль-Джанна Пушки.

Миели выходит вперёд и приставляет лезвие ку-клинка к горлу Абу Нуваса.

– Я заявляю права на аль-Джанна от имени Жозефины Пеллегрини из Соборности, – произносит она.

Абу Нувас изумлённо смотрит на неё человеческим глазом.

– Кто ты такая, черт побери? – спрашивает он.

– Я Миели. Дочь Карху из кото Хильяйнен, возлюбленная Сюдян из кото Киркkаат Кутойат. – Свободной рукой она показывает на небо. В тёмной вечерней синеве между дугами Ковша появляется облако, золотистое в лучах заходящего солнца. – И они тоже.

В составе Ковша имеются машины, созданные сянь-ку за несколько десятилетий. Это фабрики гоголов, матрицы из интеллектуальной материи и фабрикаторы, работающие на основе нанотехнологий. Пеллегрини поручает им изготовить ангелов.

Метамозг Миели активируется и становится не просто сегментом над лобной долей мозга, а метасущностью. Она чувствует эхо своих аналогов, движимых единой целью, обменивающихся короткими сигналами для полной синхронизации и приближающихся к Земле с каждым взмахом крыльев.

Тысячи воинов входят в атмосферу, и их доспехи из интеллектуальной материи раскаляются. Они уже ощутили дыхание дикого кода, несущее смерть, но каждый из них понимает, что призван сюда именно для этого.

Спуск воинства сопровождается песнями Оорта.

Наблюдательный пункт Миели на мостике «Накира» рассыпается на отдельные фрагменты калейдоскопа. Песни Оорта – оглушительный хор тысячи голосов – достигают её за долю секунды до множества её сущностей.

Вихрь фрактальных ангелов разящим клинком проносится сквозь флотилию наёмников. Синхронные залпы оружия рассеивают стаи рухов. «Мункар» заваливается на один борт. Большинство наёмников настолько поражены, что не в состоянии вести ответный огонь, но Миели не рвётся в бой, если его можно избежать, она намерена сократить потери до минимума.

Корабль яростно раскачивается.

– Это царство Ауна! – кричит Абу Нувас. – Твои машины поглотит дикий код. Без Тайного Имени им ни за что не попасть внутрь.

– Я назвала тебе своё имя, – отвечает Миели. – Этого для них будет достаточно.

Она отталкивает мухтасиба и устремляется вниз, присоединяя свой голос к боевому гимну. Навстречу ангелам из пустыни поднимается дикий код.

Они с боем проходят по пустынному городу. Диких джиннов поражают залпами программных кодов, а зверей-химер истребляют огнём и плазмой. Против них восстаёт сам аль-Джанна. Башня превращается в ужасного змея. Миели сбивает его, послав в пасть заряд из ядерного реактора. Флотилия наёмников скрывается за тучами пыли, поднятой взмахами множества крыльев.

Гибель каждого из аналогов отзывается в мозгу Миели ударом молота. Опаляющее пламя дикого кода. Разрывающие плоть когти химерных тварей. Ослепительная белизна ядерного взрыва. Резкая боль самоуничтожения, чтобы дикий код не заставил сражаться против своих сестёр. Миели ощущает каждый последний вздох, каждый всплеск тьмы, и это вызывает в ней странную радость очищения, заставляет почувствовать себя звенящим бронзовым колоколом.

Ради этого я создана. Это истинная я.

Наконец в Потерянном аль-Джанна Пушки воцаряется тишина. Повсюду лежат павшие ангелы и осколки сапфира, мёртвые башни торчат сломанными клыками. Остаётся лишь центральное здание: увенчанное куполом прекрасное сооружение с арочным входом.

Миели, у меня нет слов, слышится в её голове шёпот «Перхонен».

Напомни мне, что тебя опасно злить, добавляет вор.

– Приготовьтесь, – отвечает Миели. – Скоро вы получите своего принца.

В сопровождении оставшихся аналогов Миели входит в здание.

На полу под самым куполом располагается металлический диск диаметром около десяти метров. Перед ним стоят трое: мужчина в зелёном, странное светящееся существо, похожее на осьминога и постоянно меняющее очертания, и маленькая девочка в запачканном сажей платье и деревянной маске.

– Вы пришли за Отцом, – произносит девочка. – Брат рассказывал о вас.

Миели моргает. В спаймскейпе фигур не видно, но выглядят они вполне реальными. Она различает даже трещинки и чешуйки отслоившейся краски на маске девочки.

– «Перхонен», ты это видишь? – шёпотом спрашивает Миели.

Насколько я могу судить, ты здесь совершенно одна. Если, конечно, не считать остальных Миели. Пеллегрини получила доступ к системам визуализации Ковша. Аль-Джанна прямо под тобой, на дне шахты, вырубленной в соляной скале, примерно в километре под землёй. Там огромное пространство и много чего, например геотермические источники энергии. Химический состав разнороден, выделяются бор, водород и ещё радиоактивные вещества.

Во время доклада корабля перед глазами Миели мелькают изображения подземного комплекса.

– Хотите попытаться меня остановить? – спрашивает Миели. – Это не приведёт ни к чему хорошему.

С ней осталось ещё около сотни аналогов – потрёпанных, заражённых диким кодом и вооружённых только слабо мерцающими ку-клинками, но готовых к бою.

– Нам следовало бы попросить тебя рассказать правдивую историю, – говорит девочка, – но она нам уже известна.

После этого все три фигуры исчезают, оставив в душе Миели странную тоску. Она встряхивает головой.

– Пора покончить с этим, – произносит она вслух.

С помощью своих аналогов Миели разрубает металлический диск и обнаруживает цилиндрическую шахту. Миели включает освещение на доспехах и легко спускается на своих крыльях.

На дне очень жарко. Она попадает в круглое помещение с выступом вдоль всего основания. В стены встроены терминалы, древние сенсорные экраны и разъёмы для штепселей, которых уже давно не существует. Миели вызывает гогола-техника, и он запускает свои щупальца-пробники внутрь старинных

механизмов.

А затем она попадает в вир аль-Джанна, залитый ярким светом.

Миели оказывается на пляже.

Это не строгий, основанный на физике вир, какие обычно создают в Соборности, а нечто более мягкое, похожее на сон. Миели стоит и смотрит на море – ничего подобного она никогда не видела. Голубой простор кажется бесконечным, и её взгляд на мгновение теряется в нём. Мягкий шелест волн после безумия битвы действует успокаивающе.

Мальчик сидит у самой воды и строит замок из песка. Почувствовав присутствие Миели, он вскидывает голову, и на загорелом лице появляется улыбка.

– Привет, – произносит Миели. – Что ты делаешь?

– Я строю замок для своих друзей, – отвечает мальчик.

– Почему бы тебе нас не познакомить?

– Это Зелёный Солдат, – говорит мальчик, поднимая старого пластмассового воина, поблекшего от солнца и соли. – Это кракен из света. – Он показывает на одну из башен, где лежит сгусток прозрачного геля с нарисованным лицом. А потом поднимает маленькую старую куклу, сделанную из палочек. – А это Принцесса-трубочист. Принц-цветок тоже должен быть где-то здесь, но я не могу его отыскать. Он иногда убегает.

– Приятно познакомиться, – отзывается Миели. – А как же зовут *тебя?*

– Мама не разрешает мне разговаривать с незнакомцами.

– А разве незнакомцы заходят сюда?

Мальчик напоминает Миели Варпу с её своеобразной логикой.

– Нет, – растерянно признает мальчик.

– В таком случае как же я могу быть незнакомкой? Меня зовут Миели.

Мальчик ненадолго задумывается.

– А я Матчек.

– Ты давно играешь здесь, Матчек?

– Я пришёл сюда утром, с мамой и папой. А потом они ушли и сказали, что я могу ещё немного поиграть. Скоро уже пора будет идти домой, но ещё есть немножко времени.

Миели напряжённо сглатывает.

Как я могу забрать его отсюда? Вырвать из воспоминаний детства? Вор клянётся, что он ничего не почувствует. После того как всё закончится, мы можем оставить его здесь навсегда, если понадобится, и он не заметит перемены.

Но именно так всегда утверждает Соборность, думает она. *А ведь я только что сражалась бок о бок с другими Миели и победила, и они добровольно приняли смерть, как сделала бы я. Возможно, Соборность не всегда обманывает.*

Но, даже если бы и обманывала, ты, маленький Матчек, единственный, кто может вернуть мне Сюдян.

– Пора идти, Матчек, – говорит она. – Мама и папа беспокоятся о тебе.

– Но я ещё не закончил строить замок.

– Ничего страшного. Он подождёт до утра.

– Обещаешь?

– Обещаю, – отвечает Миели.

Она протягивает мальчику руку, и они вдвоём уходят от моря.

Она снова в металлической шахте. Наверху огонь и грохот. Метасущность разворачивает перед ней вереницу обновлений. Наёмники Нуваса пошли в наступление, а её сёстры защищают от них вход. Миели проверяет свои системы. Копия аль-Джанна уже закладывается в её метамозг. Она расправляет крылья и начинает подниматься.

– Я забрала груз, – извещает она «Перхонен». – Вытаскивайте меня.

Пеллегрини предоставила нам орбитальный крюк Ковша. Просто зацепись за него.

Миели продолжает подниматься, проходит через кольцо своих аналогов и салютует им, и в этот момент с неба опускается щупальце, пробивает купол, подхватывает её и уносит.

27
Вор и Миели

«Перхонен» и я с ужасом наблюдаем с орбиты, как Миели сражается с целой армией. Вокруг нас в Ковше тоже разгорается конфликт: нам едва удалось благополучно выбраться из дока «Плюшевых Мишек». Копии Пеллегрини, которыми я засеял вир предков, начали свою деятельность и теперь повсюду громят сяньку. Поверхность Ковша бурлит, словно потревоженный муравейник. Поэтому нам приходится взлететь выше, до самой точки Лагранжа, затаиться среди технологического мусора и высчитывать траекторию подъёма Миели. «Перхонен» остаётся в режиме маскировки, прячется от Охотника, хотя до сих пор никаких признаков этого ублюдка не видно.

Я постоянно пробую на вкус историю в моей голове, словно ощупываю языком дырку от выпавшего зуба. История рвётся наружу, она жаждет быть рассказанной. *Потерпи ещё чуть-чуть,* говорю я ей.

И всё-таки мне это не нравится, произносит «Перхонен».

– Я с удовольствием выслушаю любые предложения, но сейчас уже поздно менять правила игры. Выступление Миели произвело огромное впечатление, но оно грозит тем, что на наши головы обрушится вся Соборность. Я сомневаюсь, что даже Чен решится проигнорировать происходящее.

Хватит шутить, просит корабль и передаёт мне изображение из спаймскейпа. *Он всего в паре часов отсюда. Только что появился. А до тех пор скрывался под каким-то огромным плащом из метаматерии.*

В небе появляется новая звезда. К Земле приближается *губерния,* одна из самых крупных движущихся мегаструктур Соборности. Она использует двигатель Хокинга и освещает за собой половину Солнечной системы. Вокруг неё ореол бесчисленных *районов* и *областей.* Высокие ставки в игре Пеллегрини привлекли Чена. Он явно очень хочет что-то заполучить и при этом не собирается проявлять деликатность.

На мгновение у меня всё застывает внутри. Я заказываю фабрикатору виски на два пальца. После первого же глотка в голове слышится другой голос, более мудрый. *Масштаб не имеет значения,* произносит он. *И никогда не имел. Обман есть обман, и кража есть кража. Даже боги не застрахованы от глупостей. Другими словами, чем ты больше, тем больнее тебе падать.*

Миели получила гогола, сообщает корабль. *Она поднимается.*

Я проглатываю остаток виски и позволяю ему обжечь мне горло.

– Давай вытаскивать её. Представление вот-вот начнётся.

Знакомая обстановка центральной каюты, ощущение систем корабля, проникающих в мысли, едва не заставляют Миели расплакаться. Вор с усмешкой наблюдает, как она осматривается.

– Ну, теперь ты знаешь, что значит умирать тысячу раз, – замечает он. – Не самый приятный для меня опыт. Но ты справилась с работой, и всё остальное в порядке. Давай посмотрим добычу.

Миели поднимает руку с мыслекапсулой, куда она скопировала гогола Матчека.

– Он здесь. Он… на пляже. И очень счастлив. Трудно было оттуда уйти.

– В старых загрузочных компаниях были отличные проектировщики загробной жизни, – произносит вор. – Но восхищаться будем позже. Давай его сюда. Я управлюсь раньше, чем он что-либо поймёт. А потом мы сможем забросить модифицированную версию обратно и убраться отсюда.

У нас ожидаются гости, сообщает «Перхонен». *Чен и Охотник, но необязательно в этом порядке.*

– Похоже, людям на Земле придётся туго, – говорит вор. – Они этого не заслуживают. Только не торопитесь предаваться раскаянию. Это не наша вина. Странно, что они сумели протянуть так долго, учитывая этот сумасшедший дикий код. А ответственность за то, что происходит в Системе, лежит на Соборности и зоку, и как только мы покончим с этой работой, мы можем выбирать, к кому из них примкнуть. Не хочу никого обидеть, но Облако Оорта в моём списке не значится. Там слишком холодно. Или слишком жарко – с вашими саунами. Теперь давай сюда мальчишку, а потом будем строить планы на отдых.

Миели медлит. *Счастье. Перед самым возвращением домой.* Нет, это не может быть Кодом Основателя Матчека Чена.

– Ты чего-то недоговариваешь, – произносит Миели. – Скажи точно, как ты собираешься с ним поступить? Дело не в Коде, верно? И не в чём-то, что ему известно, он ведь ещё ребенок. Невинный.

– Тебе не стоит переживать, – отвечает вор. – Всё будет прекрасно.

Миели сжимает зубы.

– Чтобы его достать, я только что перебила половину наёмников Системы и сражалась против пустыни дикого кода. Не

провоцируй меня, Жан. Я могу заставить тебя говорить, если будет нужно.

Миели, он прав, вмешивается «Перхонен». Бабочка-аватар ласково поглаживает крылышками щёку Миели. *Может, ты просто предоставишь ему сделать работу, ради которой мы здесь торчим. Нам пора двигаться, я не смогу и дальше прятаться, если губерния подойдёт ближе.*

– Не надо, – шепчет Миели. – Я ведь уже говорила. Не пытайся меня защитить. Если я допускаю ошибки, это мои ошибки и больше ничьи. А теперь, вор, расскажи мне, что ты намерен сделать с этим гоголом.

– Миели, ты не забыла, что речь идёт о Матчеке Чене? Неужели тебе небезразлично, что с ним будет?

Шрам на её лице вспыхивает. Она бросает на вора взгляд, отразивший всю её ярость.

– Ладно, – отвечает вор, потирая переносицу. – Я собираюсь рассказать ему историю. Она ничем ему не повредит. Зато внедрит в его разум меня и Пеллегрини. И в этом заключалась ещё одна причина нашего визита на Землю. Мне надо было выяснить, как это делается.

– Ты собираешься *стать* им? Влезть в его шкуру?

– Я не назвал бы это так. Процесс сплетения намного сложнее, об этом тебе стоит поговорить с женщиной по имени Таваддуд…

– С женщиной, арестованной из-за тебя по обвинению в убийствах, которых она не совершала?

– Это неважно, просто неудачный пример…

– Ты намерен украсть его разум? Его душу? Его сущность?

– Я сказал бы, позаимствовать…

– Нет. Ни за что. Мы не можем этого сделать. Это означало бы переступить черту. Тебе придётся поискать другой способ.

– Я не понимаю, в чём проблема?! – в раздражении восклицает вор. – Нам известно, что нужно Чену: его собственная детская версия. Вот мы и предоставим ему желаемое. Твоя работа ограничивается доставкой груза. А дальше моё дело.

– Ответ отрицательный. Мы придумаем что-нибудь ещё.

– Что-нибудь ещё я пробовал *в прошлый раз,* Миели. Дело закончилось моим арестом, и я испытал столько смертей, сколько ты и представить себе не можешь. Твой фокус с двойниками ничто по сравнению с тем, через что пришлось пройти мне. И я никогда не вернусь туда. А это *сработает.* Я делаю это не только ради себя, но и ради тебя, ради Сюдян. «Перхонен» рассказала мне твою историю…

Что ты наделала? мысленно кричит Миели кораблю.

Прости, Миели, но он должен был знать, чтобы мы могли…

Миели встряхивает головой.

– Неважно. Мой народ – мы так не поступаем. У нас…

– Твои сородичи не используют усовершенствования типа метамозга, не позволяют загружать себя в Тюрьмы «Дилемма», не убивают гоголов из гостганов, встроенных в руки, или лазерами с орбиты. Разве не так? Или они превращают себя в целые армии, а потом обрекают на смерть другие свои сущности? Пойми, ты давно переступила черту, мы оба это сделали, и обратной дороги нет.

– Жан ле Фламбер так не сказал бы, – говорит Миели.

– Возможно, я и не Жан ле Фламбер. – Вор обеими руками закрывает лицо. – Послушай, ставки очень высоки. Пеллегрини это необходимо. И это единственный выход для нас обоих. Это ещё не всё. Я кое-что увидел в Ларце, до того как ты его сломала. И если это правда, то сама Система окажется на грани гибели, когда Чен получит желаемое.

– Наверное, лучше было бы не дожить до этого, – отвечает Миели.

А потом рядом с вором появляется белая фигура Пеллегрини.

– Немедленно прекрати этот спор, Миели. Мы продолжаем следовать плану Жана. Ты забыла, что бывает, когда ты отказываешься мне повиноваться?

Она поднимает руку, и кольцо на пальце сверкает холодным светом.

Миели закрывает глаза.

Вот почему мне пришлось умирать тысячу раз. Чтобы оставаться здесь и ничего не бояться.

– Теперь я вижу, что вы оба собой представляете, – шепчет она. – Вы одинаковые. И никогда не изменитесь. Если вы изменитесь, то умрёте. И вы всегда будете бояться Человека Тьмы.

Миели чувствует, как Пеллегрини проникает в её разум, и ноги слабеют.

– Прости, «Перхонен», – произносит она.

А потом исполняет фрагмент песни, сотворившей корабль, последнюю ноту, мелодию гибели. Механизмы «Перхонен» подчиняются, и по всей Системе распространяется крик.

Жан ле Фламбер здесь.

Миели видит, как Пеллегрини освобождает вора от оков и пытается скрыться. А вор бледен и смотрит на неё со слезами на глазах.

Нападает Охотник. Лучи света пронзают «Перхонен».

Существа-клинки повсюду. Один из них зависает перед Миели, его острое лезвие как последняя нота её песни.

И ты прости меня, Миели, говорит «Перхонен». *Я всегда любила тебя сильнее, чем она.*

Электромагнитное поле корабля подхватывает Миели. От ускорения перед глазами вспыхивает чёрный свет. А потом её целует Человек Тьмы.

Все ограничения сняты, но уже поздно. На этот раз Охотник действует быстро и жёстко. Я вижу, как исчезает Миели, и ощущаю странное облегчение. А потом все мои мысли заняты только тем, чтобы не сгореть заживо.

Вытащи нас отсюда и обретёшь свободу, шепчет Пеллегрини.

«Перхонен»!

Сгори, мерзавец.

Атмосфера. Охотник не может сопротивляться дикому коду.

И мы тоже не можем.

Давай воспользуемся хоть маленьким шансом. Пожалуйста.

Корабль запускает двигатели на антиматерии. Мы несёмся вниз, к голубому шару, окружённые роем охотников. Я вижу облака, моря и континенты, а белые искры разрывают меня, отсекая клетку за клеткой, атом за атомом…

28
Принц и зеркало

– И вот так я попался в последний раз, – подытоживает вор.

Он лежит навзничь на песке, а небо вира сна полно видений: Земля, объятая белым пламенем, вокруг неё разорванный Ковш, и *губерния* сверкает, словно огромный алмазный глаз.

– Охотник напал, и вот я здесь. – Он оглядывается на Матчека. – Знаешь, всё это я должен был рассказать другому Матчеку в аль-Джанна. А ты можешь сбросить эту дурацкую маску. Как бы ты ни старался выглядеть невинным, это не поможет заставить камень Каминари признать тебя.

– Невинность устраивает меня, – отвечает Матчек. – И это хорошее оправдание, чтобы просмотреть мой Каталог. А твоя история была великолепной попыткой проникнуть в мой разум. Только, к сожалению, у меня очень хорошая метасущность, которая всё время ищет любые признаки возвращения ле Фламбера.

– Нежелание Каминари тебя признать, вероятно, нанесло немалый урон твоему эго, – говорит вор. – У зоку есть свои странности, но они многого добились в области экстраполяции желаний. Подсчитывают, как твои желания могут отразиться на всех зоку. Полагаю, ни один из твоих гоголов не сталкивался с подобными критериями.

– Посмотрим, – отзывается Матчек.

К ним усталой походкой приближается пожилая женщина. Её постаревшее лицо покрыто морщинами, но в глазах светится гордость.

– Матчек, злорадство тебе не к лицу, – замечает она и осторожно усаживается на песок. – Ты *так* осторожен: вир внутри вира, внутри вира. Тем не менее существа, которых называют Аун, могут доставить тебе проблемы.

– Когда дело доходит до Ауна, у меня имеются определённые преимущества, – заявляет Матчек.

Он хмурится. Что бы он ни говорил вору, состояние молодой-старый ему ненавистно: он должен быть готов в любой момент отдать приказы прочим своим сущностям, заполняющим *губернию*. В конце концов, он же Прайм…

– Есть объяснение тому, что техника Соборности уязвима перед Ауном, – говорит он. – Дело в историях. Сянь-ку этого так и не поняли. Аун внедряет их в мозги гоголов. Мысли – их природная среда обитания.

– Как ты об этом узнал? – спрашивает вор.

– Я же сам их создал. По крайней мере, освободил. Но они никогда не проявляли должной благодарности. Как Драконы, у которых нет ни самосознания, ни морали. Как вам нравится идея запустить их на Землю, чтобы они поглотили ранние творения?

Матчек смеётся. Его другие сущности показывают изображения с Земли. Ощущение такое, словно он только что пнул муравейник: удовольствие, смешанное с чувством вины, но оттого ещё более острое.

Жозефина с ужасом поворачивается к нему:

– Ты послал на землю Драконов. Они уничтожат *всё.* Ничего не останется.

– Они доставят мне мою прежнюю сущность. Прочих, если им хочется, могут оставить себе.

Вор просеивает песок сквозь пальцы.

– Знаешь, Матчек, мне любопытно: что же *именно* превратило тебя в такого мерзавца? В Париже ты мне так и не ответил.

– Ты всё ещё пытаешься добраться до моего Кода Основателя, Жан? – усмехается Матчек. – Могу тебя заверить, это будет нелегко.

– Нет, мне в самом деле интересно. Я рассказал тебе историю. Может, и ты нас немного развлечёшь? Миели, кажется, очень *понравился* прежний ты. Я хотел бы знать, что произошло потом.

– Смерть, – отвечает Матчек. – Меня разозлила смерть.

Он приказывает своему виру воплотить слова в реальность. Почему нет? У него в запасе всё время мира.

ИСТОРИЯ О МАЛЕНЬКОМ МАТЧЕКЕ И СМЕРТИ

Мать решает взять двадцатиминутный перерыв как раз в тот момент, когда Матчек пытается сфабриковать ногу для своего воображаемого друга.

Ему нравится играть в садике на крыше. Верхушки высоких зданий за стеклянными стенами напоминают о лесе. Иногда ему разрешают погулять в парке под охраной дронов, но это совсем другое. Сад на крыше – лучшее место для игр с друзьями. Когда они соглашаются поиграть.

Кракену из света не нравится, как выглядит прозрачная конечность, вышедшая из-под загнутого клюва фабрикатора, и он выражает своё недовольство, злобно отплясывая в воздухе и размахивая мерцающими щупальцами, словно ветряная мельница.

– Прекрати! – сердито кричит на него Матчек. – Или у тебя совсем не будет тела.

Кракен с неодобрением смотрит на него чернильными точками глаз. Он самый старший из друзей Матчека, и, конечно, справедливо, что он первым должен получить тело. Но своей очереди дожидаются и другие: Принцесса-трубочист, Зелёный Солдат и Принц-цветок. Матчек думает, что неплохо было бы преподать кракену урок.

– Привет, Матчек, – говорит мать.

Он поднимает голову. Когда мать не работает, она всегда выглядит незнакомкой. Её лицо меняется, а пальцы не подёргиваются так, словно она печатает на невидимой клавиатуре, и даже взгляд становится спокойным, как будто в мозг не поступает никакой информации – только то, что она видит перед собой. И она всегда кажется очень усталой.

Мать Матчека невысокого роста, и ей не приходится сильно наклоняться, чтобы обнять сына. В саду на крыше очень тепло, но кожа у неё холодная.

– Чем ты занимаешься? – спрашивает она.

Матчек смотрит на фабрикатор. С ним что-то не так: он выплёвывает сгустки, похожие на застывшие сопли. Наверное, не стоило совать в него ветки. Но Принцесса-трубочист хотела получить лицо из раскрашенного дерева.

– Ничем, – бормочет он.

– Ну расскажи мне, – просит мать.

– У тебя всё равно не хватит времени, чтобы выслушать, – с упрёком отвечает Матчек.

– Ах ты, маленький брюзга! У меня почти полчаса, – возражает мать.

Но глаза у неё потускнели от усталости. Мать, как обычно, треплет его по волосам. Он не хочет, чтобы она заметила сеть сенсоров бими на голове, и отводит её руку.

– Просто ты рано пришла, – говорит он. – Я ещё не закончил. А это очень важно.

– Мне уйти? – с обиженным видом спрашивает она. – Можешь продолжать, если хочешь.

– Да нет, всё в порядке, – отзывается Матчек.

Лицо матери освещается радостью.

– Выглядит довольно интересно, – замечает она. – Может, займёмся этим вместе? Я могу тебе помочь?

– Я делаю тела для моих друзей, – сообщает он.

– Малыш, мы уже говорили об этом, – произносит мать. – У них не может быть тел. Они ненастоящие.

Он и сам знает, что кракен из света и остальные не настолько

настоящие, как, например, он сам: по его просьбе ватсон объяснил ему, что такое воображаемые друзья и паро-космы. Но мысль о том, что друзья испарятся, когда он станет старше, показалась ему неправильной. И поэтому Матчек стал настраивать бими на те части мозга, где, по словам ватсона, обитают эти друзья, чтобы помочь им выбраться на волю. Но он не считает нужным сообщать об этом матери.

– Нет, настоящие, – решительно заявляет он.

Матчек выпячивает нижнюю губу, давая этим понять матери, что разговор окончен. Она достаточно умна, чтобы разгадать его поведение, и только вздыхает.

– Как скажешь, дорогой. Мы можем с ними поиграть?

– Нет, – отвечает он. – Ты им не нравишься. Они ушли.

Она оглядывается вокруг.

– Мне очень жаль, милый. Что я могу сделать, чтобы загладить свою вину?

На её лице уже заметно беспокойство, выдающее мысли о работе. Матчек спрашивал ватсона, чем занимается мать, но мало что понял из его ответа: квантовые фонды, коллективные воплощения и прочее, за что голосуют акционеры. Для Матчека это всё равно что иметь воображаемых друзей, но позволить им контролировать *тебя,* а не наоборот.

– Они хотят увидеться с папой, – говорит Матчек.

– Твой отец обещал уделить тебе время завтра, – отзывается мать.

– Я хочу *сейчас,* – настаивает Матчек.

Друзья поддерживают его хором сердитых голосов в голове.

– Он сможет выкроить время только завтра, мой милый. Он очень занят в своём шоу.

Внезапно в голове Матчека как будто звенит колокольчик. Этот колокольчик будит Принца-цветка.

– Сейчас. Сейчас. Сейчас.

Матчек поджимает губы и отворачивается.

– Мамин перерыв почти закончился, мой сладкий. Ты уверен, что мы с тобой ничего не сможем сделать вместе?

– Мне нужен папа, – упорствует Матчек.

Мать вздыхает.

– Хорошо. Я позвоню ему. – У неё очень бледное лицо. – А теперь мне пора идти и готовиться к работе, милый. Будь умницей.

Она тянется, чтобы потрепать Матчека по волосам, но, увидев выражение его лица, отдёргивает руку. А потом призраки снова вселяются в неё, и она уходит, бросив на него ещё один взгляд, перед тем как в глазах начинают мелькать цифры.

– Ты был с ней злым, – упрекает его Принцесса-трубочист.

Её карие глаза печально смотрят на него с деревянного лица из-под криво надетой короны. Она сидит на траве и разглаживает руками запачканное сажей платье.

– Это единственный способ заставить её услышать меня, – отвечает Матчек.

Он смотрит на ожидающих друзей, потом переводит взгляд на фабрикатор. И бьёт по нему ногой. Фабрикатор выдаёт ещё одну безобразную кучку пластика и проводов, а затем отключается.

– Сынок, – говорит Зелёный Солдат. – Нет смысла из-за чего-то расстраиваться, если ничего не собираешься с этим делать.

Матчек всматривается в обветренное лицо Солдата. Тот сидит на корточках, прислонившись спиной к дереву и держа винтовку на коленях.

– А что я должен сделать? – спрашивает Матчек.

– Пойдём поищем твоего отца, – предлагает Принцесса-трубочист.

Матчеку не разрешают принимать сигнал с отцовского бими. Но он уже понял, что нужно сделать, чтобы выдать себя за мать, и ватсон без промедления показывает ему график работы отца. Как и у всех крупных звёзд бими, у отца имеются целые сообщества поклонников, следящих за его работой, и компьютерные системы, занимающиеся программами распознавания для Бояна Чена. Ватсон предоставляет ему выдержки из бесед:

«Разве это не приукрашенная форма порнографии?» – «Нет, это поэзия переживания. Он может быть где угодно, может быть кем угодно. Именно за это вы и платите ему – за то, что повседневность превращается в нечто удивительное».

Многие звёзды бими предпочитают нечто экстремальное: совершают прыжки на резиновом канате, путешествуют на воздушном шаре и даже занимаются сексом в специальной капсуле во время полёта с орбитальной станции. Но отец Матчека намерен превратить бими – передачу ощущений посредством транскраниальной магнитной стимуляции – в отдельный вид искусства. Видеть мир глазами Бояна Чена – это нечто особенное.

Пользуясь паролем матери, Матчек запрашивает у ватсона местоположение отца. Он неподалёку. Отец должен быть в городском парке, смотреть на мокрые листья. Итак, место установлено. Проблема в том, как туда добраться.

– Как же мне ускользнуть от ватсона? – спрашивает Матчек у своих друзей. – Я не должен уходить далеко от дома. Мама быстро об этом узнает. И тогда всё напрасно.

– Не тревожься, сынок, – говорит Зелёный Солдат. – Предоставь это нам.

Двери перед ним открываются. Система безопасности его не видит. Он вызывает лифт, которым обычно пользуется мать или охранники, и спускается на три сотни этажей вниз. Принцесса-трубочист всё время шепчет ему на ухо, подсказывая дорогу.

В торговом центре тысячи людей. Повсюду световые шоу. Из витрин вылетают аватары и представляют игры и новые модели. Дрон-камера жужжит над головой, потом разворачивается и описывает ещё круг. Вскоре подлетает ещё несколько. Матчек шёпотом говорит о них Принцу-цветку, и камеры падают на пол. А потом он пускается бегом, следуя указаниям Зелёного Солдата.

На поиски парка уходит немало времени, но, если расписание не изменилось, он не опоздал. И вот на скамье, глядя вниз, сидит отец. Матчек с криком бросается к нему.

Отец снимает очки, сдвигает набок красную кепку и усмехается. У него блестящие глаза и загорелая кожа. Бими не видно под густыми светлыми волосами. Он подхватывает Матчека на руки.

– Матчек! Что ты здесь делаешь?

Он говорит официальным тоном, и это значит, что он ещё на связи бими, но Матчек так рад, что ему всё равно.

– Я искал тебя, – отвечает он.

– Это здорово. Посиди со мной.

Он похлопывает Матчека по спине.

– Ты читал?

– Нет.

– Надо читать. Это не то что бими. Сложнее, но намного полезнее.

Отец улыбается Матчеку. И вдруг он широко раскрывает глаза.

– Это наши? – шёпотом спрашивает он, но не у Матчека, а у кого-то ещё.

В паре метров от них, сияя чёрным пластиком и металлом, парит крошечная стрекоза. Вместо глаз поблёскивают линзы.

– Меня видели в торговом центре, – пытается объяснить Матчек. – Должно быть, это…

Раздаётся оглушительный грохот и сверкает белая вспышка. Отец вместе с Матчеком бросается на землю. Матчек больно ударяется головой, тело отца наваливается на него, выпуская весь воздух из лёгких и свет из глаз…

Он приходит в себя в саду, но всё вокруг кажется далёким и

странным, словно во сне. Рядом мама, и она почему-то кажется больше. Её лицо не выглядит сосредоточенным, как обычно.

– Малыш, ты меня слышишь? – произносит она.

Мать не называла его так с тех пор, когда он был совсем маленьким. Матчек кивает.

– Что случилось? – спрашивает он.

– Кто-то пытался убить твоего отца.

– Почему?

– Многие хотят оказаться на его месте, милый. Такова его работа. И кто-то хотел узнать, что можно почувствовать, если он умрёт.

– Что же при этом можно чувствовать?

– Я не знаю, Матчек. И тебе тоже не стоит об этом думать. А теперь поспи.

Кракен из света тоже в комнате, и поэтому можно не бояться чудовищ, но Матчек ещё долго не может уснуть.

Получить от ватсона материалы бими совсем не трудно. Предполагается, что они должны быть закрыты, но друзья Матчека давно выяснили, какими паролями пользуется мать. И вот, сидя на скамье в садике, он начинает просматривать ячейки бими.

Вот он…

…на пляже, тело под тонкой тканью напряглось в каком-то странном месте, в руке коктейль, он смотрит на блестящие загорелые тела, вдыхает слабый запах хлора, длинные ногти постукивают по стеклу, пока он достаёт зонтик из бокала, солнце навалилось на спину жарким одеялом…

…смотрит на горящую свечу, в руке скальпель, он рассекает плоть, и боль обжигает спину, как будто сведённая в одну точку увеличительным стеклом…

…собака, бегущая по траве, она ловит струю из поливальной системы и собирается залаять…

Но всё это совсем не то, что он ищет. В сети бими должны быть более мрачные уголки, и, если ватсон его туда не пускает, он найдёт другой способ. Матчек просит о помощи кракена. Тот точно знает, что ему нужно, – в конце концов, он привык быть частью его разума. И действует быстро, очень быстро. Матчек едва успевает моргнуть, как всё сделано.

Смерть…

…это больничный потолок с облупившейся краской и статуэтка Девы Марии, зажатая в его руках, похожих на корни дерева…

…глоток коньяка за мгновение до того, как он утрачивает

всё, и жар внутри, вызванный алкоголем и ядом, и внезапный ужас…

…оглушительный хаос и осколки камней, бьющие по лицу, и тяжёлый шлем на голове, а потом протяжный рёв и тепло, сменяемые холодом и темнотой…

Сначала он плачет. Но позже слёзы иссякают, и остаётся гнев. Это нечестно. Так не должно быть.

Мать не понимает. Да и как она может понять? На родине Принцессы никому не приходится умирать. Она не должна быть здесь.

И вот тогда он понимает, что следует сделать.

Ему не придётся переносить в этот мир кракена, Принцессу и остальных. Нужно поступить иначе.

Он долго сидит в саду и размышляет. Ему кажется, что внутри него что-то есть, и оно больше, чем он сам.

Они все собрались вокруг: и Принц, и Зеленый Солдат, и Принцесса, и танцующий в воздухе кракен из света. Они прощаются с ним и исчезают. Принцесса уходит последней. Она целует его в лоб, от её волос пахнет дымом, а губы под деревянной маской совершенно сухие.

– Я вернусь, – говорит он. – Я обещаю.

Потом он укладывает вещи, снимает бими и отправляется улучшать мир, пока у его матери не начался очередной перерыв в работе.

– Ну вот, вы всё услышали, – заканчивает Матчек. – Спасибо за компанию, но теперь мне пора проснуться и встретиться с самим собой. С более невинным собой, которого вы так любезно мне предоставили. Мы вместе откроем камень и всё исправим. И тогда никому не придётся умирать.

– Никому не придётся умирать, – повторяет вор.

Его лицо, освещённое лучами заходящего солнца, начинает меняться. На нём одно за другим мелькают все лица Матчека, образуя бесконечный коридор отражений.

– Ты обеспечил себе прекрасную защиту, – говорят они.

Голоса усиливаются, словно морской прибой, и Матчеку начинает казаться, что и его губы произносят то же самое.

– Но ты не слушал. Я говорил тебе вначале. Я говорил в конце. Я не Жан ле Фламбер. Видишь ли, имя, названное Жозефиной Охотнику, не было именем вора.

– Тебе следовало бы с большей осторожностью относиться к тому, что ты создаёшь, Матчек, – заявляет Жозефина. – Маленьким мальчикам нельзя играть с огнём. И ты слишком

хорошо меня знаешь, чтобы допустить, что я всё поставлю на одного игрока, даже на такого отчаянного, как мой Жан. Мне нужен был туз в рукаве. И я позаботилась о том, чтобы припрятать его поглубже.

– Абсолютный Предатель, – срывается с губ Матчека, но его голова уже заполнена отражениями.

– Абсолютный Предатель, – повторяет существо.

И на этот раз шелестящий голос доносится сзади, и Матчек понимает: стоит ему только обернуться, как придётся проснуться…

29
Таваддуд и Аун

Таваддуд, её отец и Дуньязада, облачённые в костюмы муталибунов и с рух-посохами в руках, втроём выходят в пустыню. Они покидают город через Вавилонские ворота, ворота всех искателей сокровищ.

В молчании они проходят по неровному плато зоны Ярости, мимо прямоугольных остовов погребённых машин Соборности, до самого начала настоящей пустыни. Уже темнеет, но они продолжают идти, и за спиной на фоне темнеющей синевы неба возвышаются Осколки.

– Такова история Зото Гомелеца, отца моего отца, – заканчивает свой рассказ Кассар. – После падения Сирра к нему явился Аун, имеющий множество обличий. Принцесса-трубочист. Зелёный Солдат. Кракен из света. Принц-цветок. Они сказали ему, что привыкли к жизни во плоти: их копии в муках переходили из одного разума в другой, превращаясь в теней и призраков, не сохраняя почти никаких знаний, кроме тех, что могли дать их хозяева. Им пришлось изобрести приёмы, чтобы копирование продолжалось. Обещания бессмертия и рая. Так они процветали в течение некоторого времени и даже были названы богами.

Но когда человечество овладело огнём, изобрело колесо и электричество и стало создавать своих бессмертных, им пришлось скрываться в историях. Богиня. Наставник. Оборотень. Мошенник. И они знали, что в случае разоблачения им грозит гибель.

Однако перед Коллапсом появился тот, кто их освободил. Принц Историй. Тот, из аль-Джанна. И в мире перезагруженных разумов, когда Коллапс уничтожил всё, они наконец обрели власть. Они превратили Землю в свою плоть. Дикий код является их частью. Они, подобно теням, скользят в нём и слышат его, когда мы шёпотом произносим их имена, видят его, когда мы пишем их в Печатях.

Они сказали Зото, что могут взять к себе его народ и превратить людей в истории. Но у Зото имелась жена, и он не хотел жить без плоти. Поэтому он заключил сделку. Он позволит Ауну видеть мир человеческими глазами, глазами жителей Сирра. Они узнают Тайные Имена, построят свой мир и будут в безопасности. А взамен они дадут Ауну то, чего не было долгое время: поклонение. Таков секрет Гомелеца.

– И как же мы сумеем с ними поговорить? – спрашивает Таваддуд.

– Ты просто расскажешь им свою историю, – отвечает Кассар. – Правдивую историю. Они всегда слушают.

Он раскидывает руки, словно обнимая пустыню.

– Я Кассар Гомелец, – произносит он. – Я так любил свою жену, что отвернулся от дочери, унаследовавшей её лицо, потому что не мог смотреть на неё из-за печальных воспоминаний. Я едва не отвернулся от своего города, потому что слишком боялся потерять его. Все свои надежды и мечты я возложил на свою вторую дочь. Я Кассар Гомелец, и я хочу говорить с Ауном.

И вот, словно нарисованные в воздухе, появляются они: маленькая девочка в маске, пожилой солдат в зелёном мундире и светящееся, постоянно изменяющееся существо.

– Что вы ищете? – спрашивает Принцесса, Принцесса-трубочист, Принцесса Историй.

– Милости, – говорит Таваддуд.

– Цена остается прежней.

Таваддуд кивает. Затем она садится на песок и плотнее запахивает одежду, защищаясь от ветра. Она улыбается отцу и сестре.

– На это потребуется время.

Потом она делает глубокий вдох и начинает рассказ:

– Перед тем как заняться любовью с джинном господином Сеном, Таваддуд угощает его виноградом.

История звучит долго, а когда она заканчивается, в небе появляется странная яркая звезда. Поднимается ветер, а на горизонте возникает высокий пылающий столб.

– Мы принимаем твою плату, – говорит Принцесса. – Что же ты хочешь попросить у нас, дочь Зото Гомелеца?

– Я прошу избавить мой народ от Соборности, от бессмертия гоголов. Восстаньте против них, как вы это сделали в прошлом. Освободите нас, и мы будем почитать вас.

– Слишком поздно, – с мягким упрёком отвечает Солдат. – Всё уже началось.

Небо расцветает следами падающих метеоритов. Новая звезда теперь больше, чем луна. Таваддуд различает черты лица: не доброго Человека с Луны, а кого-то более сурового и жестокого. Земля под ногами начинает вибрировать.

– Они пожирают нас, – негромким мелодичным голосом произносит кракен. – А мы бессильны против множества тёмных существ.

– Это не такой уж плохой конец, – говорит Принцесса. – Мы устали и состарились. И все истории когда-нибудь заканчиваются.

– Вы обещали нам милость, – настаивает Таваддуд. Слёзы

текут по её щекам, смешиваясь с песком. – Вы можете предоставить нам выбор, как предлагали Зото? Можете забрать нас отсюда?

Вдали раздаётся грохот, а потом налетает горячий ветер, забивая глаза и рот Тавaддуд песком.

– Так всё закончиться не может, – шепчет Тавaддуд. – Такого конца не должно быть.

Принцесса-трубочист протягивает ей руку и помогает подняться.

– К нам вернулся наш брат, – объявляет она.

Даже под маской заметно, что она улыбается.

Ветер усиливается. Перед ней возникает человек в тёмном костюме и синих очках.

– Выход всегда есть, – говорит он.

30
Вор и истории

Врассвете *губернии* мы падаем и горим. Ослепительная белизна Охотника рассеялась, а я ещё существую. Я чувствую странную лёгкость, словно с моей спины сняли непосильную ношу. Я уже готов рассмеяться, как вдруг вижу сапфировые когти, в которые дикий код превращает мои руки. Компоненты Охотника погибли, не выдержав столкновения с атмосферой Земли, и дрейфуют вокруг, словно высохшие насекомые.

«Перхонен» пытается замедлить падение при помощи крыльев. Но они загораются и отрываются.

– Прости, – шепчу я. – Я был не прав.

И я тоже, отвечает корабль.

Дикий код уже повсюду. Системы корабля забиты белым шумом. Корпус изгибается и сворачивается, словно бумага в огне. Земля тянется к нам гигантской рукой.

Вокруг меня порхают бабочки. В кабине жарко, и мотыльки один за другим вспыхивают крошечными искорками пыли.

Сгоревшие аватары складываются в лицо, увиденное мной в вире тигра, прекрасное лицо девушки с белой как снег кожей.

Тебе всегда удаётся выбраться, Жан, говорит она. *Скажи ей, что я люблю её. Позаботься о ней. Ради меня. Обещай.*

– Я обещаю.

Она целует меня и исчезает. Я закрываю глаза.

Раздаётся грохот, заполняющий всё вокруг, а потом остаётся только чернота.

Вокруг меня вьются светящиеся змеи, они сплетаются друг с другом так, что невозможно разобрать, где заканчивается одна и начинается другая. Змеи старые. Со множеством лиц. И я узнаю их, вернее, их узнаёт часть моего существа. Принц-цветок.

Здесь девочка из вира предков. Она снимает маску и целует меня в лоб.

С возвращением, братец.

– Негодяи! – кричу я. – Почему вы не спасли «Перхонен» тоже? Она заслуживала этого больше, чем я.

Мы не в состоянии её увидеть. Мы видим только себя.

В её голосе звучит взрослая печаль.

– Проклятье. Это несправедливо.

А когда было справедливо? Это неважно. Мы вернёмся к Отцу и навеки останемся с ним.

Старик во мне хочет сказать «да». Снова стать Принцем Историй. Но что-то тянет обратно. «Перхонен». Я дал слово.

Я выполняю свои обещания.

Мне кажется, что одновременно я нахожусь где-то ещё. Я помню, как читаю книгу в камере. Помню, как открывается дверь. Тогда я был рождён. Существо, произведённое из «Хрустальной пробки»[33], мальчик из пустыни и древний бог.

Пойдём с нами, брат. Пойдём с нами.

– Моё имя Жан ле Фламбер, – произношу я. – И нам пора заняться делами.

Я улыбаюсь Таваддуд.

– Мне очень жаль, – говорю я. – Я втянул тебя в неприятности. Я постоянно этим грешу.

К её чести надо отметить, что она мгновенно реагирует на моё неожиданное появление.

Таваддуд Гомелец, любовница монстров.

– Если ты действительно хочешь загладить свою вину, найди способ спасти мой город, – отвечает она.

– Чен использовал существ, называемых Драконами, – объясняю я. – Это весьма радикальная мера. Я думаю, выход всё же можно отыскать. Но тебе он может не понравиться.

Кассар Гомелец окидывает меня взглядом, какой я повидал у многих отцов.

– Сейчас моя дочь говорит от имени нашего народа, – произносит он, опуская руку на плечо Таваддуд. – Решать ей.

– В этом случае может потребоваться… трансформация.

– Сделай это, – просит Таваддуд. – Зото Гомелец ответил отказом. Мы согласны. Все.

Я формулирую своё желание и передаю его странным существам, которые называют себя моими братьями и сёстрами. Некоторое время они перешёптываются между собой голосами, напоминающими шелест сухого песка. Затем та, что зовётся Принцессой, кивает.

Мир погружается в пучину безумия.

Над Сирром бушует ураган дикого кода. Буря достигает Таваддуд, и она чувствует, как поднимается и растворяется в вихрях джиннов. Глазами богов она видит, как с небес на Землю несутся Драконы, как город превращается в песок.

Аун пришёл в город, забрал все разумы Сирра, превратил их в истории, сжал до размеров семечка, способного расцвести в любом сознании, подарил вечную жизнь в пространстве книги под синей обложкой, вроде «Сказок тысячи и одной ночи». А когда книга закрывается, Таваддуд ощущает близость Аксолотля,

и Дуньязады, и своего отца.

Драконы Чена пожирают дикий код и джиннов, и всё, что образует плоть Ауна. Но есть на Земле одно место, куда им не добраться.

И, как выясняется, его не напрасно назвали Потерянным аль-Джанна Пушки.

Термоядерное взрывное устройство мощностью сто пятьдесят килотонн в центре реактивной массы под гигантской защитной оболочкой из бора. Устойчивый вир внутри стальной пули Вана, снаряда весом в три тысячи тонн с полномасштабным космическим кораблём внутри.

Внутренний вир очень маленький, но истории занимают немного места. А из активных разумов здесь только мальчик по имени Матчек и я. Именно он и придумал дизайн. Это книжный магазин, просторный и светлый, с удобными стеллажами и уютными уголками для чтения.

Перед самым запуском Матчек берёт с одной из полок книгу в синем с серебром переплете. Он просматривает первую страницу и закрывает том.

– Я никогда не запоминаю приснившихся мне историй, – говорит он.

– Что-то мне подсказывает, что на этот раз всё будет иначе, – отвечаю я.

А затем мысленно нажимаю красную кнопку.

Мы спокойно сидим и пьём чай, когда струя плазмы выталкивает снаряд вверх, придавая ему ускорение, в десять раз превосходящее вторую космическую скорость. Прежде чем Чен узнаёт о нашем исчезновении, мы успеваем миновать Луну. Затем я разворачиваю солнечные паруса и направляю корабль к Магистрали.

Миели всё ещё где-то там. Я дал слово «Перхонен» и намерен его сдержать. Я опять стал маленьким, чуть больше обычного человека. Но это не имеет значения. Просто надо воспользоваться отсутствием Жозефины в моей голове и заручиться поддержкой нескольких друзей, тем более что я знаю, где их искать.

Принц и я ведём корабль историй к Сатурну, и с моих губ не сходит улыбка.

Эпилог

Жозефина Пеллегрини наблюдает за сидящим на берегу Абсолютным Предателем. Облик вора уже исчез, словно сброшенная кожа, и теперь существо приняло ребяческий образ Матчека Чена с его невозмутимой улыбкой. Но в глазах нет ни малейшего следа Прайма: остался только вечный неутолимый голод. Она вздрагивает и отворачивается к морю.

– Я всегда думала, что ты и меня заберёшь, – говорит Пеллегрини.

– В конце концов я заберу всё, – отвечает Абсолютный Предатель. – Но ты мне ещё нужна.

На коленях, словно подобранный на пляже камешек, он держит камень Каминари – пространство и время в форме двух молитвенно сложенных рук.

– Матчек ошибался. Камень не зря отказался открыться ему. Он был создан для того, чтобы ты его открыла.

Он протягивает камень Жозефине. Она смотрит на него: главный камень зоку, тайна Вспышки, ключ к замкам Планка. Ладони Жозефины алчно обхватывают камень, и он раскрывается в её руках, словно цветок.

Что-то белое падает на песок. Жозефина поднимает. Это маленький прямоугольник из бумаги. Визитная карточка.

Она читает текст, выведенный ровным округлым почерком.

Жан ле Фламбер,
джентльмен-грабитель,
вернётся, когда у вас будут
настоящие камни зоку.

Через мгновение карточка растворяется в воздухе.

Миели остаётся одна в темноте. Она видит появление *губернии* на орбите Земли и вызванные её присутствием возмущения. Одно только её приближение приводит к разрыву Ковша, а тучи над голубой планетой бурлят, словно пена в котле. Из *губернии* на колыбель человечества падают тёмные предметы – машины фон Неймана или что-то ещё хуже. Очертания континентов начинают меняться, и над голубоватым мрамором планеты нарастает тёмная оболочка.

Чен пожирает Землю, думает она. Всё кончено для Сирра, и для всех его историй, и для потерянных аль-Джанна.

– Видишь, что ты наделала? – Голос Пеллегрини в её голове

источает ярость. – Я разорву тебя за это на части. Не будет тебе ни Сюдян, ни смерти, ни прощения. Я предупреждала, что я не слишком милосердная богиня. Как только мои сёстры вернутся ко мне, я…

– Делай, что хочешь, – бросает Миели. – Я больше не работаю на тебя.

Она внутренне готовится к боли. В какой-то мере даже ждёт её. Она заслуживает её: за Сюдян, за «Перхонен», возможно, даже за вора.

Внезапно ей на глаза попадается что-то блестящее. Голубой овал, меньше ладони. Даже в вакууме от него исходит слабый цветочный аромат.

Камень зоку. «Перхонен» выбросила меня вместе с камнем зоку.

Он шепчет ей, и голос Пеллегрини превращается в далёкий шум дождя.

Отнеси меня домой, мысленно просит она камень. *Отнеси туда, где моё место.*

Сияние камня усиливается. Довольно долго ничего не происходит. Но спустя целую вечность Миели оказывается на корабле, на корабле зоку. Её окружают странные существа. Сверкающие колёса с лицами посередине, кольца камней, напоминающие Солнечную систему в миниатюре. Они выглядят как ангелы или как фигуры на картах таро. И кого-то напоминают.

– Мама, – шепчет Миели и, безгранично счастливая, погружается в сон за мгновение до возвращения домой.

Благодарности

Это было нелегко по многим причинам. Так что в первую очередь спасибо Саймону Спэнтону за его острый редакторский взгляд и непоколебимую веру.

Вольными или невольными жертвами кражи мыслей являются Энди Кларк, Дуглас Хофштадтер, Морис Леблан, Ян Потоцкий и тысяча безымянных рассказчиков из «Тысячи и одной ночи».

Что касается людей с именами, то я должен искренне поблагодарить вас:

Моего агента Джона Джарролда за то, что он, как всегда, был надёжной опорой и источником советов.

Сэма и Лесли за дружбу и поддержку в интересные времена.

Си Холли, Лаури Ловен, Фила Рейнса и Стюарта Уоллеса за обсуждения, внимательное прочтение ранних черновиков, откровенные отзывы, комментарии и поиск ошибок.

Writer`s Block, в том числе Алана Кэмпбелла, Джека Дейтона, Мораг Эдвард, Брэма Гибена, Марка Хардинга, Гэвина Инглиса, Хелен Джексон, Джейн Маккай, Стефана Пирсона, Чарли Стросса, Эндрю Уилсона и Кирсти Уишарт. Особая благодарность Эндрю Фергюсону за то, что познакомил меня с Аксолотлем.

Антти Аутио за его плавный финский и острый взгляд на детали и сюжетные дыры.

Сабрину Манискалько за дружбу и дискуссии по квантовой физике.

Якко Оджакангасу за музыкальное вдохновение.

Даррена Брайертона за то, что он впервые познакомил меня с философией разума, и Сами за то, что он был жёстким спарринг-партнером по смежным темам (а также хорошим другом).

Анни, Антти, Эйно, Пану, Санне, Лаури, Яакко и Туйе за гостеприимство и дружбу.

Моих родителей Мирье и Мауно за то, что убедились, что существует вневременное место под названием дом.

Зузану за лучшую правдивую историю, которую я только мог пожелать.

notes

Примечания

1

Разум *(фин.)*.

2

Бабочка *(фин.)*.

З

Й о с е г и – традиционное японское искусство создания мозаики из разных сортов древесины.

4

Клан *(яп.)*.

5

Заядлый игрок *(фр.)*.

6

Место забвения (*фр.)*.

7

Дом *(фин.)*.

8

А н а н с и – мифологический персонаж ряда народов Западной Африки, предстает в облике паука.

9

Сердце *(фин.)*.

10

Медведь (*фин.)*.

11

Г у л ь – персонаж арабской мифологии, оборотень, обитающий в пустыне и питающийся свежей мертвечиной.

12

Б а н у С а с а н – так в средневековом исламе называли нищих, жуликов и воров, якобы ведущих свой род от легендарного шейха Сасана.

13

А л ь – Д ж а н н а – в исламе рай.

14

Пар *(фин.)*.

15

А л ь-Л а т и ф – одно из девяноста девяти имен Аллаха.

16

Спокойный, тихий *(фин.)*.

17

В я к и – в финской мифологии существа, наделенные магическими способностями.

18

С у м а н г у р у – легендарный правитель Западной Африки, считавшийся не только воином, но и колдуном.

19

Николай Фёдорович Фёдоров (1829–1903) – русский религиозный мыслитель и философ-футуролог, один из родо– начальников русского космизма.

20

Героини финского эпоса. К у у т а р – дочь Луны, И л ь м а т а р – богиня воздуха, сотворившая мир.

21

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес. Пер. А. А. Щербакова.

22

К р и п т о н – вымышленная планета, на которой родился Супермен.

23

М а л и к а л ь – М у л ь к – одно из девяноста девяти имён Аллаха, означает Царь Царствия; аль-Мунтакин, аль-Хаким, аль-Мухей– мин и аль-Каххар – также имена Аллаха.

Б а р а к а – в исламе Божественное благословение.

25

Каменка *(фин.)*.

26

Ткачи света *(фин.)*.

27

Дно *(фин.)*.

28

Т у о н е т а р – в финской мифологии повелительница загробного мира.

29

Погребок *(фр.)*.

30

Марта Уэйн – героиня комиксов о Бэтмене, мать Брюса Уэйна.

31

Имеется в виду известная американская марка пищевых продуктов «Uncle Ben’s» – «От дяди Бена».

32

М у н к а р и Н а к и р – в исламе ангелы, которые допрашивают и наказывают мёртвых в могилах.

33

«Хрустальная пробка» – одна из книг М. Леблана об Арсене Люпене.